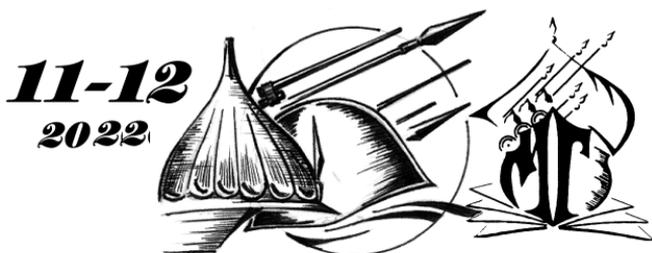

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Валентин КАТАСОНОВ. Пути к нашей победе	3
Наталья ОСИПОВА. Повторы истории	8
Галина ПЫРХ. Ювенальные вирусы	81
Сергей БЕРЕЖНОЙ. Бои местного значения. Из фронтового блокнота	126

ПРОЗА

Владимир ПРОНСКИЙ. Гиблое заречье. Повесть	15
Андрей ПУЧКОВ. Удачный выстрел. Рассказ	90
Михаил СМИРНОВ. Листья памяти. Рассказ	148
Василий ВОРОНОВ. После колхоза. Отрывок из книги	201
Владимир НЕЧАЕВ. Короткие рассказы	212

ПОЭЗИЯ

Валерий ХАТЮШИН. Русский свет. Стихи	71
Владимир ХОМЯКОВ. Затаённый огонь. Стихи	114
Николай АЛЕШКОВ. На расстоянии взгляда. Стихи	121
Андрей ГРУНТОВСКИЙ. Только любовь. Стихи	168
Елена БЕЗРУКОВА. Прощёная вода. Стихи	173
Стихи о войне за Россию	225

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Сергей КАРАМЫШЕВ. **Украина-Руина** 177

ЛАРЕЦ

Любовь ФЕДУНОВА. **Правда сердца.**
К 90-летию Василия Белова 235
Василий БЕЛОВ. **Такая война.** Рассказ 238

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Елена СУХОВА. **Русская судьба.**
К 100-летию Фёдора Сухова 250
Фёдор СУХОВ. **Я с вами, милые мои.** Стихи 253

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Мария МОНОМЕНОВА. **Насильно мил будешь!** 262
Михаил ОДЕССКИЙ. **«Пугачёвский бунт»** 266
Андрей СОШЕНКО. **Заставить слушать биение сердец** 268

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы.**
Размышления и воспоминания. Продолжение 270

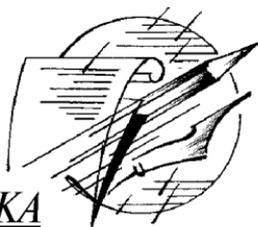
КРУГ ЧТЕНИЯ

Николай ПЕРЕЯСЛОВ. **ПоЗЫВные Войны** 280
Содержание журнала за 2022 год 283

ПУТИ К НАШЕЙ ПОБЕДЕ

Уже в конце февраля нынешнего года «коллективный Запад» назвал Россию «страной-агрессором» и заявил о радикальном сокращении или даже обнулении торговли с Россией. Далее последовали практические решения в виде последовательных пакетов санкций: в июле был утвержден уже седьмой пакет. Действия «коллективного Запада», впрочем, также нельзя назвать последовательными: обещанного обнуления торговли ни в этом, ни в следующем году не ожидается — особенно со стороны Европы, которая сильно зависит от поставок из России энергоресурсов и некоторых других товаров. Не вдаваясь в детали, отмечу, что сворачивание Европой импорта из России будет сильно растянуто во времени. А вот поставки жизненно важных товаров из Европы были серьезно сокращены уже в первые месяцы экономической войны.

Напомню, в марте правительство России составило список «недружественных стран», в который было включено 48 государств и юрисдикций, на сегодняшний день — 49. Из них более половины — 27 — приходится на страны Ев-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ропейского союза. Но именно страны ЕС и были основными торговыми партнерами России до начала санкционной войны. И именно они являются главной ударной силой в санкционной войне коллективного Запада против России.

В 2021 году на страны ЕС пришлось 36,0% (282 млрд. долл.) всего внешнеторгового оборота России: по экспорту — 38,3%, по импорту — 32,0%. Другие крупные государства из списка «недружественных стран» в прошлом году занимали достаточно скромное положение во внешнеторговом обороте России (%): США — 4,4; Южная Корея — 3,8; Великобритания — 3,4. Остальные — и того меньше. В целом на торговлю с недружественными государствами в прошлом году пришлось 54,2% русского товарооборота (55,8% русского экспорта и 51,4% импорта). А на страны ЕС пришлось ровно 2/3 всего товарооборота России с недружественными странами.

По законам настоящих войн после 24 февраля и объявления России «государством-агрессором» Москва должна была остановить любые товарные поставки в страны «коллективного Запада», в первую очередь в ЕС. Однако почему-то поставки природного газа и нефти не только продолжались, но даже и выросли. К сожалению, о торговле России с другими странами нам теперь приходится узнавать не из российских официальных источников (Федеральная таможенная служба, Росстат, Центробанк и др.), а из иностранных. Оперативная (помесячная) статистика засекречена. Приходится пользоваться данными таможенных служб других стран, которые зеркально отражают торговлю с Россией.

За первые 100 дней военных действий на Украине Россия экспортировала топлива на 93 млрд. евро. Причем выше 60% (57 млрд. евро) поставок ушли в ЕС. Крупнейшими европейскими покупателями оказались Германия, Италия и Нидерланды.

Вот, например, Германия — традиционно крупнейший торговый партнер России в Европе. В марте 2021 года ее импорт из России составил 2,97 млрд. евро, а в марте 2022 года он уже равнялся 4,88 млрд. евро: рост на 64,6% за год. В апреле 2021 и 2022 гг. Германия импортировала из России на сумму 3,13 и 4,01 млрд. евро соответственно. Рост на 28,5%.

Евростат 16 августа опубликовал данные по торговле ЕС с Россией за первое полугодие текущего года. Поставки товаров из России в 27 стран Евросоюза составили 120,4 млрд. евро. Для сравнения: за первую половину прошлого года они равнялись 67,3 млрд. евро. Рост на годовой основе — 78,9%. В основном это поставки сильно подорожавших природного газа и нефти, тогда как в физическом выражении объемы

поставок сократились. И это сокращение показало сильнейшую зависимость Европы от русских энергоносителей. Расписывать подробности этой зависимости не буду — и так уже всё всем понятно и в Москве, и в Брюсселе. Уже в марте стало ясно, что энергетика — ахиллесова пята ЕС, и эту слабость противника Москве надо использовать по максимуму.

А вот другая сторона медали — экспорт из ЕС в Россию или русский импорт из ЕС. Евростат сообщил, что по итогам первого полугодия 2022 г. наш импорт из ЕС составил 29,8 млрд. евро. В первом полугодии 2021 г. этот показатель равнялся 42,8 млрд. евро. То есть наш импорт сократился на 30,4%, а если считать только периоды после 24 февраля (отдельной статистики с такими подробностями нет) — скорее всего в разы. Примечательно, что традиционно в русском импорте из ЕС преобладали машины, оборудование, транспортные средства (в отдельные годы на эту товарную группу приходилось до половины всего импорта).

Главный поставщик товаров из Европы в Россию — Германия. По сравнению с первым полугодием 2021 года немецкий экспорт в Россию упал на 34,5%. В начале февраля текущего года Россия являлась пятым крупнейшим экспортным направлением Германии среди всех стран, не входящих в ЕС. Но после начала СВО и введения новых санкций объемы немецких поставок в русском направлении показали резкое снижение — в июле Россия была на 12-м месте. 22 августа Федеральное статистическое ведомство ФРГ опубликовало данные за седьмой месяц года. Общий объем германского экспорта в Россию в июле 2022 г. составил 1 млрд. евро — год назад 2,4 млрд. евро. Снижение на 58%.

Таможенная статистика отдельных стран — членов ЕС показывает, что сокращение импорта из Европы в меньшей мере затронуло бытовые товары, а в большей степени — инвестиционные и наукоемкие. Что ж, Вашингтон и Брюссель хорошо знают ахиллесову пята России (зависимость от западных машин и оборудования) и наносят удары именно по ней.

Понятно, что для нанесения этих ударов Вашингтон привлекает и другие страны из лагеря «коллективного Запада». Например, Южная Корея в марте этого года сократила поставки товаров в Россию на 56% по сравнению с аналогичным месяцем 2021 года. В апреле и мае этого года снижение составило 71% и 60% соответственно. Но гораздо интереснее то, что Вашингтону удастся добиваться сокращения поставок товаров в Россию даже из многих стран, которые Москва считает «дружественными». Да что там «дружественны-

ми» — иногда даже «союзниками»! В первую очередь Китай. «Союзнический» Китай снизил поставки товаров в Россию в марте этого года по сравнению с мартом прошлого года на 7,6%. В апреле и мае снижение на годовой основе составило соответственно 40,0% (!) и 8,6%. «Дружественные» и даже «союзнические» государства боятся вторичных санкций со стороны Вашингтона. В связи с этим вспоминаются слова императора Александра III: «У России есть только два союзника — ее армия и флот». За более чем столетие в мире в этом смысле почти ничего не изменилось.

Итак, мы наблюдаем разнонаправленные процессы: рост нашего экспорта в страны ЕС и сокращение импорта из этой группы стран. В прошлом году в первом полугодии дефицит баланса торговли ЕС с Россией был равен 24,6 млрд. евро. В этом году полугодовой дефицит баланса торговли вырос до 90,6 млрд. евро, т.е. в 3,7 раза. А что такое дефицит торгового баланса? Это означает, что Москва, имея хронически асимметричную торговлю с ЕС, регулярно и систематически кредитует своего «торгового партнера». При чем за год это кредитование выросло в 3,7 раза!

Вы где-нибудь слышали, чтобы страна, которой объявили войну на поражение, кредитовала бы своего противника или потенциального убийцу? Я таких прецедентов в истории не знаю. Европа продолжает пользоваться русскими энергоносителями, платя за них фантиками, на которых написано «евро». (Никакого обещанного перехода в расчеты за природный газ на российские рубли не произошло; европейские импортеры по-прежнему рассчитываются еврами.)

Уже даже русские денежные власти (Центробанк и Минфин), привыкшие играть с Западом в поддавки, называют евро и доллар США «токсичными валютами». Ведь они — не более чем долговые расписки, которые Запад уже привык «сжигать» или «обнулять». На их птичьем языке это называется «замораживанием» и конфискацией валютных активов противника (в список таких «противников» в любой момент может попасть любое государство, отклоняющееся от генеральной линии «вашингтонского обкома партии»).

Если всё называть своими именами, то Москва ведет войну с «коллективным Западом» по тем правилам, которые ей навязываются из Вашингтона, т.е. по правилам игры в поддавки. Но мы должны играть по своим правилам, целью которых является победа в войне и восстановление Россией ее национального суверенитета. Вот какими должны были бы быть наши ходы на шахматной доске войны с «коллективным Западом»:

1. Россия в тот же день, когда началась СВО на Украине, перекрывает вентиль на трубе, доставляющей Европе природный газ.

2. Россия выставляет Европе ультиматум, состоящий из нескольких пунктов. Самый главный из них — «Не вмешайтесь в проводимую Россией СВО!». Еще один пункт: завершение в кратчайшие сроки проекта «Северный поток — 2» и переключение маршрутов доставки природного газа с украинского транзита на новый трубопровод. Важным также должен стать пункт, предусматривающий переход в расчетах за природный газ с евро и долларов США на российские рубли. Выполнение этих и других пунктов ультиматума — залог поставок газа, а также нефти и других жизненно необходимых ресурсов.

3. Срок действия ультиматума не должен быть большим, чтобы потенциальный противник не успел адаптироваться к новой ситуации. При получении необходимых гарантий восстанавливаем поставки природного газа и других ресурсов в Европу.

4. В дальнейшем торговля России с Европой должна осуществляться на паритетной основе, т.е. должен соблюдаться принцип уравниваемости экспорта и импорта. Это позволит прекратить необоснованное кредитование Европы.

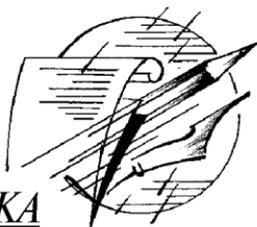
Конечно, преимущества эффекта внезапности, который присутствует в предложенном алгоритме, сегодня уже упущены. Но с некоторыми корректировками этот алгоритм можно и нужно претворять в жизнь и сегодня. И чем быстрее, тем больше шансов на нашу победу.

ПОВТОРЫ ИСТОРИИ

Началось не вчера. Мы же помним эти скандальные опросы-забросы, целью которых было зондирование и одновременно формирование общественного мнения на тему, что «стало сдать блокадный Ленинград, чтобы спасти тысячи жизней». Сдаешь город врагу — спасаешь, пьешь баварское. Держишь оборону — убиваешь мирных людей, не Гитлер, а ты, сражающийся солдат. Подлая, невыносимо гнусная манипуляция, которая подменяет образ врага на доброго, участливого дядю. Немцы, эта культурная нация, нация Гете и Шиллера, и накормила бы, и напоила, и работу и кров дала. Простой обыватель уцелел бы...

Идеальная логика предателей, прекрасно изложенная в советском сериале 70-х годов «Рожденные революцией». Слова всё те же, знакомые:

«Значит, спокойно сидите по своим квартирам и ждите. Немцы никого не тронут. Вы простые люди. Из вас выжимали все соки. Вы кто? Коммунист, чекист? Зачем же уходить в неизвестность, на верную смерть. Немцы придут — дадут всем работу. Немцы — это культурная нация, пере-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

довая, цивилизованная, вся история человечества связана с ними».

В фильме так говорит провокатор.

Ничего нового, впрочем. Аналогично в «Братьях Карамазовых» говорит Павел Смердяков. «В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с».

Обыватель формата «Смердяков» обычно так устроен, что у него память куриная и интеллект не больше наперстка. Поэтому он не в состоянии понять прочитанное, сделать выводы из книг, фильмов и документов. Нет, сколько ни показывай печи Майданека идиоту, он все равно будет бредить цивилизованной нацией, которая, если доведется, победит нецивилизованную, его собственную, его самого.

И мы опять стоим на той же черте.

Как мы знаем, история повторяется второй раз в виде фарса и в третий раз — для тупых. Стадию фарса проехали быстро, почти не начиная: пара захлебнувшихся майданов, введение русских в статус неграждан в Прибалтике, шествия эсэсовцев в странах неонацистских шпротных этнократий, возмутительные в своем абсурде и смехотворности, наглости и антиисторичности заявления евробюрократии по поводу того, что Сталин равен Гитлеру и СССР виновен во Второй мировой войне наравне с рейхом, обвинения в послевоенной оккупации Европы. Но то, что мы воспринимали фарсом, историческим пиаром на костях, которым занимались европейские и российские мерзавцы, называющие себя почему-то либералами, оказалось прелюдией к новой трагедии.

И вот мы наблюдаем, что происходит в странах и краях, оставленных нашими. Там, где Россия добровольно и мирно ушла или поделилась своим — землей, промышленностью, народом, произведениями искусства, открытиями, инфраструктурой. Ушла, оставила. По вражеской версии — проиграла, отступила. Они считают эти земли и края отвоєванными в холодной войне. И теперь они делают там всё, что считают нужным для себя.

Вспомним прекраснóдушные всхлипы либералов и всяких «антиимперцев» о том, что не надо в День Победы парада, салюта, концертов, надо скорбеть, каяться и тихо чтить павших. Тех самых, чьими «труппами закидали», по выражению смердяковцев, врага.

Не нравится празднование победы над нацизмом в России? Извольте полюбоваться на альтернативные мероприятия в Прибалтике, на осквернение могил — когда из земли в прямом смысле выкорчевывают наших дедов, останки наших великих победителей, святые солдатские косточки. Как вам такая версия истории? Теперь хорошо?

Не нравится советская монументальная пропаганда, слишком много поставили памятников советскому воину-освободителю, не все они художественно гениальны? Извольте любоваться варварским сносом — когда Родину-мать сбивает хищным красным клювом строительная техника, и она валится на бок, воздевая руки к небу. Так пойдет?

И, кстати, убит не только монумент — приговорено всё живое. Жутковатая подробность: рыб, обитавших в пруду возле монумента освободителям в Риге, том самом пруду, куда рухнула стела памятника, создав два голубиных крыла из брызг, — этих рыб выловят и скормят животным в зоопарке. Каков символизм! Местные законы запрещают перенос рыбы из одного водоема в другой, поэтому только так — скормить. Экологично. По той же логике убили жирафа Мариуса в датском зоопарке, расчленили на глазах детей. Тоже какие-то законы нарушал. Убить.

Для тех, кто не верит документальным фильмам кино- и архивным материалам, сама реальность выкладывает знакомые образы, сцены, события. Факельные шествия. Имеются. Убийства по национальным и политическим мотивам? Сколько угодно. Террор? Разумеется. Возрождение нацистской символики? Конечно. Искоренение национальной культуры, языка врага — безусловно. Про героизацию Бандеры и Шухевича, про называние улиц и площадей именами преступников я даже не говорю. Правда, не нашлось по убогости нынешних нацистов среди них фигуры, равной любимому архитектору Гитлера Шпееру: чтобы тот построил во Львове или Юрмале город-мекку нацизма по лекалам идеологической столицы рейха — Нюрнберга. Но не надо обольщаться. Эти нацисты хоть менее эстетически одаренные, но цели их всё те же. Просто времени у них мало, торопятся.

Приведу фрагмент из стенограммы Нюрнбергского трибунала:

«Экснер (юрист, защитник Йодля на процессе. — Авт.): Я бы хотел сейчас вас прервать. В своем дневнике — документе номер PS1807 — вы пишете 12 июня 1942 (страница 119, вторая документальная книга): «Германская полевая полиция разоружила и арестовала роту усташей из-за жестокостей,

совершенных против гражданского населения в Восточной Боснии». (Здесь нужно уточнить: данная рота усташей была чем-то вроде войск СС в Хорватии и сражалась на германской стороне. Из-за жестокостей германская полевая полиция ее арестовала.) «Фюрер не одобрил данную меру, которую предприняли по приказу командира 708-й дивизии, так как она подрывает авторитет усташей, на котором зиждется всё хорватское государство. Это обязательно окажет более пагубное влияние на мир и порядок в Хорватии, чем волнение населения, вызванное этими жестокостями.

Йодль: Да».

Что это напоминает? О том, что использование нацистских батальонов для укрепления режима — старая недобрая практика, которую использовали гитлеровцы. Усташа были в Хорватии, «Скрещенные стрелы» — в Венгрии, латышский легион СС — в Латвии. На современной Украине эту роль играют «Азов», «Айдар» и «Торнадо». Украина была вынуждена осудить торнадовцев как особо зверствующих: информация об их преступлениях попала в «Амнести Интернэшнл» — отбояриться не получилось. Но теперь они снова на свободе, убивают русских. Есть логика удержания власти нацистами — эти режимы стоят на непрерывно возрастающем терроре. Политика Запада в Восточной Европе построена как раз на этом механизме управления неонацистскими этнократиями. Так что «Азов» из этой песни не выкинешь, ибо он есть инструмент удержания власти. И не власти Зеленского, конечно.

«Торнадо» — нацбатальон, попавший под украинский суд за многочисленные зверства на территории Украины. Он был создан из ветеранов АТО — расформированного из-за мародерства и военных преступлений нацбата «Шахтерск». Но превзошел его по чудовищности преступлений. Садисты из этого батальона были выпущены из тюрем в марте и отправлены на фронт.

Современная бессовестная русофобская пропаганда, которую мы сами часто называем успешной, построена по тем же лекалам, иногда совпадающим до запятой. Длинная цитата, но она того стоит:

«Нет сомнения, что все в Европе, не исключая как раз и нас, немцев, недооценили этих русских. Мы недооценили их в их грубой организации. Мы не сразу заметили, что в этой России произошло то, что 700 лет назад происходило несколько дальше, в Монголии. Что один родившийся в каком-то уголке Азии жестокий диктатор, гигант, называйте его хан, каган или великий хан, за короткий период мобилизовал огромные силы, в

азиатской форме организовал и вооружил их, чтобы начать победоносный поход на Запад».

«И теперь — новое нашествие из Азии в исполнении этого 200-миллионного народа. Мы, конечно, думали, что сможем сломить, прежде всего материальную часть русских (имеется в виду военная техника и прочие средства ведения войны. — Авт.). Я твердо убежден, что мы сломим их людские ресурсы. Их 200 миллионов. <...>

Я считаю — и здесь, как я думаю, я обращаюсь к тем, кто это и так понимает, — что мы должны подходить к ведению этой войны и нашего похода на Восток следующим образом: как мы лишим русских наибольшего количества людей — живых или мертвых.

Если мы — и я убежден в этом — будем в целом вести войну, последовательно проводя эту линию на уничтожение людей, то лично я не сомневаюсь, что еще в течение этого года и следующей зимы русские будут обескровлены».

Это Гиммлер, 1943 год, выступление в Харькове перед дивизиями СС. Только нас теперь меньше, чем 200 миллионов, к сожалению.

Оставленная нами русская земля превращена Украиной в Анти-Россию, где язык и культура под запретом, где всё русское уничтожается на корню. Потому что мы забыли о том, что было их целью тогда. Или до конца не верили. Не может же цивилизованная нация...

Гиммлер осенью 1942 года выступал с речью в юнкерской школе СС в Бад-Тельце и разъяснял, как будут использоваться территории, отвоеванные у СССР. «После победы германского народа нам предстоит освоить и колонизировать восточное пространство и включить его в ареал европейской культуры. В течение 20 лет с момента окончания войны — я поставил перед собой эту задачу и надеюсь решить ее вместе с вами — нам надо отодвинуть германскую границу на 500 километров на восток. Это означает, что мы должны направить туда наши крестьянские семьи, организовать переселение лучшей германской крови и подчинить многомиллионный русский народ достижению наших целей».

Фактически эта граница (тогда немецкая, а теперь — натовская) сейчас отодвинута на Восток. Понадобилось тридцать лет. И многомиллионный народ, которому рассказали, что он не русский, подчинен достижению их целей. А цели те же.

Послушаем Герберта Бакке, статс-секретаря Министерства сельского хозяйства и продовольствия рейха, автора аналитической записки экономического штаба плана

«Ост» — плана разграбления территории СССР — от 23 мая 1941 г. Уроженец Батуми и знаток нашего сельского хозяйства предлагал полностью разорвать продовольственные цепочки между черноземными регионами-донорами на юге и индустриальными регионами, потребителями в Центральной России. Продовольствие и сырье требовалось для вермахта и жителей Германии, которая из-за британской морской блокады находилась на пороге продовольственного, сырьевого и энергетического кризиса. Ощущение, что читаешь ленту новостей.

«А что же будет с русскими и украинцами?»

Многие десятки миллионов на этой территории станут лишними и умрут или должны будут перебраться в Сибирь. Попытки спасти население от голодной смерти поставками из плодородных областей могут осуществляться только за счет снабжения Европы. Регулирование рынка и выделение продуктов для этого региона исключены, потому что такое выделение означало бы, что у немецкой администрации есть какие-то обязательства перед населением. Подобные претензии заранее исключаются».

Кстати, даже бестрепетные обстрелы Запорожской АЭС Украиной, которая, казалось бы, в случае попадания станет зоной радиационного поражения, тоже легко объясняются, если знать историю. Нацисты искали способ быстрой и дешевой стерилизации славянских народов. Личный референт рейхсфюрера оберштурмбанфюрер СС Рудольф Брандт писал о целях этих исследований предельно откровенно: «Гиммлер был чрезвычайно заинтересован в создании дешевого и быстрого способа стерилизации, который можно было бы применить против врагов Германии, таких как русские, поляки и евреи. Рабочая сила стерилизованных людей могла бы эксплуатироваться Германией, в то время как угроза их размножения была бы пресечена».

Самым эффективным методом считалась тогда радиация. Выгодная еще и тем, что жертва не видит и не ощущает момента облучения. Очень удобно. Эксперименты по облучению проходили в Освенциме под руководством оберфюрера СС Виктора Германа Брака. Тогда не знали, что радиация не только делает человека бесплодным, но еще и убивает. Теперь знают. Так что обстрелы АЭС дают нам возможность судить о целях провокаторов.

Примеры можно множить. Одна из целей, любимая, повторяющаяся из века в век, и теперь они опять прямо упоминают ее в своих документах — расчленив Россию, лишить армии, уничтожить как самостоятельную силу. Нам остает-

ся только ткнуть носом в суровую реальность тех, кто многие годы повторял как заклинание: «Ой, вы что, верите в то, что Америка и Европа хочет на вас напасть? Да кому мы нужны, да кто нам угрожает?..»

«В Треблинском лагере уничтожения был построен фальшивый вокзал с кассами, расписанием поездов и прочим, чтобы высадившиеся из эшелона не могли сразу ориентироваться и понять, что их привезли в глухой тупик. В некоторых случаях людей заставляли перед смертью писать письма родным, что усыпляло беспокойство и подозрения, — это свидетельство есть в «Черной книге», составленной Эренбургом и Гроссманом. До последнего нацисты не хотели давать знать людям, что собираются их убить. Но чем больше становился масштаб уничтожения, тем меньше требовалось декораций. И к концу войны перешли к промышленному производству смертей, практически в открытую, и усовершенствовали технологию уничтожения трупов — тоже открытым способом, уже даже без печей.

Разница между нацистами, побежденными и истлевшими в могилах, и нынешними, упитанными, самоуверенными, предвкушающими массовое убийство русских и подпрыгивающими от нетерпения, только во времени. Но у нас есть фора, заработанная нашими дедами — теперь мы знаем, что мы должны их победить окончательно.

ГИБЛОЕ ЗАРЕЧЬЕ

ПОВЕСТЬ

1

Гендиректор строительной компании Герман Чернопут частенько оказывался в мутной ситуации, но все предыдущие мало чем напоминали теперешнюю, откровенно связанную с возможной потерей крупного бизнеса. Едва закончились рождественские каникулы, пугающие известия приходили одно за другим. Выглядели они реально грозно: Чернопуту было что терять, если его компания вошла по итогам года в десятку лучших его города-миллионника. Как только это стало известно, пришли гости — два крепких молодых господина, со вкусом одетые, на вид и по поведению вполне интеллигентные, и предложили... продать компанию. Догадываясь, кто за ними стоит, Герман не стал грубить и возмущаться.

— Передайте тому, кто вас прислал, что год только начался, я обвешан сотнями договоров, и если их скопом разорвать, то фирма сразу обанкротится. Понимаю, что кому-то это будет на руку, но я готов рассмотреть предложение о продаже контрольного пакета своих акций, и позвольте мне достойно раз-

ПРОЗА

рулить ситуацию, а пока отложим предметный разговор до лета! — доходчиво и твёрдо сказал Герман Михайлович.

— Мы вас услышали! — как по команде поднялись «интеллигенты» и, не попрощавшись, ушли.

— Кто это был? — испуганной канареечкой заглянув в дверь и тряхнув локонами, удивилась секретарь Лена. — Такие наглые!

— У меня спрашиваешь? Сама же записывала их на приём!

Шуганув секретаря, Герман Михайлович, сидел какое-то время без движения, обдумывая визит гостей, прикидывая свои возможности борьбы с ними, но нужна ли она ему, эта борьба? Может, пора уgomониться, довольствоваться тем, что нажил. Ведь этого вполне хватит не только им с женой, но и дочери с внучкой. Не тот у него возраст, чтобы «бодаться». Это в прежние годы напрягался, а если не удавалось договориться, тогда приходилось всё начинать сначала, преодолевать такие трудности, какие, казалось, и преодолеть невозможно. Невысокий, подвижный, с шапкой блондинистых и немислимо кучерявых волос, совсем не подходивших к его «чёрной» фамилии, он умел обратить внимание всякого человека, а обратив — подчинить с пользой для себя. Иногда он удивлялся: откуда у него, простого водителя танка, как он любил подчёркивать свою службу в армии, за что коллеги шуточно называли Танкистом, такая хватка? Она у него действительно имелась, он это знал, поэтому раньше времени решил не поднимать лапок, а наверняка узнать, откуда дует ветер, и тогда окончательно определиться.

Была и ещё причина пересмотра отношения к жизни. Пришла пора подумать об отъезде с семьёй в тёплую страну, чтобы обосноваться там и забыть обо всём, что могло связывать с теперешней жизнью, отдаться любимому делу, всегда остававшемуся на обочине интересов. И делом этим была литература. Ему ничто не мешает заниматься сочинительством, там не будут прилюдно обзывать графоманом, тем самым нанося творческий урон, казавшийся намного болезненней, чем все остальные болячки. Живи, блаженствуй и занимайся любимым увлечением. В мыслях он улетал даже выше, фантазии увлекали на недосыгаемую высоту. Иногда, находясь словно в мороке, он грезил о молодой любовнице, ведь пока он не совсем уж старый, у него есть деньги, даже и такие, о каких не знают в семье, но это являлось не главной тайной. Главной же, приятно гревшей душу, была совсем иная, со временем он её раскроет, докажет, что не зря всю жизнь работал на неё. И что ему тогда какие-то «интеллигенты», если но-

вый, многостраничный роман прославит на века. Хотя ныне читать почти перестали, но он был уверен, что своим романом он перевернёт души у всех, даже у тех, кто из-за гаджетов не берёт в руки книжек.

Мечта о выдающемся романе являлась настоящей тайной. Казалось бы, уж ему ли жаловаться, если он публиковался, издавал книги, но сам-то Герман понимал, что необходимо написать такое, от чего ахнет весь мир. Время для этого подошло, если сочинительством он заразился в молодости и за все минувшие годы не мог распрощаться с ним. Часто волей-неволей вспоминал, как впервые распахнул дверь «районки» и предстал перед удивлённым редактором, стесняясь своего мелкого роста и непривычной обстановки. Тогда он не понимал, что обрекал себя на нескончаемую цепочку приключений и борьбы. Когда же опубликовал первый рассказ, то открылось бесконечно счастливое время в ожидании вереницы публикаций и книг, а вместе с ними и признание будет верёвочкой виться. Правда, в какой-то момент времени искривились, и вдруг стало понятно, что никому ни до кого нет дела. Пишешь? Прекрасно! Ищи издателя, издавай и зарабатывай на этом деньги. Если сумеешь. Герман попробовал, но дельного ничего не получилось. Его душа не позволяла забыть первоначальные устремления, и он понимал: предав самого себя, ничего не сможет создать дельного, а за то, к чему лежала душа, почти не платили. Кто-то, конечно, забросил сочинительство, кто-то «перекрасился», кто-то создал литгруппировки, надеясь, что скопом легче заявить о себе. Любители групповщины забывали лишь об одном: как сменяются времена года, так приходят и уходят группировки. Каждая новая «бригада» шумно заявляла о своих амбициях, создав журнальчик, а потом, взбаламутив воду в литературном омуте, благополучно и тихо исчезала в его тёмной глубине, и на поверхность водоворота поднимались лишь поэтические береты и несколько номеров выпущенного по случаю журнальчика; в прошлом году в одном таком омуте даже видели всплывший монитор, на котором светились буквы «SOS», правда, слухам не верили и понимали, что это неуместная и злая гипербола какого-то балбеса.

Переживания Чернопута не являлись стенанием неудачника, нет. Не зацепившись за основной писательский союз, он пристроился во вновь образованный. Среди своих был на виду, издавая романы, сочинённые с помощью приятеля, которому приходилось платить из-за нехватки собственного времени. Уж худо ли, бедно ли, но в бизнесе он кое-чему научился, умел вовремя подсутиться к нужным людям, зару-

читься поддержкой друзей в областной торгово-промышленной палате. А чтобы окончательно быть на виду, надумал создать благотворительный фонд помощи творческим людям, но в своём писательском сообществе пока ничего не говорил о нём, зная, что «гений» Тимофей Семибратов, возглавляющий их союзик, в миг превратится в кровососа, начнёт, как обычно, только с бóльшим аппетитом клянчить деньги на творческие стипендии, на издание книг и даже подскажет, с кого необходимо начать этот список: с него, конечно же! А Герману уж так не хотелось кормить этого прихлебателя, что даже как-то грубо заявил:

— Тимофей, да катись ты к бабушке Ядрёне и попроси у неё...

Что именно попросить, Герман не уточнил, и своим грубым советом окончательно настроил того против себя. Но теперь было плевать на семибратовских графоманов, из зависти обходивших его стороной, а иногда просто не замечавших. Видя такое к себе отношение, Герман принципиально не уплатил очередной членский взнос, на каждом литературном углу, и не только литературном, дербанил заединщиков, кем только не обзывая, а недавно так и вовсе высмеял в городской газете как явных перерожденцев, мечтающих коварно направить ход истории в узкий тупик, где не развернуться и от неподвижности можно навсегда окаменеть.

После явно оскорбительного выпада, Семибратов созвал внеочередное общее собрание, кое-как организовав кворум. Узнав, что готовится его исключение из карманного союза, Чернопут через своего порученца прислал заявление о выходе из него, на что имел полное право, тем самым упредив унижительное событие. Вскоре переманил под новое знамя полдюжины неустойчивых литераторов, пообещав ежемесячную стипендию, создал из них инициативную группу и попросил своего юриста подготовить и оформить надлежащим образом бумаги для регистрации вновь созданной общественной организации «Писатели Заречья». Название звучное и конкретное, не сравнить с прежним тенденциозным: «Высокий стиль». Да какой высокий, если до самого низкого-то половина членов не могла дотянуться.

2

Получив на руки регистрационное свидетельство, Чернопут торжественно объявил, что к тому же является президентом благотворительного фонда, и стало понятно, что первыми обладателями творческих грантов будут зареченские прозаики и поэты. А чтобы не быть пустозвоном, сразу объявил

конкурс на лучший рассказ и подборку стихотворений, решив напоследок ещё раз хлопнуть дверью. Когда после объявления о конкурсе на ТВ, в печати и на сайте «Любимый город С» стала известна сумма призовых, то многие ахнули... Миллионную выплату объявил Чернопут победителям, да плюс издание книги, а пятерым финалистам в каждой номинации по сто тысяч положил! Вот это размах, вот это почин! Понятно, что после этого члены «Высокого стиля» начали стремительно покидать Семибратова и перетекать к Чернопуту; многие навсегда, но некоторые осторожные и дальновидные, не желая расставаться с прежней организацией, лишь на всякий случай запаслись новыми членскими билетами, надеясь быть на виду у руководителя фонда.

Одного такого — Валентина Подберёзова — он пригласил в загородный дом в Жаворонках. Здоровенный Подберёзов, которого Герман называл Джонсоном за его спутанные рыжие волосы и слюнявый рот, потоптавшись у ворот и назвав себя в переговорное устройство, оказался на усадьбе, заваленной снегом, распухшим шапками на разлапистых соснах, фонарях освещения, но дорожки прилежно расчищены, а у стеклянных входных дверей демонстративно лежал простой полярный веник. Заметив глазок видеонаблюдения, Подберёзов поправил маску, старательно обмахнул с ботинок несуществующий снег и позвонил в дверь. Когда же она распахнулась, то, слегка пригнувшись, протиснулся внутрь, поздоровался с Чернопутом, попытался с ним обняться, изрядно для этого наклонившись. Продолжение встречи оказалось радушным, да и не могла она быть иной, ведь когда-то он помогал Герману в издании книг, возглавляя солидное издательство, пока его бизнес не отжала банковская молодёжь, который и бизнесом-то по-настоящему не являлся, но молодёжь этого не знала.

— Ну что, дорогой, давно мы с тобой книг не издавали?! — боевито спросил Чернопут, пригласив в кабинет, словно подстегнул. — Не взбодрить ли нам себя, тем более что у моего фонда намечаются для этого некоторые возможности?! — доложил он более подробно, словно от Подберёзова что-то зависело, и приглушил голос: — Пользуясь случаем, хотел бы помочь тебе. Ведь ты-то мне помогал в трудные времена... Да сними ты маску-то?! Есть, с чем выйти к читателю?

— Роман лежит готовый. Рассказов да повестей изрядно накопилось.

Хотя и любезно разговаривал Герман с Подберёзовым, но давнюю обиду помнил, когда тот прикарманил его деньги на издание книги, сославшись на дефолт, хотя до дефолта было

полгода. Денег у Чернопута тогда было не густо, поэтому и обидно показалось остаться в дураках. Но он никогда не показывал обид, а это совсем плохо для обидчика, если обиженный молча ждёт подходящего случая, чтобы расквитаться. Поэтому теперь, когда в фонд стали поступать значительные суммы от меценатов, Чернопут по-настоящему всё вспомнил.

— К тому же мы и литературный конкурс решили учредить. Чем не подходящий случай, чтобы отличиться. Сам же знаешь, что в наше время необходимо везде светиться и уметь подать себя, и, конечно, помогать творческим людям. Думаю, вполне можешь возглавить его. На днях читаю в газете, что один из семибратовских стал лучшим поэтом Азии! Вроде ранее и не слышал о нём, а его, оказывается, весь мир теперь знает.

— Есть такой... Пятиминутка, сквозняк! Насмотрелся я на них. Почти двадцать лет вёл конкурс в городской газете. И что-то не нашёл для себя особой пользы. Зато недоброжелателей нажил массу. Ведь все, кто ни пришлёт работы на конкурс, почему-то считают, что непременно именно их необходимо осчастливить, а не понимают того, что на мне чисто техническая роль: принять работы, подготовить к печати, если они достойны этого, а в конце года раздать жюри, чтобы его члены прочитали и голосованием определили победителя.

— Ну, это обычная практика!

— Обычная. Да не совсем. Да и меньше становится соискателей, потому что премия в газете копеечная, а в последние годы она и вовсе иссякла.

— У нас другие возможности. Миллион можно получить!

— Значительная сумма. Из-за такой как раз все и передерутся.

— Это и хорошо! Ты сразу окажешься на виду, сразу станешь уважаемым. Ведь принцип «Я — тебе, ты — мне» никто не отменял.

— Поздновато за славой гоняться...

— Ладно-ладно, не ворчи. Славы не бывает много. Да и не бесплатно будешь работать. К тому же к тебе будет совсем иное отношение. В поездки начнут приглашать, в президиумы, а уж на рыбалку и шашлык-машлык — это само собой разумеющееся. В первый год миллион не обещаю, а на будущий, думаю, не будет препятствий. А вот сотенку к редакторской зарплате, считай, уже имеешь...

— Можно, конечно, поработать... — сдержанно улыбнулся Подберёзов. — Весной начать, а осенью подвести итоги.

— Ну и чудак же ты! Да за два-три месяца никто толком и

не узнает о конкурсе. Но если запустить его сейчас, то к зиме сполна успеем насладиться вниманием и любовью соискателей.

— Да ладно. Все они хороши, особенно лауреаты, до объявления результатов. Когда же объявят итоги, на другой день все забывают о конкурсе и его координаторе, а уж жюри им и вовсе ни к чему. Знаем, проходили. Иной лауреат, отхватив денюгу, даже ждёт угощения, как один мордovorот из нашей области, а заезжий сибиряк стаканом чая отделался. И дело не в выпивке или богатом застолье, нет. Мужики же мы! Разве плохо отметить премию и выпить совместно по рюмашке-другой, поговорить — это только сближает, раскрывает душу, ведь общее дело делаем. Ничего иного от них и не нужно, но ведь внимание и доброе слово разве трудно сказать?! А то, бывает, иной все телефоны оборвёт, а как добьётся своего, то и сделает ручкой. Были и такие случаи, когда и вовсе предлагали: мол, премию оставь себе, а мне звание и почёт. Но самые злые — это те, кто до объявления результатов безмерно лебезит в надежде привлечь к себе внимание, а как премия мелькнула мимо, то становятся врагами: иногда явными, иногда скрытыми.

Рассказывал это Подберёзов, желая по-настоящему предостеречь, что из-за огромных призовых начнётся горячая война, потому что многие люди — дрянь, из-за денег готовы из кожи вылезти, но упомянув об этом и сообразив, что хозяин не поддерживает его суждений, более не заводил подобных разговоров, понимая, что Герман не в том сейчас настроении, чтобы вызывать у него сомнения, когда, говоря о конкурсе, он отчаянно жестикулировал и закатывал горящие синевой глаза. Да и не его это дело, если появились такие деньжищи, тем более что обещал и его самого не обидеть. Как говорится, хозяин — барин.

— Это всё мелочёвка, — посмурнел Чернопут, словно прочитал мысли Валентина. — У нас иной уровень, и мы будем далеки от дрязг. Так что в ближайшее время начнём действовать. — Он о чём-то задумался и, будто вспомнив важное, хлопнул в ладоши: — Вот что... А не стать ли тебе первым меценатом?! А я буду везде вещать, что, мол, простой редактор городской газеты пример подал — внёс в благотворительный фонд из собственных сбережений, например, полмиллиона.

— Да откуда такие деньжищи-то?!

— Кредит возьми... Потом все деньги сторицей вернёшь. Обещаю!

— Всё равно это невозможно! Такой хомут на шею вешать,

проценты платить... У меня в записке есть сотка, вот её могу спонсировать, а более ни-ни — жена из дома выгонит, — испуганно пообещал Подберёзов и сильно покраснел от волнения и нахлынувших чувств. — К тому же я надеялся хоть на какую-то премию!

— Ну, о премии рано заговорил. Но ведь ты координатор.

— Координатор — не член жюри, и приличия будут соблюдены. Вот получу премию, тогда на следующий год могу и в жюри поучаствовать.

— Как у тебя всё просчитано. Ладно, не переживай. Для почина хватит и твоей сотки, дело верное.

Поговорив и всё обсудив, они прошли в крытый бассейн, освежились в душе, поплавали, а потом сели за накрытый стол. Выпили коньячку и перекусили, в разговоре уточнили детали предстоящего конкурса. Когда же Валентин обсох и остыл, Герман вызвал для него машину и попросил водителя отвезти гостя туда, куда он укажет.

3

На другой день Чернопуту позвонил Семибратов. Слышать этого толстяка и обжору Герман не хотел, но любопытство оказалось сильнее, и моментально созрел план разговора с недавним недоброжелателем.

— Герман Михайлович, рад, очень рад приветствовать вас и поздравить с прекрасным начинанием! Каюсь, я был не прав, когда уж слишком резко отзывался в ваш адрес... Все нервы расшатал, чтобы удержать в узде организацию. Некоторые прежние расхождения во взглядах мной устранены, и нам ничего не мешает вновь быть любезными друг другу, как в недавние времена... — вкрадчиво говорил Семибратов.

— А я ничего и не помню такого... Как говорится, кто старое...

— Вот именно, вот именно... Поэтому очень хотелось бы поучаствовать в конкурсе. Ведь важно участие, а не победа, я так понимаю?

— Да и победа не помешает, тем более подкреплённая кругленькой суммой. Правда, сам я конкурсом не занимаюсь, а ведёт его известный тебе Подберёзов. Посылай ему на электронную почту, указанную в объявлениях, а я, так уж и быть, если ты не злопамятный и с понятием, замолвлю за тебя словечко.

— Спасибо, дорогой человек! Я всегда знал, что ты настоящий. Злопамятные — это слабаки. А ты — сила, воин!

— Ну, перестань... Не об этом сейчас речь. Надо думать, как прославить наших писателей, чтобы о них знала вся страна, весь мир!

— У нас уже есть такой — лучший поэт Азии!
— Ага, лучший поэт Азии и пустынных окрестностей... Не будем об этом, мы не из тех, кто любит бросаться высокими словами. Свяжись с Подберёзовым. Он всем пример подал: уже внёс деньги в фонд, но и ты не теряйся!

— И сколько же нужно внести?

— Пол-лимона внесёшь и будешь на коне!

— Не, такой подход не годится. Никакая мне тогда премия не нужна!

— Смотри сам, неволить не могу..

— Ладно, ты меня тоже извини... — и положил трубку.

Не успел Герман подумать: «Вот скупердяй», как раздался звонок от Семибратова, и он негромко и через силу промолвил:

— Ладно, согласен... Пару сотен как-нибудь завезу..

— Вот это другой разговор! — не показывая радости, поделовому похвалил Герман Михайлович.

Разговор с Семибратовым рано или поздно должен был состояться. Это Чернопут точно знал, учитывая его характер — всегда держащего нос по ветру, не упускавшего и малейшей возможности пожить. Это и хорошо, что позвонил и тем самым настроил на иронично-шутливый лад. Весёлые и каверзные мысли заполнили душу Германа, когда он возвращался в Жаворонки, где в этот пятничный день должна собраться семья по случаю его юбилея. Это не шутка — 50 лет!

Официальный юбилей будет завтра, и будет его отмечать Герман с женой в кругу деловых людей, а пока они поужинают всей семьёй, а перед ужином Герман поозорует с пятилетней внучкой Виолой, побегает «лошадкой», катая её на спине, попрыгает вокруг пальмы зайчиком, и все будут улыбаться им и хлопать в ладоши: и жена Маргарита, и дочка Ксения да и зять, выпив водочки, перестанет хмуриться и разговорится, а то в последнее время он сделался каким-то другим: прежде обычный мужиком был, а теперь постоянно о чём-то думает. Спросит Герман: «О чём это ты?» — ответит не сразу и туманно, даже скривится: «Не о чем мне думать». Но когда зять притащил домой военную форму с погонами, стало известно, что связался с казаками. Дочь промолчала, буд-то давно всё знала, а Маргарита вцепилась:

— Ну и зачем тебе всё это? За справу, как у них говорят, денег отвалил немеряно, а мы не такие уж богачи, чтобы ими разбрасываться.

— Я, между прочим, и сам работаю... — вспыхнул зять, и у неё не нашлось слов возразить ему.

А как-то Маргарита услышала, как Семён просил денег у Германа для своей организации. Маргарита в это время слу-

чайно оказалась за дверью комнаты, где зять говорил с мужем, и чуть не рухнула, услышав сумму: миллион! Она не утерпела, влетела в комнату, пригрозила мужу:

— Если отвалишь такие деньжищи на всяких ряженных, то оба катитесь из дома!

В тот раз Герман замял разговор, сказав жене, что и не собирается никому помогать — ради чего? Но сам на другой день по-тихому отдал зятю сто тысяч и предупредил:

— Более не подходи ко мне с такими вопросами! И вообще зря ты с ними связался!

— Ну почему же? Они за Россию бьются, за её процветание!

— Мы все за неё бьёмся, только каждый по-своему. У них свой уклад, своя философия, во многом благодаря им Россия прирастала Сибирью и Дальним Востоком — это так, но, с другой стороны, у них явно прослеживается своя особенность: волю они любят, ради неё готовы на многое. Царь в своё время дал им её, освободил от крепостничества, но, как известно, бесплатный сыр только в мышеловке. Так и с казаками: царь им волю, а они за него обязались жизни класть. Почему Троцкий устроил крестовый поход на них после революции? Да потому, что они демонстрации разгоняли, маёвки, а рабочих нагайками секли.

— Но и Родину защищали!

— Царя они защищали, участвуя в войнах, а хоть одно сражение самостоятельно выиграли? Всё в складчину, всё с кем-то. Конечно, не отнять их служение царю, но из-за этого гонения на себя навлекли. Доныне плачутся, что, мол, раскулачивали их нещадно! А что, разве крестьянам, а по-казачьи «мужикам», меньше досталось. Просто «мужики» терпеливые, и обиды особо не помнят. Так что всё сложно...

Семён промолчал, лишь подумал: «Тебя самого давно раскулачивать нужно!»

Недавняя семейная стычка мало-помалу Германом забылась, да и не тот день сегодня, чтобы вспоминать негатив. Вот и теперь, когда застолье успокоилось, шумную Виолку — белую и пушистую, похожую на деда, родители отправили спать, вскоре и сами ушли отдыхать, а Маргарита, убрав со стола и перемыв посуду, не забыла укорить мужа, сказав в тысячный, наверное, раз, что давно пора завести горничную, на что Герман ответил в тысячу первый, что рано им показывать себя сильно обеспеченными людьми.

— Не показываешь — спокойнее спишь! — дорогая моя жёнушка.

— Ладно, это можно понять и согласиться, а зачем занимал осенью у двоюродного брата тысячу долларов? Что хотел этим показать?

— Что хотел, то и показал всей родне, которая, чуть чего, сразу с поклоном: «Герман Михайлович, помогите, одолжите...» И одалживал, и часто не получал возврата. А теперь несколько месяцев никто ничего не просит. А кто и попросит, то легко могу сказать, что сам в долг живу. Временно, но в долг. И напомним о брате, у которого занимал тысячу и пока не отдал.

Маргарита неопределённо покачала головой и отправи-лась в душ. Понежившись и освежившись, пошла к мужу; наклонившись к ночной лампе, тот читал финансовую газету и отложил её, увидев жену. Когда она улеглась рядом, обнял и вздохнул:

— Эх, Рита-Маргарита, роза ты моя благоухающая, неужели я дожил до таких лет?! Даже не верится! Будто вчера бегал по улицам родного села, и вот — будьте любезны: полтинник!

— Самый зенит для мужчины. Ты многого добился, завтра все известные люди города будут поздравлять! Разве плохо?

— Наоборот — радостно и почётно. Именно на таких вечерах и сближаются, обрастают знакомствами, налаживают связи. К тому же многих привлекло создание фонда. Вдруг появились те, о ком ранее я и не слыхивал. В том числе из глубинки. Приезжают, просят принять, а после любезного разговора соглашаются стать меценатами. Понять их, конечно, можно. У всех есть родственники, всем хочется отметить либо отпрыска, либо племянника, а то и очень талантливую особу со стороны, чаще всего приближённого коллегу по работе.

— Это всегда так... Но ты помни, что у тебя семья. На всех халявщиков благоденствия не хватит.

Соглашаясь, он обнял Риту, поцеловал, прижался к ней и разговор оборвался сам собой.

Если накануне Чернопут был расслабленным, улыбчивым, то наутро сделался энергичным, зарядился крепким настроением, подчёркнуто праздничным. Связался с рестораном, уточнил, всё ли готово, сказал, если появятся вопросы, чтобы звонили незамедлительно. Потом напомнил нескольким гостям, чьё внимание ценил особенно, что без их присутствия торжество не имеет смысла. Когда же он с Ритой начал собираться, зная, что вскоре придёт машина, закапризничала внучка.

— Я тоже на ёлку хочу! — плаксиво ныла Виолка. — К Деду Морозу!

— Какой Дед Мороз?! Новый год давно прошёл...

— Всё равно хочу!

Еле-еле уговорила Ксения дочку, пообещав катание на снегоходе и тем самым дав возможность родителям спокойно отправиться на свою, как она считала, тусовку. То, что она у них особенная, Ксения поняла года три назад, когда её с мужем взяли с собой, а с Виолкой осталась приехавшая из провинции в гости свекровь. Ксения всего ожидала от собрания, но только не такой нудятины: скучные речи, пузатые мужики, тощие дамы и раздражавшие официанты, стоящие за спиной. Особенно один старался, наливавший и наливавший мужу. Сперва она толкала его коленом, а потом зло зашептала: «Он так и будет наливать тебе, пока под стол не свалишься... Поимей совесть!» И он «поимел» — отправился в курительную комнату, а через десять минут звонит: «Я уже в такси, возвращаюсь домой!» Она ничего не ответила, лишь про себя подумала: «Свинья!» Дня два не разговаривала, но всё-таки смирилась: ну не гнать же его в общагу! Вообще вопросы к мужу всё более накапливались, особенно, когда он становился невыносимым, и Ксения не понимала, как могла втюриться в этого деревенского вахлака по имени Семён?! Жуть, а не имя! А вот втюрилась на первом курсе, а теперь и сама была не рада. Ладно бы в десантника-спецназовца, а то в мотострелка!

Поэтому с памятного похода в ресторан она перестала обременять родителей и всякий раз оставалась дома: сама занималась дочуркой, муж торчал у компьютера, редко пропускавая футбольные трансляции, или пропадал у казаков.

4

Юбилей Чернопут готовил загодя. С каждым годом Герман обрстал влиянием, связями и, как человек в душе творческий, находил в этом некоторую выгоду для себя. Книги его продавались, расходились на презентациях, а профессор-словесник Иннокентий Павлович, даже навязывал студентам его роман начала перестройки, где автор рассказывал о собственной неудаче в бизнесе и как потом всё наладилось. Профессор нахваливал роман, указывал адрес книжного магазина, давая понять, что без прочтения и осмысления этого произведения известного писателя-земляка, показавшего судьбу страны на переломе, о зачёте можно лишь мечтать. И покупали. Водитель только успевал подвозить пачки книг в указанный профессором магазин. Сперва Герману делалось

неловко от такой услуги, но лишь стоило заикнуться об этом, как профессор Столбов превращался из вдумчивого научно-авторитета, в метавшего молнии из карих глаз яркого поклонника, и ему не только нельзя возразить, но даже подумывать об этом.

— Дорогой Герман Михайлович, неужели непонятно, что всякое замалчивание вашего таланта обедняет всех нас?! — чуть ли не вспыхнул профессор. — Это же элементарно! Надо лишь раскрыть глаза и оглядеться, чтобы понять, как вы нужны людям!

Чернопут в ответ сдержанно улыбался, не понимая, зачем профессору столь льстивое отношение. Ведь Ксения университет давно окончила, об аспирантуре даже не помышляет... Так в чём дело? Пока это непонятно, и Герман даже не мог предположить, чем так расположил Иннокентия Павловича к своей непубличной персоне. Особенно когда профессор устроил ему творческую встречу с преподавателями и студентами. Тем вечером приятно удивил полный актёрский зал, масса любопытных глаз, а главное потрясение было в конце встречи, когда к нему выстроилась извилистая очередь из желающих получить автограф. Все подходили с его романом, а он, варьируя короткие записи, многократно отзывался возвышенными дарственными словами и поверил, что его роман действительно чего-то стоит! Даже не расстроила знобкая мысль о том, что роман-то этот написал знакомый писатель и втайне от семьи Чернопут хорошо заплатил ему. Первое время после издания романа у него и душа к «своему» детищу не лежала. Но в тот вечер он воодушевился, видя такое внимание благодарных читателей, тем более что старичок, написавший роман, минувшим летом отошёл в мир иной, и, надо думать, унёс тайну создания с собой на вечные времена, если, конечно, где-нибудь не оставил запись об истинном авторе, что любят делать горделивые подёнщики. Но это можно, в случае чего, легко опровергнуть, что, мол, имярек всегда завидовал талантам, особенно таким, как уважаемый Чернопут. Но всё-таки верилось в его благородство, ведь старичок был образован и воспитан, а главное, не в пример многим, умел держать данное слово. Для него это было дело чести; Герман не раз убеждался в этом, радуясь, что не ошибся в человеке.

Недавний триумф на встрече в университете повторился и на юбилейном вечере. Один из выступающих долго и умильно рассказывал в пространном тосте о Германе Михайловиче, а тот не сразу узнал за маской знакомого профессора, зачем-то отрастившего «академическую» бородку, сильно

старившую его. Помнится, в тот момент, Чернопут удивился его появлению среди гостей, потому что хорошо помнил, что фамилия профессора не значилась в списке приглашённых. «Вот чертяка! Наверное, затем и бороду отрастил, чтобы под шумок просочиться!» — весело подумал Герман Михайлович, находясь в прекрасном настроении. Нет, он не обиделся на него, да и глупо обижаться, когда человек всеми силами старается быть полезным. Но для чего? Чернопут не был так наивен, чтобы стопроцентно верить в благородные порывы души, хотя и они иногда наблюдаются даже у посторонних людей, но чаще всё-таки за подобным восхвалением и угодливостью стояло что-то меркантильное, чего Герман Михайлович не любил в людях, да и себя не жаловал, частенько включая внутренний тормоз, когда хотелось замахнуться уж слишком широко, зная, что в такой момент можно промахнуться и по инерции вывихнуть руку. Он придерживался правильной и мудрой установки: «Курочка клюёт по зёрнышку!» Главное при этом заключалось в том, чтобы вовремя перестать клевать, особенно на дармовщину, и не попасть в суп. А это большая наука!

Как бы ни было, а на профессора обиды не имелось, но охранникам он всё-таки указал на нерадивость, на что старший из них озабоченно молвил:

— В списках этого бородача не было, его провела ваша Маргарита Леонидовна.

— Тогда другое дело... — Как о несостоящем эпизоде отозвался Чернопут, всё-таки не одобрив в душе самостоятельности жены.

Когда ей сказал об этом, то она даже обиделась:

— Как тебе не стыдно?! Доча училась у Иннокентия Павловича, он помогал распространять твой роман, а ты даже не пригласил. Это свинство...

— Уж не знаю, какое это свинство, но, поверь, я не привык, что кто-то хочет мне сделать приятное и полезное за просто так. Друзья в молодости могли, а теперь все наторели, только и ждут момента... — Он не договорил, отмахнулся, мол, и так всё очевидно, но жена не унималась:

— А ты на себя посмотри! Как ты осенью обхаживал строительного министра — готов был наизнанку вывернуться! Да и сегодняшние гости, они что, все такие бессребреники, случайные прохожие, из любопытства заглянувшие на огонёк?! Нет, дорогой, почти все они нужны тебе, от каждого из гостей тебе что-то хочется получить, каждого ты имеешь в виду на ближайшее будущее.

— И это тоже есть, хотя имеются и другие заботы. У меня в управлении пятьсот человек, у всех почти семьи, и все их надо чем-то кормить. А этот профессор... тьфу, самый настоящий подхалим и пройдоха. Уж не знаю, на каком он счету в университете, наверняка, на хорошем, если легко собирает людей полный зал, но для меня это, поверь, не показатель. Мне бывает дороже простой работяга...

— Как наш зять, что ли?!

— Да хотя бы и Семён. Высшее образование у него есть, а то, что работает в автоколонне — это не беда. Среди работяг лучше и быстрее жизнь поймёт. Я так же начинал. Как видишь, мне это в дальнейшем не помешало, а наоборот, помогло не пропасть в жизни. Так что он, даже по современным меркам, вполне достойный мужик, и у меня к нему претензий нет. А этот профессор, вот увидишь, просто так не отцепится. Не пройдёт и года, как явится на правах твоего заединщика с какой-нибудь просьбой, наперёд зная, что отказать не смогу.

Герман много мог бы говорить о подобных людях, но другая новость озадачивала более. И новость-то эта, можно сказать мимолётная, даже сперва никак не зацепила, когда во время объявленного перекура гости дружно вышли из-за стола, словно желали переговорить о чём-то сверхважном. В зимнем саду на втором этаже он оказался рядом с сильно брюнетистым Ефимом, как потом понял, не случайно. Знакомый держал крупную логистическую компанию, дела у него шли неплохо, как понимал Герман, но связывали его с ним дела лишь производственные, года два назад перешедшие в приятельские. В тот раз они случайно встретились в самолёте по пути в Испанию. Были приятно удивлены. Сразу взаимный вопрос: «По делу?» Первым спросил знакомый, и Герман не мог увернуться под его испытующим взглядом, нехотя признался:

— По личным делам...

— Знаем мы эти личные дела... Наверное, дворец летишь проверить?

Чернопуту в тот момент показалось, что он стал ещё миниатюрнее; была бы возможность, вообще бы просочился сквозь кресло. Сообразив, что врать бесполезно, сознался как нашкодивший школьник:

— Тут такое дело... Ещё в доковидное время прикупил домик на побережье близ Барселоны, теперь переделывать его замучился. Место козырное, надо соответствовать.

Ефим вздохнул:

— Обычная история. Тоже вот мотаюсь...

С тех пор Чернопут разговаривал с ним лишь по телефону по производственным делам, и ни разу никто не задал какого-либо вопроса о Барселоне, хотя не договаривались не обсуждать это на людях, тем более по телефону. А сегодня вдруг тот сам негромко спросил:

— Давно *туда* наведывался?

— Да из-за ковида, будь он неладен, особо не наездишься... А что?

— А теперь надо бы... Ничего особенного не заметил? Наверно, знаешь о декабрьском послании нашего Верховного западникам...

— Слышал немного, особенно не углубляясь в детали.

— А зря... Перспектива скверная. Сейчас все ждут ответа от Запада, и что будет потом — лишь Богу известно, хотя предположить можно: конфискуют по щелчку недвижимость, перекроют авиасообщение — вот и отлетались мы...

Откровение ошарашило Германа, потому что сам он никогда не думал об этом, мало интересуясь политикой, и теперь растерялся:

— И что же делать?!

— На днях вернулся оттуда. Дворец, как ты говоришь, продал, продешевил, конечно, но деваться некуда. Деньги перевёл в офшор на остров в далёком океане. Конечно, и там нет стопроцентных гарантий, но всё подальше от Европы и америкосов. Так что не теряйся.

Слова приятеля обожгли Чернопута, перевернули душу, на губах он почувствовал привкус горечи. Он отругал себя в душе за ротозейство, за неумение быть в курсе событий и ориентироваться в происходящем. Герман сразу понял, что надо предпринять, поэтому, когда вернулись после перекура за стол, долго не церемонились. После десерта он не стал удерживать гостей, распрощался со всеми, а вскоре, подхватив Маргариту и собрав в охапку цветы, вернулся домой, где удалился в кабинет и допоздна просидел в одиночестве, пытаясь найти хоть какую-то лазейку в сложившейся ситуации.

5

Суета с конкурсом, с желанием зло подшутить над бездарями, Чернопуту стала неинтересной и никак не могла отвлечь от пока никак не проявляющих себя событий, но с каждым днём становившихся всё более грозными; только он начинал думать о возможных последствиях, как тревожные мысли тотчас наполняли душу. Хотя и некогда смотреть телевизор и пялиться в смартфон, но тревожные международные новости всё-таки доходили до него, теперь он следил за ними.

В последующие дни новостей скопилось много, вот только обсудить их не с кем. Ну, не с Маргаритой же стенать по поводу притязаний заокеанских «партнёров» и не на работе. Там и производственные дела не всегда успеваешь провернуть, а не то чтобы разводить ля-ля о политике. Поэтому грозные мысли всё настойчивее заполняли душу тревогой, всё чаще витали вокруг беспризорного поместья под Барселоной и не давали покоя по ночам, когда снилось, как кто-то вероломный, используя грубую силу, захватил его дом, к которому он так привык и который теперь — беспризорный из-за ковида, будь неладна эта напасть. Он с семьёй лишь и успел разок провести там прекрасные рождественские каникулы, ездили на два дня в горы кататься на лыжах, а в остальное время отдыхали, купались в подогретом бассейне и вернулись на заснеженные и казавшиеся пустынными берега Волги в самом прекрасном настроении. А потом как отрезало: границы то закрывали, то открывали и замучили ограничениями и тестами, поэтому с семьёй и не мечтай съездить.

Но вот ковид, превратившийся в омикрон, начал ослабевать, и Чернопут мечтал: «Проведу конкурс, поржу над бездарями и тихо свалю с семьёй в домик у моря». Он знал, что многие так делают. В Барселоне у него давно имелся счёт в банке, который он периодически пополнял. У них с Маргаритой, и у Ксении имелся вид на жительство. Так что практически наполовину они уже тамошние жители и ничто их не держало на Волге. И оставалось самое главное — продать свой бизнес и выйти из игры белым и пушистым. Это в идеале. На самом деле так до конца не получится, обязательно придётся нести потери в финансах, быть может, до половины денег придётся отдать, чтобы оставшейся половины хватило надолго, а лучше навсегда: им с Маргаритой и дочке с внучкой... О зяте он в такие моменты не думал, считая его неплохим парнем, но излишне капризным, любящим отстаивать своё мнение. Это, конечно, признак порядочности человека, но именно это и делает его чужаком в семье, хотя никто в ней не считал себя беспринципным, но всё хорошо в меру. Поэтому Герман и относился к Семёну неопределённо, а терпел потому, что дочери виднее.

Но не зять и дочь волновали Германа, а вила в Барселоне; и всё более озадачиваясь этим, он довёл себя до тревожных переживаний, когда казалось, что всё рухнет, а его заветным мечтам не суждено сбыться. Даже представил — в который уж раз! — что в его поместье давно хозяйничают мигранты из Африки, что некие непонятные люди счёт взломали и обнулили... Настропавив себя, он решил: «Надо лететь и са-

мому разобраться на месте!» Он уж собрался купить билет, но позвонил из Минобразования знакомый, курирующий отдел капитального строительства, и предложил составить компанию в деловом визите, сказав, что все расходы берёт на себя министерство, желающее ознакомиться со строительством образовательных зданий в заграничном городе-побратиме, для этого и посылают компетентную делегацию, а его, Чернопута, приглашают как представителя стройиндустрии, чтобы он весомым словом практика мог бы поддержать обсуждение, посвящённое инновационным проектам. Как только Герман Михайлович услышал такое предложение, то сразу ухватился за него, зная, что город-побратим в получасе езды от его поместья. Очень удобно: не надо излишне тратиться, а главное, хорошее прикрытие поездки, а то уж его коллеги-конкуренты частенько спрашивали, когда он собирался на море: «Опять в заграничное бунгало?» — «Нет, не угадали, — отвечал он. — В Сочи лечу... Это вас устроит?» И вот теперь услышав о предложении, во всём его устраивавшем, он лишь уточнил:

— На сколько дней?

— На три, без дня прилета и отлёта.

— Прекрасно, паспорт и виза — имеются. Омикрон не помешает?

— Он пошёл на спад, и во многих странах ввели послабления.

— Тогда бронируйте билеты, как только станут известны даты вылета и прилёта!

— Ориентировочно они известны, но необходимы некоторые уточнения с принимающей стороной.

— Я всегда на связи!

Более недели ждал Герман звонка из министерства и дождался, называется. Куратор оказался сволочуном, если даже не извинился за сорванную поездку. Мол, его вины ни в чём нет, это принимающая сторона всё отменила из-за напряжённой политической обстановки, создавшейся вокруг наших стран.

— Война, что ли, будет?

— Ну, вы же сами видите, что творится в мире...

— И зачем надо было звонить и баламутить?! — он бросил на стол смартфон и связался с секретарём:

— Лена, подбери стыковой рейс из Москвы до Барселоны, чтобы поменьше болтаться в Шереметьеве!

Он бы, конечно, и сам мог узнать, но хотелось, чтобы его работница, к которой он в последнее время охладел, хоть что-то сделала полезное. А то сидит и болтает по телефону все

дни. И о чём, спрашивается, можно говорить. Сколько раз ей указывал и ставил в пример себя:

— Учись: забот в тысячу раз больше, а говорю минуточку две...

— Так потому и мало говорите, что забот много...

— Дождёшься: либо оклад сокращу, либо вообще уволю!

— А кто же в комнате отдыха будет убираться?!

— Мир не без добрых людей...

— Только попробуй!

— Попробую... Совсем надоешь, возьму молодую и губастую!

— Ой-ой-ой... Свежо предание.

— Ладно, всё, работай!

Лена позвонила минут через пятнадцать и ласково сказала:

— Только через два дня...

— А раньше никак?

— Ну, если кто сдаст билет, но это ненадёжно.

— Нет, такой вариант не годится. Заказывай как есть.

— Два билета?

— Один! По делам еду, некогда шашни разводить!

— Ну и пожалуйста... — услышал он обиженный вздох и подумал: «Совсем обнаглела! Скоро кофе ей буду подавать!»

Когда вечером сказал Маргарите о намечающейся поездке, жена вспыхнула:

— Опять к своей мулатке?!

— Тогда вместе полетим. Я разве против.

— Ты ведь собирался с министерским каким-то хмырём на конференцию?

— Сорвалось...

— Ну, а если сорвалось, то и чего там делать.

— Кое-какой вопрос по жилью решить! Мне сведущие люди шепнули, что надо срочно продавать дом...

— С какой это стати?!

— Знаешь, что в мире творится?! Нет? Могу объяснить!

— Они там наших мультиков посмотрелись, аж дрожат все.

— Мультики, не мультики, а обстановка серьёзная.

Через день вылетев ранним утром, к обеду он приземлился в аэропорту. В Барселоне было ветрено и чуть теплее, чем у них. Мелькавшие за окном такси виды мало чем отличались от сырой и грязной зимы на Волге, даже скукожившиеся пальмы на себя не походили. Спустя час он открыл дверь белоснежной виллы. В его отсутствие за порядком присматривала Лионелла — немолодая, но подвижная брюнетка с постоянным оливковым загаром и цветастым ожерельем из мел-

ких ракушек. Перед вылетом Герман позвонил ей, спросил, всё ли в порядке, какая погода, попросил включить отопление. Она каждую неделю делала уборку, следила за общим порядком, оплачивала счета и за свою работу получала пятьсот евро в месяц, всячески стараясь угодить хмурому русскому.

6

Лионелла его ждала, приготовив обед, прогрев виллу и заполнив холодильник продуктами не на два-три дня, как просил он, а настырно запасла на неделю, зная, что оставшаяся еда достанется ей. Подав Герману его любимый суп из мидий, служанка присела в сторонке, чего никогда он не любил и всегда шпынял её за это неприкрытое подглядывание, шедшее то ли от любопытства, то ли от глупости, хотя и не ожидал какого-то интеллекта в её поведении. Она его устраивала в основном: не задавала лишних вопросов, была исполнительницей и не болтливой с соседями, никогда не затевала откровенных разговоров в его отсутствие, хотя в округе знали, что владелец виллы — русский, но совсем не богач, если платит служанке всего-то сотню в месяц, как говорила она им. Даже иной раз посмеивались: «Ну и нашла себе скупердяя!» — «Скупердяй не скупердяй, а сотню евро на набережной мне никто не оставит, и помочь внучке есть с чего!» Никогда Лионелла не открывала истинного заработка, как научил её Герман, хотя очень хотелось похвалиться пятьюстами евро перед родственниками, будто деньги сыпались на неё с неба, но лишь благодарила деву Марию, пославшую такого соседа.

Выпив белого вина, вкусив свежих устриц и не доев суп, Чернопут принял душ, прошёл в спальню, отделанную в бирюзовых тонах, и рухнул на мягкий матрас. Какое-то время он лежал, закрыв глаза, будто настраиваясь на иное восприятие действительности, и убеждал себя, что просто обязан на время забыть, где он и что с ним. Уже засыпая, вспомнил о Маргарите, позвонил ей, чтобы успокоить, но долго не разговаривал:

— Я на месте, с домом всё в порядке... Сегодня буду отсыпаться, а завтра займусь делами... Всё...

Следующее утро он начал со звонка нотариусу, с которым имел дело при покупке виллы. Герман очень боялся быть обманутым и был готов на хорошее вознаграждение нотариусу, потому что кого-то ещё, кому мог довериться, в городе не имелось. Волнуясь, он активировал подзабытый номер, моля Бога, чтобы он оказался действующим, и не сразу услышал

голос в трубке по-испански: «Алло, алло — говорите, сеньор!» Как мог, Герман сообщил, кто он, несколько раз повторив слово «делка», и его поняли, ответили на ломаном испано-русском, уточнив адрес: «После полудня могу принять сеньора!» — «До встречи!» — по-русски сказал Чернопут, ругнув себя за недалёковидность и лень, не позволившую выучить за последние два-три года хотя бы несколько ходовых испанских слов.

По известному адресу на визитке он выехал заранее, боясь опоздать, разминуться и сорвать все планы. По пути решил, что будет торговаться лишь для вида, если придётся сделать большую уступку, он сделает, ибо затягивать время ему не с руки — не тот случай в его положении. Герман не знал, сколько времени потребует оформление купли-продажи, помнится, он трижды летал, чтобы оформить сделку, а теперь у него нет на такие поездки ни сил, ни времени. Нужно сделать быстро, пусть и за две трети стоимости, а то и за половину. А то западники введут зверские санкции, как они это делают в последние годы, запретят всё, что можно, и тогда конец всему — ложись и помирай. А чтобы успеть и сделка не сорвалась, надо поступить просто: оформить генеральную доверенность с правом продажи, деньги сразу положить на счёт, и пусть потом, что хотят, то и делают с его «избушкой».

Нотариус, внешне похожий на Чернопута, такой же невысокий и подвижный, только моложе лет на десять и с чёрными смоляными волосами, сразу понял, что желает сеньор из России и написал на бумаге процент от цены, который он может получить за виллу. Герман увидел цифру «60» и почувствовал, что вспотел.

— Это же грабёж!

— Плата за скорость...

— Тогда хотя бы... — и написал цифру «55».

Нотариус сделал вид страшно обиженного человека и, колебавшись, положительно махнул рукой, спросил о сумме, какую хотел бы получить сеньор.

Чернопут примерно знал стоимость подобного жилья и то, что сам покупал виллу за миллион евро, поэтому твёрдо вывел сумму «650». Нотариус зачеркнул её и написал «630», сказал «сорри»... И Герман сдался, спросил:

— Когда будет сделка?

— Завтра утром приеду с риэлтором, он осмотрит виллу, ознакомится с документами, потом оформим доверенность на его имя и тогда поедем в банк, где переведём деньги на счёт сеньора... — нотариус говорил торопливо, путая испанские слова с русскими, но понятливо. Поэтому договорились, что

завтра утром Герман будет ждать гостей, тогда и решат всё окончательно.

Утром, после осмотра виллы и беглого изучения документов, они поехали в нотариальную контору, из неё с риэлтором в банк, где у Чернопуга ранее был открыт счёт, и только после того, как деньги перевели, он подписал генеральную доверенность. Его приглашали отметить сделку, но он отказался, сказав, что завтра, когда передаст перед отъездом виллу и ключи от неё, можно это позволить. А сегодня никак.

Вернувшись к себе, Герман попил сока и упал в одежде на кровать, лежал, наверное, полчаса, прежде чем расшевелился. Есть не хотелось. Вспомнил о тайнике и решил достать его и сразу отвезти в банк, потому что завтра с ним некогда будет таскаться. Он взял в кладовке лопату и вышел на участок, где под одним из персиков хранилась пластмассовая капсула с деньгами, припрятанная на чёрный день, если вдруг случится какая-нибудь заваруха. Чтобы уж совсем не остаться нищенбродом, Герман и заложил под молодой персик, посаженный собственноручно, пластмассовую капсулу с деньгами. Поэтому и не разрешал Лионелле ничего делать на участке, единственное, что можно было, — это использовать газонокосилку и поливать: не разводить цветников, не окапывать деревья.

И вот теперь Чернопуг, признаваясь самому себе, даже был рад, что пришло время достать заначку, чтобы спать более или менее спокойно. А то уж сколько раз в последние месяцы просыпался в липком поту и никак не мог остыть и успокоиться, когда приходил жуткий сон о полной потере накопленных. Причины были разными, но разве ему от этого легче?! Нет, нет и нет. Поэтому и металась его душа. Она и сейчас заметалась, когда он копнул лопатой... Холодная мысль кольнула в этот момент: «Вот копну, а здесь пусто!» Но нет, лопата упёрлась во что-то плотное, и вскоре он увидел тёмно-коричневый футляр, обмотанный скотчем. На душе потеплело. Начал далее окапывать дерево, незаметно косясь по сторонам, а потом, никого не обнаружив, подхватил футляр и пошёл в виллу, где деньги переложил в двойной пластиковый пакет.

Вышел к вызванному такси и поехал в Барселону. Остановился в стороне от банка, а потом скользнул в сверкающие стеклом двери. В рамке за дверью его узнали, но всё равно попросили предъявить паспорт, карточку банка и выложить содержимое карманов на стол. Герман положил телефон, ключи, пошуршал пакетами, сказал «мани», на что охранники попросили открыть его... Убедившись в ценностях, ему улыба-

нулились как своему и указали рукой — мол, проходите. Он заполнил платёжку, дождался, когда пересчитают деньги. Когда их зачислили и вернули карту, он, подумав, решил попросить выписку со счёта и попытался на пальцах объяснить оператору своё желание. Она не сразу, но поняла, когда он вспомнил нужное слово «банкариос», и понятливо кивнула, что-то уточнила, и вскоре Чернопут держал распечатку с указанием хранящейся на счёту суммы. Он не стал вчитываться в письменные подробности, не понимая их, лишь увидел сегодняшние два зачисления и общую сумму остатка: почти пять миллионов! Он сказал «грасиас», подумал: «Откуда я столько слов-то испанских знаю!» — и под улыбочивые и слегка завистливые взгляды вышел из банка. На виллу вернулся никаким. Ничего не соображая, рухнул на кровать и долго не мог уснуть, а проснулся задолго до рассвета. Позвонила жена, тревожно спросила намёком, потому что они договорились не говорить ничего лишнего по телефону, лишь о состоянии виллы:

— Как ты там?

— Всё нормально... Крышу проверил, не течёт. Сегодня или завтра буду дома...

Сказать-то сказал, но душу точила мысль: а правильно ли сделал, может сразу надо было перевести все средства в Москву и на этом успокоиться. Но ведь спокойствия до конца не будет, хотя и говорили в стране об амнистии капиталов. Но зачастую говорят одно, а делают по-иному, да и инфляцию никто не отменял. В общем, и так плохо, и так нехорошо. Но как бы ни было, а теперь живи и ломай голову, терзай оставшиеся нервы. Единственное, что успокаивало и грело душу, это выписка во внутреннем кармане пиджака у самого сердца.

7

Профессор-словесник Столбов позвонил на следующей неделе. Герман Михайлович только-только пришёл в себя от недавних заграничных волнений, говорить ни с кем не хотелось, но выслушав бойкую преамбулу, в которой тот живописно описал скорый приход весны и, по слухам, отмену масочного режима, ёрнически сказал:

— Иннокентий Павлович, всё так и есть... У вас какой-то вопрос ко мне?

— Да-да, и очень серьёзный!

— Слушаю...

— Вопрос сложный, сразу не объяснишь, поэтому хотелось бы встретиться лично.

— Ну тогда хотя бы тему раскройте, если вопрос сложный, чтобы, если понадобится, я смог подготовиться.

— Он глубоко личный, касается дачного строительства... Прошлым летом мы с женой прикупили земли, теперь надо строиться, а финансов, сами понимаете, не густо. Только не подумайте, что прошу денег. Нет, нет и нет! Но у вас есть другие возможности помочь.

— Я же не директор домстроя!

— Но связи-то имеются. Известно, что именно на нашем комбинате открыли линию по производству панелей для частных домов, и частенько бывают бракованные: девать некуда, а я бы с удовольствием забрал. Но кому нужен человек с улицы, зато вам ничего, думаю, не сложно решить такой вопрос. Мне и необходим-то всего лишь комплект на первый этаж, а второй мы сделали бы летним — это совсем другие заботы.

Чернопут вздохнул:

— Действительно есть о чём поговорить. Подъезжайте в следующий вторник после обеда.

— Договорились! — поспешно согласился профессор, а Герман Михайлович вообразил, как тот после его слов расплылся в улыбке.

Точно такую же улыбку, только с заискивающим оттенком, он увидел на лице профессора, когда он появился у него в бизнес-центре, запасшись предварительно пропуском через секретаря. Профессор переступил порог кабинета Чернопута и замер.

— Проходите, Иннокентий Павлович! — пригласил хозяин и, поднявшись навстречу, указал на кресло рядом со своим столом. — Так, значит, говорите, что на комбинате брак лепят? От кого же узнали? Я что-то не владею такой информацией.

— Родственник говорил. Он в прошлом году таким образом дом себе построил. Часть панелей были списаны, а часть специально слегка попортили, чтобы списать: кувалдой углы побивали — вот и брак. Зато приобрёл по бросовой цене. За взяточку, конечно же, сами понимаете...

— Значит, говорите, кувалдой... А что — метод известный. Мне дедушка рассказывал о своём отце-извозчике... Зайдёт тот после работы в трактир, пропустит лафитничек-другой, домой идёт благостный, о детишках вспомнит. По дороге заглянет в булочную, попросит для них фунт лома баранок, чтобы вышло подешевле, а лома нет — разобрали, тогда намекнёт булочнику: мол, любезный, наломай немного — ведь детишкам... Так и у вас... А что же вам родственник не помог?

— Зачем я ему. Хотя он сам работает на этом комбинате, знает нужных людей, а выдавать их не хочет, если с меня взять нечего. Я бы и к вам не обратился, но всё-таки у нас более высокие отношения: и дочке вашей помогал, и книгу распространял... Ну уж и вы, будьте любезны, не откажите в моей просьбе.

Чернопут давно понял, что этот прилипчивый профессор всё делал с расчётом на будущее. И вот, на его взгляд, оно наступило, и теперь спешил воспользоваться вниманием, пока не оказался забытым и ненужным. А что, так и выходило: дочь далее учиться не желает (зачем, когда папа прокормит?), и профессорские услуги, если их можно назвать такими, теперь не нужны. К тому же Иннокентий Павлович отношения к литераторам, с которыми у Германа были давние счёты, не имел, поэтому и не хотелось попусту тратить время и распляться. Всё это так, но ведь и не выставишь просителя бесцеремонно. В такой ситуации проще возникшую просьбу переложить на другого, и Герман Михайлович воодушевился:

— Я вас услышал... Сейчас попробую связаться с нужным человеком, он, надеюсь, поможет вам.

Чернопут набрал номер, сказал:

— Приветствую, Андрей Сергеевич! Ваша светлость на работе?... Хорошо, тогда не буду долго расплываться словами, а сразу попрошу помочь одному уважаемому человеку... Чем помочь?... Он объяснит. Зовут его Иннокентий Павлович, профессор словесности... Да, несколько необычно, но разговор у него по твоему профилю... Хорошо, дам ему телефон твоего секретаря, и она объяснит, как с вами встретиться... Договорились...

Профессор казался безразличным к разговору, сам же боялся пропустить единое слово, по интонации пытаясь понять: с пользой он для него идёт или впустую... Когда понял, что с пользой, то слегка улыбнулся, но и улыбку постарался не показывать.

— Ну, вот, Иннокентий Павлович, вы всё слышали, — вздохнул Чернопут, радуясь, что одним звонком удалось избавиться от навязчивого посетителя. — Езжайте на комбинат, пока Андрей Сергеевич на работе, и, как говорится, флаг в руки!

— Очень, очень благодарен вам, Герман Михайлович. Ваша помощь неоценима... Ну, я побегу?

— Да-да, конечно, он вас ждёт!

Профессор, вытирая вспотевший лоб, исчез так же неслышно, как и появился, а Чернопут шумно вздохнул и по-

просил секретаря принести кофе. Вкушая глоточками напиток, Герман ответил на два-три рабочих звонка и, хочешь не хочешь, в мыслях перенёлся к литературным «братьям». Ведь вся производственная текучка не могла заслонить от него развитие фонда, успешность конкурса и всё, что в той или иной мере приближало к торжеству победы над фанфаронами. Ознакомившись с входящими электронными письмами, дав указание секретарю, на какие из них ответить, а какие проигнорировать, Чернопут собрался домой, но Лена сообщила, что звонит Подберёзов.

— Соедини! — приказал хозяин.

Подберёзов говорил спутанно, заладил о каких-то шуках, что, мол, они пошли на нерест в ручьи. Что шук у него полное ведро, и пояснил:

— Поэт Котомкин привёз... Просил вам передать!

Чернопут сразу представил, как скривится жена от вида пахнущих тиной рыбин, и конечно же откажется даже говорить о них и разразится грубым словом в его собственный адрес и того, кто это задумал.

— Ты вот что... Шук забирай себе, если уж привезли. У меня некому ими заниматься, — сердито сказал он Подберёзову. — Зря, что ли, конкурс ведёшь.

— Так Котомкин и вирши оставил... Если узнает, что шук я взял себе, то заест.

— Скажи ему, что рыбу передал по назначению, и поблагодари от моего имени.

— Вот это правильно... — повеселел Подберёзов. — Как скажете, так и сделаю.

— Во-во, пользуйся моей добротой, господин Джонсон! — весело сказал Чернопут.

Герман Михайлович повеселел, на душе сделалось по-весеннему задорно и благостно. «А ведь хорошая эта штука — конкурс! — Подумал он. — Каждый человек на виду! И чего я раньше не догадывался об этом?!»

8

И профессор, и Подберёзов промелькнули словно по инерции в чередѣ иных примелькавшихся лиц. Несколько дней Герман Михайлович пребывал в более или менее спокойном состоянии, но оно мало-помалу испарилось, когда невольнo пропитывался тем, что происходило в мире. Всё это сразу не понять и не оценить. Из всего услышанного и увиденного получалось, что чудовищным враньѣм пропитывались все новости от западных «партнёров». Они постоянно пугали, назначали даты нашего наступления на Украину, а когда эти

даты не сбывались, переносили сроки. Всем было ясно, что эта жуткая ложь способна втоптать в грязь любого праведника. И становилось понятным, что добром это не закончится, тем более что нацисты усиливали обстрелы Донбасса, совершали пограничные прорывы, которыми словно дразнили. И уж не хватало сил ждать чего-то такого, что разом прорвёт надувавшийся нарыв и начнётся то, от чего не поздоровится никому.

Чернопут не заметил, как сделался в эти дни иным человеком, в котором уживались две ипостаси: страх за нажитое и обида за то, что всё катится к чему-то чёрному и непонятному, когда рушились задумки, планы, и от этого делалось невыносимо обидно за себя, семью и за страну. Да-да, именно за страну, о которой он в последние годы особенно не думал, полагая, что невозможно её пошатнуть, как-то раскачать и толкнуть в пропасть. Но ведь всё к этому шло, давление из-за «бугра» нагнеталось и нагнеталось, и он вспомнил, что и в перестройку, казалось, ничего не предвещало катастрофы. Но ведь она произошла. «И свои предатели постарались, и Запад помог. Уж те-то приложились от души. И что теперь не так? Опять мы чем-то не угодили!» — мысли его метались, душа стонала, и он уж боялся всё потерять, как не раз терял, но тогда был молод, а теперь... Теперь уж вряд ли сможет воспрянуть, если вдруг всё покатится в тартарары. Себя ему было не жалко, но мысли о жене, дочери и внучке не давали покоя. Ведь они, избалованные им, пропадут, не смогут зацепиться за жизнь. И никто не поможет, не подхватит под руку.

Почему-то как-то вспомнился Котомкин, и даже не сам вспоминался, а его шуки, будь они неладны. И ещё Подберёзов. Он-то что, так и будет по мелочам теребить, то шук предлагать, то, например, летом полмешка огурцов привезёт. Тогда уж лучше бы ведро подберёзовиков притягал — всё ближе к фамильной теме. Неужели все эти люди ни о чём ином не думают, не слушают телевизор, не заглядывают в интернет? И это даже не мелкотемьем папахивает, а тупостью, нежеланием ничего видеть вокруг себя. Все они теперь зациклились на премии, это теперь для них главное, и каждый вытворяет бог знает чего. Ведь так и слух пойдёт, что Чернопута можно купить за ведро огурцов! Или за десяток шук! Это не дело. Надо всех расставить по ранжиру, указать, кто они есть, чего достойны и вообще достойны ли чего бы то ни было. Поэтому тем же днём вызвал Подберёзова, и когда тот поспешно появился, всё бросив, как он заявил перед выездом, то усадил напротив и ехидно спросил:

— Ну и как шуки?

— Нормальные... Жена нажарила и котлет накрутила... — осторожно отозвался Подберёзов, не зная, чего ожидать от Чернопута.

— Это хорошо... А вообще-то, дорогой Валентин, гони ты подобных дарителей — не позорь ни себя, ни меня. Так можно окончательно опуститься и дискредитировать конкурс. Ведь пойдёт слух, что нас с тобой можно купить, как какую-нибудь Маньку с базара, за стакан семечек! Не думал об этом? Мне потом будет стыдно появиться на людях. В общем, так: отныне никаких мелких подношений, а с теми конкурсантами, кто пожелает проявить себя по-настоящему и выйдет с дельным предложением, разговор будет особый: пусть сперва вспомнит, что у нас конкурс не абы какой, поэтому и проявить надо себя солидно. Пусть тышчонку-другую зелёных денег в клювике принесёт, тогда с таким человеком и поговорить можно. И всех ко мне посылай.

— Стрёмно как-то...

— Чего же стрёмного-то, если деньги пойдут на помощь творческим личностям, да и больных детей не будем забывать, многодетным семьям помогать. Так и говори открыто, когда будешь принимать конкурсные материалы. А будем что-то утаивать, заниматься мышиной вознёй — только слухи будем плодить! Понятно?

— Понятно-то понятно, да только всё равно как-то не по себе, будто мы заранее определяем цену премии, а творческая составляющая для нас не важна.

— Почему-же — важна и очень! Бездарям лучше к нам не соваться! Так что действуй, а меня поменьше тереби. Да, а если шук всё-таки будут нести, сам разбирайся с такими несунками. Меня в это дело не впутывай, не порочь моё чистое имя. Уяснил?

— Отчего же не уяснить?

Когда Подберёзов собрался уходить, Чернопут остановил:

— Погоди... — И достал из шкафа бутылку дорогой водки. — Сам-то я почти не употребляю, а тебе пригодится, так сказать, под будущих шук.

Валентин радостно заулыбался, даже облизал губы, а Герман Михайлович подумал: «Вот и хорошо, что улыбаешься. Значит, всё понял!»

Через несколько дней у Чернопута состоялся интересный телефонный разговор, когда увидел на дисплее фамилию Проимин. С ним он когда-то учился в строительном институте, а теперь вспомнил, что с недавних пор задолжал этому подтянутому и с виду мягкому человеку с «купеческим» пробором льняных волос триста «рублей». При случае обещал

вернуть, а всё чего-то не получалось и не получалось. Конечно, если бы тот серьёзно предъявил ему долг, то давно бы отдал, но, пользуясь то ли добротой, то ли разгильдяйством институтского товарища, всё откладывал и откладывал... А тот особенно не настаивал, имея свой интерес и являясь поставщиком профиля для обшивки балконов. Да и деньги-то — тьфу, разговоров больше. Но и бегать от копеечного долга — не солидно, не 90-е годы. Об этом так и сказал, когда вышел с ним на связь:

— Привет, Сергей! Рад слышать тебя... Поверь, всё это время испытываю неудобство. На днях перечислю тебе всю сумму, так что спи спокойно!

— На сон не жалуясь, потому что совесть чиста... Но звоню тебе не по этому вопросу. Думаю, ты и так о нём знаешь... Если помнишь, мы когда-то ходили в институтское литобъединение... Так вот, с тех пор продолжаю изводить бумагу, а вернее, на компе шуршать... Да и ты не угомонился — иногда читаю в журналах твои рассказы. Блеск! К чему я всё это? А к тому, что попало мне объявление о литературном конкурсе, который ты замутил в своём городе. А что, если мне поучаствовать в нём? Глядишь по старой памяти что-нибудь выгорит! Тогда и я постарался бы, например, забыл бы о твоём долге! Годится такое предложение? Вот только не знаю — можно ли иногородним участвовать?

— Серёга, друг дорогой, невнимательно читал ты положение о конкурсе. Ведь он у нас международный, а значит, литераторам всего мира открыты виртуальные двери. Главное условие при этом: талант! Но талант, сам понимаешь, субстанция аморфная, его за локоток не ухватишь, и что может понравиться одному, другого отвратит. И он будет прав: ну так человек видит! И чем ему можно возразить?! Но в любом случае я тебя услышал. Присылай работу на электронный адрес, указанный в объявлении.

— На твоё имя?

— Нет. На человека по фамилии Подберёзов — он координатор конкурса. А я Джонсону сообщу о тебе.

— Кому, кому?..

— Фу, ты — оговорился... Валентину этому самому, Подберёзову!

— Сегодня же пошлю! — обрадовался Сергей.

— Не откладывай — дело верное.

Чернопут не ожидал такой покладистости от удивившего Пройма. «Это надо, три сотни зеленых не пожалел, — радостно сокрушался Герман Михайлович, — чтобы чуток прославиться, хотя кому теперь нужна такая слава, если далее

города она не прокатится. Или уж настолько съехал с колёс человек, что готов разбрасываться деньгами неизвестно чего ради? Ведь никогда он не слыл мотом, каждая у него копейка на учёте — это уж и вовсе непонятно. Не тот он человек, чтобы быть лохом. Или что-то своё держит на уме. Хотя так, наверное, и есть: зависим он от него, ох, как зависим — вот и лебезит!»

Проймину же и деваться некуда. Так бы любой поступил на его месте. «Если просить возврата долга не с руки, то хоть с такого захода, глядишь, что-нибудь обломится, — рассуждал Сергей, успокаивая себя. — А что: недурственно будет миллиончик отхватить! Тогда можно и в ресторан Михальча сводить, а то он, чуть-чего, бессовестно напоминает об этом: мол, скупердяй ты, Проймин, каких свет не видывал. Можно подумать, что сам он такой лошок, что хоть слёзы лей, до невозможности жалея его. Нет, дорогой однокоштник, если бы я не ходил под тобой, то разговор совсем другим вышел. И тогда ещё неизвестно, чья бы взяла. А конкурс, какое-то там лауреатство — это тыфу, бессовестная замануха для неумёх, доводящих себя писательством до безумия, надеющихся прославиться и заработать на этом денег. И ничто их не пугает: ни ковид, ни политическое беснование западных обезьян-капиталистов. В советское время достичь успеха одарённому человеку ничего не стоило, а теперь это реально только для тех, кто пригрелся под чиновничьим боком, кто слова поперёк не скажет, кто оближет с ног до головы нужного человека и при этом будет мило улыбаться. А главное, всех и вся очерняет: начиная с чиновников и заканчивая Родиной! — Он на секунду задумался: — Хотя, понятно, и прежде улыбались, но не так уж погано».

Тем же вечером Чернопут позвонил Подберёзову и предупредил о Сергее:

— В ближайшее время прийдёт текст мой студенческий товарищ Проймин. Обрати на него особое внимание — это уважаемый человек.

— Он уже прислал, а я занёс его в отдельный список, потому что он сослался на вас, что, мол, вы настоятельно рекомендовали ему поучаствовать в конкурсе.

— Молодец, Валентин! Рад, что всё понимаешь с полуслова!

9

Проймин с Подберёзовым оказались крайними, с кем Чернопут поговорил на литературные темы, о конкурсе, и всё это оборвалось, когда обстрелы на Донбассе переросли в настоящие бои, и руководство страны ввело войска на

помощь жителям теперь признанного Донбасса, чтобы остудить горячие головы нацистов, творивших восемь лет бесчинства, науськанные покровителями из-за границы. Это даже радовало, потому что в Чернопуте жила обида за отданную за бесценку виллу на родине этих «покровителей», а в месте с ней оказалась потерянной мечта о счастливой жизни на склоне лет. Неужели он не заслужил этого, неужели зря стремился налаживать жизнь, начиная со студенчества, когда приходилось подрабатывать дворником, расклеивать рекламные объявления. Ведь всё он прошёл, всё превозмог, но оказалось, что этого мало, кому-то оказалась не по нраву его жизнь, а значит жизнь его семьи, и теперь они хотели всё разрушить, вернуть всё к тому, с чего он когда-то начинал, и даже сделать больше... И вскоре сделали, да так, что и дышать стало нечем: по всем СМИ прошло сообщение о заморозке активов не только Центробанка, но и физических лиц, запретили российским авиалиниям полёты в Европу, и сами отказались от них. Для кого-то эта новость как удар молнии в темечко, а он лишь поразился за себя, что всё успел сделать вовремя. А санкции со временем снимут, и будет к чему возвратиться. И ещё по-доброму вспоминал Ефима, но не стал беспокоить и лебезить, тем самым признавая его ум и прозорливость и выдавая себя простачком. Своя голова есть на плечах, чтобы принимать мудрые решения. Поэтому, когда Подберёзов пристал с каким-то пустяком по конкурсу, то устроил ему словесную трёпку, даже накричал.

В тот же вечер он и Маргариту довёл до слёз, когда она извела вопросами:

— Почему виллу отдал за бесценку? Что случилось? Или Бог наказал слабоумием?! Ведь никогда таким не был?!

— А что бы ты сделала на моём месте?

— Уж что-нибудь придумала, а ты как был танкистом, так им и остался... А ещё я слышала, что недвижимостью трогать не будут, если она задекларирована, а вот счета могут прикрыть!

— От кого это слышала? Тебе ещё не то наговорят!

— Слышала... Это только ты ничего не знаешь!

Он не понимал её претензий, ведь рассказал ей об этом сразу по возвращению из Барселоны, но тогда она приняла случившееся смиренно, а теперь вдруг вздыбилась. А что Герман мог ответить, если в тот раз всё разъяснил, что вывернулся без больших потерь из создавшегося положения. И что теперь истерику закатывать? Или не знает, что творится в мире? А надо бы знать.

Это всё он объяснил повторно, не называя имени Ефима, иначе жена тотчас бы обвинила в неумении жить своим умом. Но ведь не мог же звонить и спрашивать у приятеля, как поступил бы он, что предпринял бы в сложившейся бесподобной ситуации. Гордость не позволила признаться в беспомощности, да и не хотелось жевать эту тему, наводя чужого человека на нехорошие мысли, показывая себя последним простофилей, ну, если не последним, то предпоследним это точно. От этого и обида терзала. Когда же вспоминал слова Маргариты о нежизнеспособности, то верил им и не верил. И от этого ещё более впадал в смятение. Страдая общим угнетением души, он почти перестал спать. Закрывался от Маргариты на ночь в отдельной комнате. Вроде бы без жены засыпал быстрее, но не по-настоящему, если через полчаса просыпался; иногда тихо, иногда от собственного крика, и тогда к нему прибегала жена, включала свет, прижимала к себе, мокрого и всклокоченного, и вместе с ним плакала. Они уже ничего не обсуждали, не говорили, не успокаивали один другого, а лишь молчали и вздыхали. Герман незаметно засыпал на её руках, а она, аккуратно уложив его и накрыв одеялом, молила Бога, чтобы Он помог маявшейся душе.

Маята у Германа ненадолго проходила, но потом опять обида заклёстывала и начинало мниться, что преследует злая и насмешливая старуха в образе Маргариты. Как-то сон приснился, будто она тихо прокралась к нему в комнату якобы миловаться, да только Герман вовремя заметил нож в её руке, спрятанный в складках ночной рубашки... Жена думала, что он ничего не слышит, а он как раз в этот момент проснулся, будто от Божьего знака, и едва увернулся от занесённого на него ножа... От неожиданности и страха он заорал на весь дом, да так, что проснулась жена в соседней комнате и дочь с зятем. Маргарита прибежала, включила свет и увидела мужа, забившегося в угол кровати, будто он хотел просочиться сквозь стену, а его безумный взгляд, словно она чем-то невероятно напугала его, выдавал его полное смятение...

— Что с тобой? — перепугалась Маргарита.

— Это ты?! — спросил встречно Герман и вдруг закрыл лицо руками.

— Что ещё случилось-то?

Он внимательно посмотрел на неё долгим и немигающим, удивлённым взглядом, вздохнул, отвернувшись к стене:

— Глупость какая-то приснилась.

На следующий день Маргарита пришла к нему, но он вновь воспротивился:

— Один буду спать, чтобы тебе не мешать.

— Без меня, сам же говоришь, снится бог знает что! Что вчера-то приснилось?

— Да будто в аварию попал... — притворился он.

Чтобы окончательно обхитрить жену, он на следующую ночь положил под подушку нож. На всякий случай. И, укладываясь спать, теперь знал, что сможет защититься. От этой мысли он даже перестал волноваться и сожалеть о значительной потере денег. Что ему голову напрягать, если у него этих вкладов несколько: и в Москве, и в своём городе. Да и у жены есть, и у дочери. Вот только у зятя ничего. Но ему, похоже, ничего и не надо, а в посёлок к родителям съездить ему и зарплаты хватает на подарки. И как съездит, так разговоров потом на месяц, и сразу становится понятным, что его родители, посёлок у болота, бекасы по берегам — для него главное в жизни, поэтому он будто и не живёт в их семье. Он и внешне выделялся: они все мелкие, а он среди них словно каланча. Да и не нужны они ему особо. В городе ему другое милее — казаки. Чуть ли не все выходные проводит в их компании. Герман всегда удивлялся: вот умеет же человек отстраниться от всего, найдя себе занятие, и никто ему вроде не нужен — ни семья, ни он с Маргаритой, он даже и на дочку-то особо не обращает внимания. Со стороны посмотреть — счастливый человек.

На какое-то время Герман забыл о «счастливом человеке», а через день дочь устроила истерику и, хочешь не хочешь, напомнила о нём. Под вечер, когда уж собирались ужинать, она влетела в столовую и, рыдая, кинула записку на стол:

— Пап, мам, как это понимать? Вот почитайте!

Чернопут нехотя взял записку, скользнул по ней взглядом и встрепенулся:

— Как это уехал? И почему на Украину?

— Пап, у меня спрашиваешь?! — спросила дочь и зарыдала. — Не посоветовался, не предупредил. Раз — и уехал! Аника-воин выискался, словно я для него пустое место. Ну не скотина?!

Маргарита взяла у мужа записку и чуть ли не набросилась на дочь с кулаками:

— Ну и как ты могла допустить это?

— Он что, предупреждал?.. Утром лишь сказал, что попозже пойдёт на работу. Разве я могла знать, что задумал наш Семён Прибылой...

— А ведь он действительно прибылой! — многозначительно и непонятно сказал Чернопут. — Так молодых волков называют! Живёт в стае, но делает, что захочет!

На какое-то время все затихли, обдумывая откровение Германа. Потом Маргарита чуть не подскочила со стула:

— Ну что ты сидишь-то, — замахнулась она на него, словно хотела ударить. — Позвони военкому. Ты же знаешь его. Спроси, может, у них какие-то списки составляли или ещё что-нибудь?!

Подумав: звонить или не звонить, Герман взял трубку, потом с кем-то поздоровался, спросил, коротко описав ситуацию. Сказав, «извини», он бросил телефон на стол, посмотрел на дочь, потом на жену:

— Никого они никуда не отправляли, и нечего меня подставлять... Это всё казаки суетятся. Они, видно, и Семёна подбили. Едут группами на Кавказ, там проходят подготовку, а потом их на самолётах переправляют к месту спецоперации...

— И что, нельзя ни у кого ничего узнать? — ахнула дочь.

— Может, и можно, — холодно сказал Герман, — да только нужно знать, к кому обратиться. Но у меня таких людей нет. Так что ждите известий от самого! — хотел добавить и связать, что, мол, сами выживали Семёна, а теперь квохчите курами, но промолчал.

Прошло несколько дней после этого разговора, и в какой-то момент Герману стало ни до чего на свете: ни до жены, ни до внучки и дочери, ни до глупого зятя. Даже конкурс вновь перестал волновать, потому что деньги на него поступать почти перестали, а клянуть стало не у кого: все литераторы с деньгами проявили себя, теперь ждут щедрых премий, понимая, что конкурс хотя и организован для всех желающих, но награды и дипломы получают лишь избранные, кто проявил большую щедрость. Ему же надоели и опротивели потуги литературных бездарей, и почему-то с каждым днём всё сильнее захотелось посмеяться над ними, ткнуть рылом в дерьмо, которое они считают гениальным. Вот только напрямую этого не скажешь, а что-то доказывать каждому по отдельности — это уж слишком для них, не по чину. И он решил «кинуть» всех. И не просто, а поглумиться, насладиться их утробным визжанием. Конечно, потом они попытаются вернуть вложенные в фонд деньги, но как докажут это, если деньги передавались из рук в руки. Лучший вариант в этой ситуации — залечь на «дно», затаиться, может, даже надолго заболеть, а потом, например, подведение итогов перенести на другой год, тем более что в положении о конкурсе умышленно не указан срок проведения конкурса. Это, как теперь оказалось, пришлось к месту, лишало какой-либо ответственности и давало возможность растворится во времени, заболтать, заговорить эту ситуацию, а потом найти какого-нибудь сговорчивого директора детского интерната и за хорошее вознагра-

дение (Герман совершенно не любил слово «откаты») оформит над интернатом шефскую помощь Фонда, наклепать кучу актов на покупку подарков, поездок на экскурсии и прочую лабуду, и таким проверенным жизнью способом потихоньку все деньги из фонда вывести, хотя их и выводить особенно не надо, так как ни на чьём балансе они не числятся, а лишь списком отпечатались в голове Чернопута. И никто об этом не ведаёт, кроме него самого и сейфа, где они хранятся. Ну, может, ещё Подберёзов наслышан, но он знает лишь о шуках и прочей дребедени.

Задумав такую аферу, Герман не стремился к обогащению, потому что деньги в фонде в общем-то небольшие, для него серьёзного значения не имевшие: ему лишь хотелось моральной победы над околотитературными проходимцами. Оставить их с носом — стало жгучей идеей. Очень хотелось покуражиться над теми, кто всю жизнь мешал ему, кто лез вперёд, расталкивая локтями окружающих; у некоторых, замечал он, локти на пиджаках были основательно стёрты, и они прикрывали дыры нашивая на них кожаные «заплатки», бывшие модными лет тридцать назад, но дыры вылезали по бокам.

10

Ни жена, ни дочь, конечно, не догадывались о задумке Германа Михайловича. Маргарита устала от домашних забот, занимаясь воспитанием внучки, по-научному готовя её к школе, так как считалась педагогом по образованию, хотя ни одного дня не работала. Она в последние дни похудела от переживаний, перестала напоминать цветущую пышную розу, какой была совсем недавно. Ксения же после бегства мужа оказалась и вовсе предоставленной сама себе, и то ли весна подействовала, то ли захотелось хоть как-то навредить ему за то, что бросил, не предупредил, поэтому в какой-то момент по-иному начала поглядывать на инженера-айтишника Максима... Он появился минувшей осенью, частенько заглядывал к ним в бухгалтерию, когда возникали проблемы с компьютерами, и никто почти не обращал на него внимания: среднего роста, худощавый как подросток, хотя ему было тридцать, ходил вечно в облезлых джинсах и мятой клетчатой рубаше, нахальный. Может, поэтому начал оказывать знаки внимания Ксении, когда от кого-то узнал, кто её отец, и с каждым днём всё настойчивее, но она запросто отшила, едва он в очередной раз попытался проводить.

— Максим, не старайся... За мной сейчас машина придёт... — заносчиво сказала Ксения, подчёркивая свой не самый низкий статус, зная, что должен заехать Семён на БМВ.

Сообразительный Максим, конечно, понял её высокомерие, но отшутился, мол, тогда не смею задерживать, а сам помаленьку отдалился, не стал напоминать, что живёт в трёхкомнатной квартире с матерью, но в какой-то момент, осмелев, всё-таки пригласил на чай, узнав, что её муж уехал в командировку. Ксения потом ругала себя, что проболталась сослуживицам, когда муж поехал в Набережные Челны получать машины для автобазы да задержался на несколько дней. Те, видимо, и шепнули Максиму: мол, не теряйся... И он не растерялся, а она воспользовалась приглашением и поехала в гости. Думала, что он возьмёт такси, а они долго ехали на метро, а потом на автобусе... Мать Максима их встретила, видимо, предупреждённая сыном, поужинала с ними, а потом ушла в свою комнату и более Ксения её не видела в тот вечер. У неё, действительно, была мысль остаться на ночь, даже предварительно наврала матери, что поедет навестить больную подругу, и попросила чем-нибудь занять дочку, но Виолка, будто нарочно, стала звонить каждые десять минут и ныть, что очень соскучилась и ждёт не дожждётся любимую мамульку.. После ужина, они собирались спать, но тут вновь позвонила Виола и Ксения развела руками:

— Извини, Макс, ничего сегодня не получится. Дочка плачет, домой зовёт... Не могу я так! — и начала одеваться.

Он её понял и поднялся с дивана. Обычно обходительный, он вдруг оказался диким и неотёсанным. С неожиданным напором приказал:

— Раздевайся!

Не дожидаясь, когда она начнёт шевелиться, чуть ли не силой попытался стащить с неё одежду, что для Ксении было новинку, но именно от этого она будто потеряла голову. Сама быстро разделась, побросав одежду на стул и мимо стула, и упала в объятия Максима, показавшиеся сильными и крепкими. Произошло то, что ожидалось и желалось, и они лежали и приходили в себя, счастливо поглядывая друг на друга и улыбаясь. Вскоре, вздохнув, Ксения попыталась подняться, чтобы собираться домой, но Максим резко и зло вновь опрокинул её, она хотела что-то сказать, но он зажал ей рот поцелуем, и она ослабла, покорно сдалась, очень желая сдать. Через полчаса она уже ехала от Максима на такси, и долго потом дома рассказывала о якобы болящей подруге, которой даже продуктов принести некому.

— У неё случай не ковид? — забеспокоилась Маргарита.

— Мам, я совсем, что ли, «ку-ку»? Она на машине в аварию попала. Долго в больнице лежала, а теперь по квартире на костылях скачет.

Та встреча оказалась не единственной, и теперь, когда Семён вероломно бросил её, Ксения частенько навещала «большую» подругу, отчего Маргарита всё чаще спрашивала:

— Как она, выздоравливает? Уж что-то засиделась дома! — и подозрительно поглядывала на дочь, дожидаясь от неё откровений.

— Ей ещё две операции сделали, — отговорила Ксения.

Но когда и Герман Михайлович заинтересовался частыми отлучками дочери, иногда даже не ночевавшей, то Маргарита в один из вечеров навязчиво пристала к ней, а та стала уклоняться от откровений. Но мать настояла:

— Вертись не вертись, а рассказать всё равно придётся. Чужая я тебе или нет?

И Ксения созналась во всём:

— А что мне делать, если Семён за месяц лишь раз позвонил?!

— Но ведь позвонил же! Значит, живой, радуйся!

— Радуюсь, но на душе всё равно беспокойно, и от одиночества с ума схожу.

— А ты как думала... В войну жёны мужей годами ждали, а на чужих постелях не валялись... Эх, доча, доча... Прекращай. Гадко это всё и скверно. Хорошо ещё, что отец не знает.

— Мне что, ещё и ему, что ли, доложить? Ему до нас и дела нет! Слово мы не существуем. Даже с внучкой перестал играть. Сам по себе живёт.

— В общем, я тебе своё слово сказала. А далее сама думай, не маленькая.

Ксения не знала, рассказала ли мать отцу о её похождениях, но заметила, что он перестал вообще замечать её. Как, впрочем, и других, а с матерью по-прежнему спали в разных комнатах.

Она не могла знать, что творилось на душе у отца, потому что родители не посвящали её в свои финансовые дела. Да она особенно и не любопытничала, знала только, что дом в Барселоне отец продал, а деньги... И в неё будто кто-то стрельнул: деньги, где деньги?! Ведь с началом специальной военной операции на Украине все активы в Европе либо заморозили, либо конфисковали... Вот отчего отец сам не свой ходит. Поневоле задумаешься и озаботишься. А у него это, видимо, дальше пошло: о чём ни спросишь — либо молчит, либо отвечает невпопад. А как-то расплакался, разрыдался, да так, что пришлось вызывать «скорую». Какого-то особенного расстройства здоровья врач не обнаружила, сделала ему успокаивающий укол и посоветовала, не отрываясь от авто-ручки:

— Завтра обратитесь к участковому врачу и подумайте о поездке в санаторий, но сперва надо полечиться в клинике нервных заболеваний. Усталость накопилась у вашего мужа, и быстро от неё не избавится. На её фоне обострилась вегетососудистая дистония. Лучшее избавление от неё — покой и отдых, а для этого есть лекарства, за две-три недели они значительно улучшат его состояние. Думаю, он может позволить себе качественное лечение. Я сейчас выпишу рекомендацию, а врач окончательно оформит направление.

— К психиатру?

— Зачем же сразу так резко? Я же сказала: участковый терапевт подскажет, что необходимо делать.

Врач и жена разговаривали в прихожей, и через приоткрытую дверь Герман Михайлович слышал их разговор, и, засыпая, подумал: «Не дождётесь!»

Маргарита не стала тормозить мужа, а утром мягко напомнила о вчерашнем визите врача, посоветовавшего лечить дистонию. И поторопила:

— Так что собирайся, дружок, надо тебе заняться здоровьем.

— Почему ты разговариваешь со мной таким тоном?! Ехидным и издевательским. Поеду я только на работу, и никуда более!

— Обо всём подумал?

— Обо всём, обо всём!

— Тогда, как хочешь, так и живи...

Но Герман Михайлович и на работу не поехал, устроив квартирный бунт. Начал бросаться обувью в жену и плевать в водителя, пришедшего на подмогу, а потом выхватил из-под подушки нож и пригрозил:

— Кто приблизится, жалеть не стану...

От него отшатнулись, а он, продолжая грозить, сел около кровати и неожиданно уснул, повалился на ковёр, безвольно раскрыв рот. Привели его в чувства врач и два санитаря, вызванные Маргаритой, и почти сонного, повезли в психиатрию. Герман Михайлович в машине крутил головой, оглядывая санитаров, и, указав на потолок «скорой», над крышей которой пела сирена, попросил, будто они за кем-то гнались:

— Не упустите их!..

11

В день, когда Германа поместили в клинику, Маргарите пришлось чуть ли не каждые пять минут объяснять звонившим мужу, что, мол, его госпитализировали с инфарктом и что более она ничего не может сказать. Доложила об этом и его секретарю, а та замучила вопросом:

— Нельзя ли перемолвиться с ним хотя бы двумя словами?
— Нельзя... Он находится в реанимации, и этим всё сказано. А вы передайте его заму, чтобы тот временно взял на себя заботы по управлению, а как только у Германа Михайловича появится возможность, он позвонит.

Отключив телефон, Маргарита связалась с приёмным покоем клиники, сказала:

— Недавно к вам поступил Герман Чернопут... Когда можно будет поговорить с его лечащим врачом?

— Сегодня вряд ли, — ответила женщина, как показалось что-то жевавшая, — приезжайте завтра в первой половине дня и обратитесь в регистратуру.

— Спасибо! — только и смогла сказать Маргарита и долго сидела, обдумывая ситуацию, не сулившую ничего хорошего.

Отвлёк телефонный звонок... Посмотрела номер — незнакомый... Всё-таки активировала.

— Здравствуйте, Маргарита Леонидовна!

— Вы кто?

— Подберёзов я, Валентин... Звоню Герману Михайловичу и не могу дозвониться.

— Он в больнице с инфарктом... А вы по какому вопросу?

— Творческому... А он действительно в реанимации?

Маргарита спросила, не удосужив Подберёзова ответом:

— И откуда у вас мой номер телефона?

— Герман Михайлович когда-то дал на всякий случай... Хотел у него узнать, как быть с деньгами, которые жертвуются в фонд?

— Вот чего не знаю, того не знаю... А деньгами распорядитесь так, как всегда, распорядились, — нашлась она.

Отключив телефон, Маргарита ухмыльнулась, подумала о муже: «Ну и жук! Со всех сторон деньги гребёт! Ведь ничего о фонде не говорил... И где же он деньги прячет? У этого Подберёзова, что ли?»

Мысль о деньгах, о которых она ничего не знала, начала преследовать её. Если ранее они с Германом во всём доверяли друг другу, то теперь в ней поселилось сомнение. «Вполне может быть, что это — не единственная неизвестная значка, — подумала она, вспомнила дом в Барселоне и встрепенулась: — А может, и не продешевил, а припрятал деньги в тайном месте, а мне лапшу вешает... И ведь до них теперь не доберёшься, а если и доберёшься, то не сразу, и неизвестно при каких обстоятельствах и с какими последствиями». От таких мыслей в ней в друг всё перевернулось, вместо жалости и сострадания к мужу проснулась обида, да такая, что ей

стало не хватать воздуха, и сердце как-то нехорошо застучало. Она хотела позвонить дочери в надежде узнать что-нибудь от неё, но не решилась, понимая, что ещё один человек будет знать о том, о чём муж умалчивает. Действительно, хитромудрый Танкист! От всех душевных нестроений Маргарита решила на следующий день в клинику не ездить, обойтись телефонным разговором, предполагая, что вряд ли её пустят к Герману в закрытой больнице. Решила — и правильно сделала.

Поговорила на следующий день с лечащим врачом, раздобыв телефон отделения в регистратуре, и узнала, что Германа, как минимум, станут наблюдать около десяти дней, а если подтвердятся худшие подозрения, то оставят ещё на два месяца, чтобы сложить полную картину течения болезни. Словам доктора Маргарита верила и нет. Ну не мог так быстро человек лишиться рассудка, если два-три дня назад был вполне здоровым, немного, правда, взвинченным, но с кем не бывает чего-то похожего. «А может, это как раз тот случай, когда болезнь накрывает внезапно, — думала Маргарита. — Ох-хо-хо... Одни вопросы!»

Тем не менее, немного успокоилась, рассчитывая на скорое возвращение, и даже слегка злорадствовала в душе, вспоминая, как он в последние дни трепал нервы, хотя Маргарите и без его заморочек доставалось. То с дочерью воевала, то внучку успокаивала, говоря, что папа вот-вот вернётся из командировки; хотя ничего конкретного ей не говорили об отце.

Быстро сдружившись с казаками, Семён зачастил на их мероприятия. Иногда они организовывали дежурства в общественных местах, встречались со школьниками, студентами. Всё это было «любо», как они, бравирюя, говорили, но в памяти остался один эпизод, когда, попав на какое-то мероприятие, он был свидетелем того, как некий казачий чин накричал на подчинённого, унизил при его собственной жене... Та уж было поднялась из-за стола, чтобы покинуть крикливое собрание и увести за собой мужа, но их всё-таки уговорили остаться. Вроде объяснились, но едкий осадок у них наверняка остался, если он остался даже в душе Семёна. Впрочем, он всё понимал: живые люди, как они ни называй себя, ими и остаются со всеми слабостями и каверзными привычками.

Зато, попав с дюжиной казаков в добровольческий центр в Гудермесе, Семён понял, что они вполне нормальные. Пробыв вместе две недели, он уж и не называл их как-то по-иному: только «брат». А потом их сборные роты, в которых были

и казаки, и бывшие краповые береты, и чеченцы-спецназовцы, посадили в транспортные самолёты и перебросили в Ростов.

Армейская спайка приходит через пот, это он знал по службе. Но именно теперь, набежавшись, наползавшись до судорог в ногах и руках, иногда под дождём, в грязи, он по-настоящему понял суть военной службы, а подробное изучение автомата, подствольника, отработка навыка владения ножом и применения гранат пропитало духом воина. Да и сам он внешне изменился: загорел, похудел, слегка курносый нос обострился, а волосы выгорели; от прилива энергии ему казалось, что может легко выполнить любое приказание. Он учился в своём же отделении, где было много участников «горячих» точек или недавно отслуживших по контракту. В первое время, когда вечерами собирались в курилке, над ним подшучивали, говорили, что опыт дело наживное, главное, спиной к противнику не поворачивайся.

Семён не обижался, не тушевался, понимая, что он доброволец, и для него ещё есть время учёбы, потому что, когда они окажутся один на один с противником, будет не до подсказок. О себе он не думал до того момента, когда прибыл на боевую позицию под Рубежное. Здесь рядовой Прибылой потуже застегнул бронезилет, поглубже нахлобучил каску, проверил патроны в магазинах, в скоротечных и сумбурных мыслях представляя, как будет выглядеть его первый бой. Когда же в отделение прислали нескольких бойцов, успешных «понюхать пороха», это придало уверенности, словно подоспели старшие братья, а с ними ничего не страшно.

Первое столкновение произошло совершенно неожиданно, когда его рота выдвинулась на «передок» и заняла вдоль лесополосы свежие окопы, из которых днём ранее выбили противника. Бойцы слышали свист мин со стороны зеленевшего перелеска и попадали на дно окопчиков. Ждали приказа на атаку, но пришлось самим отстреливаться, увидев фигурки нациков, продвигавшихся перебежками... Похоже, даже старшие командиры не ожидали появления на другой стороне балки противника... «Разведка боем!» — кто-то крикнул вдоль линии окопов, и по связи поступил приказ ротного: «Приготовиться к отражению атаки!» До противника было метров сто пятьдесят, кто-то крикнул, что надо подпустить поближе, и Семён, дождавшись приказа «Огонь!», первым жажнул короткой очередь в полусогнутый абрис противника.

Справа и слева застучали автоматы; стрелять начали и в ответ, хотя кто и откуда стрелял, было практически не видно из травы; лишь сизый дым от выстрелов указывал на про-

тивника. Кто-то вскрикнул и застонал справа от Семёна, и он увидел, как зажал окровавленную руку краповый берет Лёха, ходивший в тельняшке с красными полосами...

— Ты как? — машинально крикнул Семён и увидел, как тот отмахнулся:

— Ерунда... Пуля срикошетила...

А далее, словно по команде, раздалось несколько выстрелов из гранатомётов с нашей стороны, словно в отместку за раненого. Видимо, поняв, что с наскака не удастся пробиться, подхватив обвисшего на руках раненого, противники начали отходить к лесу под прикрытием своих. Вскоре раненый совсем обмяк, и они его бросили. Огрызаясь из автоматов и подствольников, ранили ещё одного нашего, и тоже в руку, осколком гранаты, но вскоре начали падать наши мины, отступавшие залегли, а в короткие перерывы между минами ломились через поле до следующего лога.

Этот короткий бой Семёну показался бесконечным. Когда всё вроде бы стихло, лишь на правом фланге бригады шла отдалённая перестрелка, провели перекличку, оказалось, что в их взводе несколько раненых. Их перевязали, а одного вывели в тыл и отправили на машине в медсанбат. Первый бой, как оказалось, не был самым трудным, но стал самым запоминающимся из всех далее случившихся.

Семён воевал вторую неделю, когда ранили его самого: пуля прошла голень навывлет, задела артерию, он потерял много крови, и когда его везли до госпиталя, в санитарной машине влили плазму, а ночью переправили в Ростов, где сделали настоящее переливание, прооперировали и, накачав лекарствами, погрузили в сон. Чувствуя, что засыпает, он знал, что теперь жизнь в неопасности, надо хорошенько отоспаться, потом позвонить домой и ждать выздоровления.

12

На вторые сутки, кое-как оклемавшись, он позвонил жене, зная, что она на работе. Думал, обрадуется, услышав его, но нежности в голосе не ощутил. Прежде Ксения всегда откликнулась живо и радостно, а сейчас, услышав его голос, показалась совсем убитой, будто разговор с мужем в тягость. От этой тревожной новости подумалось, что она завела в его отсутствие кого-то, и теперь муж её совсем не радовал, тем более что Семён, по сути, её бросил, и ожидать от жены счастливого придыхания в голосе было излишне. Так что какой-то жгучей обиды на её равнодушие у него не было, и когда она сказала, что отец находится в клинике, ничего не изменилось в его душе, хотя он пока не знал причины госпитализа-

ции тестя. Осторожно поинтересовался об этом, но Ксения, сказав, что у отца что-то с нервами, спросила совсем об ином:

— Ты-то где?

— В госпитале, в Ростове...

— Ой, что с тобой? Давно лежишь?

— Несколько дней с ранением в голень, много крови потерял, слабость есть...

— Как же ты так?

— Когда стреляют, бывает и хуже... Это уж кому как повезёт...

Жена вдруг переменяла голос:

— Надо было раньше думать. А то герой выискался. Сбежал из дома, и где он, что с ним — гадай жена... И когда теперь домой?

— Недели две-три проторчу здесь. Врач говорит, что какой-то нерв разбит, от этого нога малоподвижная. Ещё одну операцию будут делать: искать нерв и сшивать его. Так что выздоровление обещают, но не скорое. Надо будет потом реабилитацию проходить: прогревания, массаж и всё такое... Что молчишь?

— Думаю, — не сразу отозвалась жена. — Может, к тебе приехать, навестить?

— Не тот случай... Скоро сам появлюсь...

Ксения спросила Семена о ее приезде к нему скорее по инерции, на самом деле она не хотела ехать, окончательно охладев к мужу после его бегства. В последнее время она и не думала о нём, некогда думать из-за Максима, если жила у него третью неделю, неожиданно для себя проникнувшись любовью к нему и оставив дочку на попечение матери, приезжая их навестить в выходной и то на полдня. И теперь, услышав о скором возвращении мужа, она не знала, как теперь быть, что ему говорить, когда он вернётся. А если говорить всерьёз, то только не сейчас, когда это выглядело бы подло и по-предательски мерзко, потому что не всякую правду можно сказать больному человеку. Да и ни к чему это, если есть какое-то время, чтобы собраться с мыслями, всё обдумать и рассказать мужу... И когда подумала об этом, то и голос изменился, сделался таким, каким был всегда:

— Приезжай скорей, будем с Виолкой ждать!

— Долго ждать не придётся, целую тебя, а ты поцелуй за меня дочурку! Очень соскучился по всем!

— Тогда до встречи!

Поговорив, Семён откинулся на подушке, почувствовав, как вспотел от слабости, но на душе всё равно было радостно. Почему-то подумалось, что его поездка в Донбасс дей-

ствительно выглядела авантюрой, хотя он всей душой хотел помочь сражавшимся с одурманенными фашистами, взявшимися будто ниоткуда. Прежде он особенно не вникал в события в Киеве — мало ли происходит по всему миру забастовок, митингов и прочих заварушек. И только, когда пошёл кровавый замес в Донбассе, только тогда что-то шевельнулось в его душе, но опять же быстро сошло на нет, казалось, что конфликт этот вот-вот сам собой исчерпается... А потом к нему привыкли, вяло тлеющему, будто он был всегда. И только перед минувшим Новым годом напоминание о нём прозвучало особенно грозно, потому что оно теперь затрагивало и Россию. А это уж был особый случай, и стало понятно, что все перемены впереди.

Через несколько дней Ксения поехала домой навестить дочку, ей об отце ничего пока говорить не стала, чтобы не выслушивать вопросы, на которые сама пока не знала ответов. Матери же, конечно же, рассказала. Маргарита, услышав о зяте, воскликнула, укорила дочь:

— А то — сбежал, сбежал! Вот и нашёлся — сам позвонил, о дочке спрашивал. Радуйся!

— Не знаю, мам, что делать...

— Из-за Максима?

— Да... Прикипела к нему, будто заново родилась. Он мне сперва казался недотёпой, а потом привязалась к нему и пропиталась его энергией.

— Как это понять?

— Счастлива, мам, я с ним. По-женски счастлива!

— У него, наверное, медовый месяц с тобой? Покувыркается-покувыркается и охладает. У мужиков бывает так. Надоедает одна, за другой ташатся!

— Не знаю, не знаю... Но то, что есть, меня устраивает.

— «Устраивает» её! Ты думаешь, что говоришь-то? А о Виолке совсем забыла, телячий задор навалился?!

— Если всё сложится, её к себе возьмём.

— Ой, как далеко заглядываешь-то! Какие планы грандиозные!

— Ладно, мам, разберусь. А ты, если не хочешь помочь, так и скажи. Тогда Виолку в садик отдам, на пятидневку, как вы меня когда-то отдавали!

Маргарита вздохнула, и Ксения поняла, что мать согласилась с ней, хотя куда ей деваться. Получалось, что она одержала победу над ней, но такая победа совсем не радовала. Не хотела она неприятного разговора, не хотела оправдываться, а тем более перед матерью. «Ведь ей ничего не стоит понять дочь, ну, загулявшую, называй как хочешь, но ведь мною

движет обида. Как бы ты поступила, если бы отец уехал на войну, не объяснившись, тайно, отделавшись лишь запиской! Это что, нормально? А ведь я тоже живой человек... И может, это судьбой мне определено...» — думала Ксения, когда установилось напряжённое молчание. И чтобы освободиться от гнетущей неловкости, спросила:

— Как дела у отца?

— Кто мне чего говорит... «Проводится лечение...» — вот и весь сказ! Если было что-то серьёзное, то, думаю, обязательно бы сказали.

— Не факт!

— Даже если это и так, что я могу сделать?! Не буду же я медикам указывать.

О Германе Михайловиче, его болезни они теперь говорили спокойно, как и о Максиме, и Ксения поняла, что мать согласилась с ней, приняла её сторону, поэтому и в разговоре пропал оттенок раздражённости, непримиримости. Они вновь стали мамой и дочкой, и Ксения, когда уезжала, обняла её:

— Люблю тебя, мам!

13

Германа в клинике ничего не удивило. Накачанный лекарствами, он проспал почти сутки с небольшими перерывами, а когда более или менее пришёл в себя, то быстро освоился. Ему и ранее доводилось попадать на больничные койки по разным поводам — ничего для него нового. Он лишь думал, что тут сплошь буйные, опасные пациенты в своих непредсказуемых проявлениях, а они ходят по длинному коридору и улыбаются. Кто сам себе, кто встречным, но кто-то шествует с задумчивым и умным видом, казалось, оторвавшись от всего сущего в мире и нисколько не огорчаясь здешним интерьером. Они и в палате, где, помимо Германа, находилось ещё трое, вели себя так же: интеллигентно и приветливо, называли друг друга по имени-отчеству. «Вы все тут или сволочи, или негодяи, что почти одно и то же! — думал он о соседях. — И чего выпендриваетесь?!» Лишь на третий день, пройдясь по коридору далее обычного, он наткнулся на дверь с табличкой «Изолятор», и этот факт сразу напомнил, где он находится, тем более что далее по коридору из-за глухой двери, перегораживающей его, слышались непонятные и пугающие звуки... И захотелось поскорее уйти в свою палату, лечь на кровать, закрыть глаза и постараться ничего не видеть и не слышать.

К концу первой недели он всё чаще вспоминал семью, работу, свой фонд, существовавший на словах и весь помещав-

шийся в его сейфе. Он думал обо всём сразу и по отдельности, и не знал, на чём сосредоточиться, понять, что важнее для него теперь и в будущем. Размышляя и просчитывая дальнейшие планы, он пытался связать воедино невозможность пользоваться барселонскими сбережениями, доступность к которым теперь под большим сомнением, с будущим компании, отношениями в семье и, конечно же, с конкурсом. Как надоело думать о нём, как надоели неиссякаемые претенденты в писатели, вступающие в разные союзы, кто за деньги, кто по знакомству, а у кого знакомств особенных не имеется — за ведро клюквы. Был такой случай, когда он заехал к Семибратову забрать газету со своим рассказом, а к тому приехал мужик из провинции, привёз изданную в местной типографии тоненькую книжку и клюкву. Книжка — повод для вступления в союз, а ягоды — в подарок. Причем, по своей душевной простоте соискатель выдал хозяина кабинета:

— Вот, Тимофей Ильич, как и договаривались, клюква доставлена. Полное ведро, правда, немного утрясась по дороге... — Гость попытался снять для наглядности марлевую обвязку с обливного ведра, но Семибратов остановил:

— Верю, верю — сегодня же передам по назначению... — скороговоркой сказал он и стеснительно глянул на Чернопуга. Тот, чтобы не смущать его, поднялся со стула, сказал, давая понять, что прекрасно понял ситуацию:

— Спасибо за публикацию, Тимофей Ильич!

Вспомнив этот эпизод, Герман вдруг повеселел, забыл, где находится: «Скоро ты не так завертишься, когда твои двести тысяч уплывут в неизвестном направлении!» И вот литературная тема вновь затмила всё остальное, и у Чернопуга вдруг мелькнула мысль: «А нужен ли конкурс? Что я с ним голову-то себе морочу?» Но подумав вполне разумно о своём положении, Герман вспомнил, с чего начинались хлопоты: «Но ведь я хотел ославить их, у меня была жажда мести и осмеяния графоманов, стремящихся к славе, хотя ничем не заслуживших её, поэтому пускающихся на все ухищрения ради самопрославления. А ведь их уже черед прошла даже за короткое время со дня объявления конкурса. И как же делалось противно на душе от их подобострастных завываний, готовности расшибиться в лепёшку, лишь бы добиться престижного звания, повышающего, как им виделось, их статус в литературном сообществе. О читателях они даже и не думали в такие моменты, словно сочиняли опусы лишь для нужных людей. Один липкий гадёныш даже заявил, что откажется от призовых, потому что для него важнее признание и любовь народа! Так и отчебучил! И ведь уверены, что всё вокруг покупается и продаётся!»

Отвернувшись к стене, Герман Михайлович, много думал на эту тему, и она всё более его захватывала. В мыслях всё лихо получалось, ведь рано или поздно выяснится, что находился он в больнице не с инфарктом, а по причине психического, пусть и лёгкого расстройства, вызванного, как выяснил лечащий врач, нервозностью на производстве, в быту, да и вообще в мире, учитывая ситуацию на Украине, куда добровольно отправился его зять. Разве не кроется здесь повод для чрезмерного нервного напряжения и, как следствие, госпитализации! Впрочем, Герман понимал и чувствовал, что долго он здесь не задержится, если стал спать без сновидений, нормально ел. В начале второй недели, когда его перевели в санаторное отделение, ему разрешили выйти к жене, недолго погулять на территории больницы. Хотя май выдался холодным, но посещение жены попало на погожий день — тихий и солнечный, и они прекрасно поговорили, особенно радовался Герман внучке. Уж такой милой и послушной она показалась в этот день, какой никогда не видел её. Но как бы ни радовался он родным душам, всё-таки серьёзные мысли не покидали. Зная, что в скором времени его выпишут, потому что развитие дистонии у него купировали, он решил, что пора пересмотреть свою жизнь, оставить все хлопоты в прошлом, а теперь воспользоваться тем, что он оказался в клинике, и если уж это случилось, то запастись справкой о своей болезни, и пожить остаток жизни для себя. А что? Разве плохо смотреть на всех свысока, в душе посмеиваясь над ними? Тогда и о конкурсе можно забыть, а когда придёт время подводить итоги, подводить их будет некому, так как он формально будет не готов к подобной процедуре из-за состояния здоровья. И какой спрос с больного человека, и как взять с него деньги, о коих он и понятия не имеет... Поэтому, всё рассчитав, всё взвесив, он сказал Маргарите перед ее уходом:

— В следующий раз принеси пятьсот тысяч... Нужно кое-кого отблагодарить.

— И есть за что? Сумма-то крупная! — засомневалась жена.

— Есть, есть — ответственно говорю. Не затягивай с этим делом.

Чтобы она не сомневалась, он рассказал ей об особом плане, по которому его будущее решится легко и просто. Он попросит своего врача всё устроить так, чтобы признать его невменяемым, пусть даже придётся потомиться месяц-другой в клинике. То есть надо будет получить справку о болезни, и потом выйти на свободу со спокойной совестью и при-

хлопнуть конкурс, расстаться со своей фирмой и жить в своё удовольствие.

Герман знал, что рано или поздно фирму «отожмут», и к этому есть все предпосылки, ибо ему уже не раз намекали, чтобы он время не тянул, ни на что не надеялся и не упускал возможности, пока есть влиятельная корпорация, готовая купить его бизнес, но купить за гроши. А если пошли намёки, то и до наезда недалеко: знаем, проходили!

14

Обо многом передумал Семён в госпитале. Настроением он себя не баловал, да и причин не было, если стопа оставалась малоподвижной, отвисшей, и он ждал новой операции. И вот наконец-то обрадовали после того, как взяли новые анализы. Лечащий врач, майор медицинской службы, по-мальчишески коротко подстриженный, насмешливый не в меру, шепнул:

— Готовься завтра к бою... — И пояснил: — Будем нервнить. Страшного ничего в этом нет. Думаю, всё пройдёт нормально, и будешь ты в скором времени на танцы ходить!

Семён улыбнулся:

— Хотелось бы...

Во время операции он боли не чувствовал, «замороженный» от поясницы до пяток, лишь слышал стук и звон инструментов и команды врача... Семён чуть было не заснул — лежал, закрыв глаза... К нему подошла медсестра, потормошила за плечо:

— Не спать, не спать...

Он хотел ответить, что не спит, но было лень что-либо говорить: голова казалась тяжёлой, а язык будто бы не шевелился.

— Попить дайте...

Сестра мокрой ваткой смочила ему губы, шепнула:

— Терпи, потом попьёшь...

Она отошла от него, а он, повинувшись её команде, лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок, и мечтал о том времени, когда попадёт к жене и дочке, а потом съездит на несколько дней в посёлок к родителям. Обнимется с ними, расцелуется, выпьет с отцом по рюмашке, поговорит с мамой, расскажет ей что-нибудь о Виолке. Говорить будет много, но ничего о Донбассе, а если всё-таки к тому времени будет хромать, скажет, что попал в аварию, чтобы не мучить родительские сердца испугом. Потом пройдёт по родной улице, постоит на берегу речки, посмотрит на стрекоз и покормит маленьких утят хлебом... От приятных мечтаний он

расслабился, забыл об операции и, как показалось, действительно задремал, а открыл глаза от голоса хирурга:

— Просыпайся, братец-кролик, пошли в футбол играть!

Семён промолчал, начал озираться, когда с него снимали покрывало и панель. Потом помогли сесть на столе, врач спросил о самочувствии. Семён, сказав «нормально», попытался встать на ноги, но тот предостерёт:

— Отставить! — И обратился к медсестре: — На каталку его!

Сестра отвезла в палату, помогла перебраться на кровать, а позже принесла костыли, пояснила:

— Сегодня они только для того, чтобы дойти до туалета. А в остальном необходимо соблюдать покой, а завтра доктор скажет, что надо делать, а что не надо.

Вскоре в палату пришла сестра с тележкой, начала раздавать обед, но его предупредила, поставив тарелки с едой на тумбочку:

— Не торопись обедать, пока анестезия держится... Вот пройдёт, тогда можешь немного поклевать.

К еде он действительно не притронулся, но компот выпил и вдруг вспотел, завалился на подушку. Вечером, когда и от ужина отказался, дежурный врач назначил обезболивающий укол, так как нога начала по-настоящему болеть. После этого он кое-как заснул, а проснулся под утро раньше всех от голода и еле дождался завтрака.

Через несколько дней Семён ходил на костылях по коридору, а через неделю, после массажей и физиотерапии, ему сделали рентген стопы, распеленали её и разрешили слегка наступать на больную ногу. Он понял, что стопа не отвисает — и радость от этого разлилась по душе необыкновенная.

Вскоре его выписали, наградили на дорогу тростью для страховки, и после суток, проведённых в поезде, он сошёл на перрон в своём городе. Удивило, что все встречные люди — вполне обычные, будто ничего не знают о событиях на Украине, будто им не до чего нет дела. В Ростове он часто встречал хмурых военных, да и гражданские мало отличались выражением лица — там совсем иная картина, иная жизнь. Его никто не встречал, потому что он никому не сообщил о возвращении, решив, если уж уехал почти тайно, то так же и прибыть должен. И вообще: как только увидит жену, то сразу повинится перед ней. Он представил себя на её месте, а, представив, понял, как это выглядело нехорошо с его стороны. И это в лучшем случае.

Он доехал на такси, в знакомой палатке недалеко от дома купил пять роз для жены и вскоре стоял перед квартирой с

рюкзаком на плече и цветами. Позвонил в дверь, так как ключи давно потерял, и стоял в радостном и тревожном ожидании, опираясь на трость. Из-за двери вкусно пахло пирогами, он вспомнил, что сегодня воскресенье, все должны быть дома, и ему по-настоящему захотелось увидеть Ксению: поцеловать, прижаться к ней и почувствовать рядом. И он словно знал, что она его встретит.

Ксения открыла дверь на его звонок, и, увидев Семёна, удивлённо улыбнулась и отступила назад, пропуская в квартиру. Они обнялись, но не пылко, и поцеловались небрежно, вскользь, это ему не понравилось, и он сказал обиженно:

— А вот и я! Не ждала?

— Ждала-ждала, — отговорилась Ксения и крикнула, отложив подаренные цветы:

— Виола, иди посмотри, кто приехал!

Тотчас из комнат пулей выскочила дочурка и, спутав льняные волосы, повисла на шее у отца, а когда нацеловалась с ним, то укурила мать:

— Вот, мамочка, а ты говорила, что он не приедет...

— Ну и врушка ты стала, доча!

— Нет, не врушка! — и прищёлкнула языком.

На шум в прихожей выглянула Маргарита:

— Ну, здравствуй, молодец! Живой, здоровый! А то мы уж тут все испереживались! Как доехал? Что с ногой?

— Поезд довёз! Вторую операцию делали. Как видите, сам добрался. Немного прихрамываю, конечно. Но динамика восстановления положительная. Так что всё будет в порядке.

— Вот и хорошо... Иди в душ, а я пока обед соберу.

К тому времени, когда он осторожно вышел из ванной комнаты, стол в кухне был накрыт. Стояли закуски и бутылка вина.

— Извини, первого нет. За обедом доели.

Все вместе выпили, перекусили, и тёща вдруг стала собираться с внучкой на улицу, со значением поглядывая на дочь и зятя, но более на него. Она явно хотела оставить их одних, и Семён это понял, оценил. Как только ушла тёща с дочкой, Ксения тоже начала собираться.

— Не понял? — удивился Прибылой. — Куда это?

— К подруге... Она сильно болеет, просила приехать, помочь ей надо.

— Более, что ли, некому?!

— Родители у неё дипломаты, в Аргентине служат, вот мне и приходится мотаться.

— Надолго поедешь?

— До вечера, а, возможно, и на ночь останусь... Я тебя очень понимаю, да и сама соскучилась, вот завтра приеду, и вся

ночь будет нашей. А чтобы ты не подумал бог знает что, *этим* можно заняться прямо сейчас, ведь мама неспроста Виолку увела.

— Мне почему-то казалось, что будет как-то по-иному. Но если есть такая необходимость, то езжай. Буду ждать.

— Не горюй! Сейчас всё сделаем...

Она подошла к нему, обняла, обдала теплом, а он почувствовал, что сдерживать себя не в силах...

...Минут через десять Ксения взглянула на часы в комнате:

— Ой, опаздываю... Подруге укол давно пора делать...

Хотя Прибылому и жалко было поспешно отпускать жену, но, видя, как она торопливо собирается, не стал её удерживать, проводил до двери, поцеловал.

Через полчаса она позвонила, сказала чуть ли не рыдая:

— Сёмушка, дорогой, у меня не хватило сил сказать тебе всю правду... Прости за враньё. Не к подруге я еду, а к мужчине, уж извини — полюбила, пока ты метался на Украину. И ничего не могу с собой поделать. Я ждала твоего возвращения, переживала, когда ты попал в госпиталь, думала к сегодняшнему времени улетучится моя влюблённость...

Далее он слушать её не стал. Какое-то время сидел ошарашенный, без движения, раз за разом вспоминая слова Ксении, а потом достал из бара бутылку водки и, налив полный бокал, одним махом — зло и радостно — выпил, словно дождался сегодняшнего разговора, и вот он состоялся, и всё теперь в жизни изменится.

Захмелев, позвонил родителям, ничего не звавшим о госпитале. Телефон взяла мама, удивилась:

— Вот и сынок долгожданный объявился! Ну и как ты, где пропал, мы с отцом уж заждались! Звонили несколько раз, не дозвонились... Сватья сказала, что ты срочно улетел в заграничную командировку.

— Мам, не переживай, всё хорошо! Я вернулся. На днях приеду — всё расскажу!

15

Когда Маргарита пришла с прогулки, он, находясь в растерзанном состоянии, даже обрадовался возможности побыть с дочкой сегодня и завтра, когда тёща поедет к мужу. В какой-то момент Маргарита вспомнила о дочери, спросила:

— А Ксюшка где?

Семён сперва промолчал, а потом всё рассказал, потому что не нашёл сил хранить это в себе. Маргарита же после откровений зятя, не могла понять, как с ним говорить, и за-

чем дочь всё рассказала: бабьей хитрости, что ли, нет совсем?.. А от её глупости у них теперь всё по-серьёзному закрутится. И Семён хорош — сразу в деревню собрался... Впрочем, у неё своих волнений хватало, и Маргарита оставила Семёна и на время забыла о молодых. Почему-то казалось: вот побесятся-побесятся и обломаются — не они первые, не они последние.

Она хотя и опечалилась, но её в эти дни заботило совершенно другое — просьба мужа о деньгах, хотя он и объяснил, для чего они нужны. Но одно дело объяснить, а другое понять для кого они, за что, за какие заслуги? Подарки — это привычно, ну, можно заплатить, если какая-то операция намечалась. Всё так. А что за необходимость деньги по ветру пускать? Или, может, муж совсем стал неадекватным, втемяшилось ему что-то — вот и выдумывает.

После сомнений и переживаний она всё-таки приготовила пятьсот тысяч. И утром поехала в клинику. По дороге она всё обдумывала его очередную странную идею: залечь в клинике для вида, а после за взятку получить справку о своей шизофрении. Пусть потом на него будут пальцем указывать, даже более того — сторониться, ничего, он стерпит... «А что, это вполне в его стиле, — думала Маргарита, — если он деньги занимал у брата для отвода глаз».

До клиники она не поехала, а попросила водителя, вызванного с работы Германа, остановиться у салона красоты. Пусть ей пришлось полкилометра идти пешком, зато водитель — болтун и пустомеля — не расскажет о цели и месте её поездки. Она и подумать не могла, что её поведение тому показалось подозрительным, тем более что не просила подождать, и он потихоньку проехал за ней следом. Когда же она скрылась в психдиспансере, всё понял и, вернувшись в бизнес-центр, по секрету шепнул о новости Лене, а у той — стойкое словесное недержание...

Маргарита же, кое-как уговорила врача выйти в холл и было приготовила деньги, но хорошо, что сразу не отдала, а начала издалека:

— Что-то не звонит мой муженёк, — сказала она, оглядывая высокого и горбоносого врача с длинными, заложенными за уши волосами.

Врач замаялся, жалеючи посмотрел на Маргариту.

Он и не мог позвонить, так как вторые сутки содержится в изоляторе...

От такого ответа у неё сердце будто оторвалось и затрепетало на тоненькой жилке, она испуганно и тихо спросила, словно остерегалась, что их кто-то услышит:

— Что за причина?

— Вчера здоровье Германа Михайловича резко ухудшилось, мы его вернули из санаторного отделения, но потом у него наступил кризис, и мы вынуждены были поместить его в изолятор... Должен вам признаться, что состояние его, значительно обострившееся, видимо, связано с утратой крупной суммы. Он постоянно твердит: «Сгорело бабло!» И это, надо полагать, неспроста. У него были какие-то финансовые проблемы?

Рассыпаться в подробностях ей не хотелось, но всё-таки она сдержанно сказала:

— Относительные трудности имелись, но главное, думаю осложнения на работе... Кто-то влиятельный позарился на его компанию, а ведь он поднимал её с нуля. Сами понимаете, сколько это стоило здоровья? Он старался-старался, и вдруг... Представьте, приходит дядя со стороны и подвигает его... Любому-каждому станет обидно...

— Вполне можно предположить, что это повлияло на его здоровье... Кризисы, особенно финансовые, частенько гнут людей. Слаб человек, слаб... Но не всё потеряно. Думаю, пара месяцев хватит, чтобы проследить динамику здоровья Германа Михайловича и понять его перспективы. Но сейчас важно добиться хотя бы относительной стабилизации, и она у него уже налицо, вечером переводим его в обычную палату... Будем надеяться, что кризис — временное явление, так бывает после перенесённых стрессов. Причины болезни, как можно понять из ваших слов, — внешние... И это обнадеживает, как если бы болезнь незаметно подкралась изнутри. Так что подождём. Время всё расставит по своим местам. Это всё, что я хотел вам доложить, Маргарита Леонидовна.

Он слегка поклонился, а она, сладко млея от мысли, что не надо расставаться с полумиллионом, всё-таки приличия ради достала из сумочки пяти тысячную купюру, приготовленную на всякий случай, и вот этот случай представился. Она вплотную, будто случайно, приблизилась к врачу и опустила купюру, легко провалившуюся в оттопыренный карман халата, пояснила негромко:

— От души благодарю вас, Владимир Абрамович, за внимание к мужу!

— И вам спасибо за понимание... Будем на связи...

В клинику Маргарита вызвала такси, и пока шла до машины, чувствовала, как дрожат ноги. Никогда она не представляла, что попадёт в такую ситуацию, ломавшую все планы и ожидания. «Что случилось? Почему такое происходит? Почему всё так вдруг и резко меняется? Муж в психиатри-

ческой, дочь загуляла, зять раненым вернулся из Донбасса! Зачем, почему так сразу и резко поменялись люди? Или, может, они всегда такими были? А теперь, когда настали испытания, все сразу раскрылись?» Много было вопросов, и все они угнетали, давили на сознание, создавали в душе растерянность — жизнь будто рушилась на глазах.

Маргарита вернулась домой в полдень, но Семён обедать не собирался, о чём сразу сказал, указав на рюкзак в прихожей:

— Мы с Виолкой перекусили, так что она не голодная, а мне пора к родителям.

— Завтра бы утром и поехал!

— Сегодня вполне успею, езды-то на электричке два часа, да на автобусе потом полчаса. Так что как раз к ужину попаду, обрадую предков.

— А на машине-то чего не едешь?.. Полтора месяца ждала в гараже!

— Всё, отъездился... Ключи от машины, доверенность и техпаспорт на тумбочке...

— Семён, чего дуришь-то?! Ну, случилось... Ну, Ксюшка виновата, но она же повинилась, а повинную голову меч не сечёт!

— Сечёт, ещё как сечёт... Мне такая жена не нужна, да и все вы — тоже! Надоели!

И Маргарита отмахнулась:

— Езжай, герой ты наш, другого от тебя и ожидать не приходится...

Зять ушёл, а Маргарита прошла в спальню, легла на кровать и долго лежала, прижимая к себе плачущую внучку, хотела, но не могла собрать мысли в пучок.

Другим днём, немного взбодрившись, она достала из укромного места под матрасом ключи от сейфа мужа, где у него хранились какие-то призовые деньги, позвонила его секретарю, заказала пропуск и попросила прислать машину. Потом сама собралась и начала собирать внучку. Та стала капризничать, пытаясь досмотреть мультик, но бабушка выключила компьютер. Обидевшись, Виола дорогой не разговаривала, молчала и Маргарита, обдумывая, как правильнее объяснить свой визит. Кажется, придумала. Войдя в приёмную кабинета мужа, она грустно поздоровалась с секретарём, сказала любезно:

— Елена, пришла по просьбе Германа Михайловича... Он просил забрать деньги из сейфа... — И добавила после паузы: — На лечение...

— Ой, Господи, что случилось-то с ним, а то разговоры ходят разные?..

— Инфаркт... Лежит в реанимации... Будут делать операцию. А если операция, значит, надо готовить деньги. Вот приехала за ними, с вашего позволения, конечно.

— Но у меня нет ключей от сейфа... — резко ответила она Маргарите.

— Герман Михайлович передал... Вот они, — она достала из сумки два массивных ключа, соединённых длинной цепочкой. — Верхний и нижний замки надо открывать одновременно.

— Забирайте, как я могу быть против, если это его личный сейф, а вы жена.

Суется от волнения, Маргарита раскрыла тяжёлую дверь и чуть ли не ахнула от количества пачек, но виду не подала, в душе радуясь, что прихватила объёмную сумку.

— Думаю, здесь на операцию хватит...

Загородив собою сейф, Маргарита покидала пачки пяти-тысячных и двухтысячных в сумку, сунула в неё какие бумаги и, едва закрыв на молнию, вздохнула притворно:

— Нет бы в крупных купюрах, а то мелочёвка...

— Может, вам чаю, а то у вас щёки горят?..

— Нет-нет, водитель ждёт, — отговорилась Маргарита.

— Ну как хотите... — не стала настаивать Лена и подала Виолке, рассматривавшей в аквариуме цветных рыбок, шоколадку.

Внучка только успела сказать «спасибо», как Маргарита схватила её за руку и рванулась к выходу, словно её могли остановить. В машине внучка начала ныть:

— Почему у нас нет аквариума, я тоже рыбок хочу!

Маргарита могла наобещать ей сейчас что угодно, а сама пела в душе от радости, что не упустила своего, пусть и немного, но и такая сумма не будет лишней в семье. Почему-то вспомнились слова доктора, и, иронизируя, она заочно посмеялась над ним: «Вот вам, дорогой Владимир Абрамович, и «сгорело бабло»! Вроде пустячок, а ведь приятно!» Перед домом вспомнились слова Подберёзова, говорившего о деньгах, по-прежнему поступающих в фонд. Поэтому, приехав домой, сразу позвонила ему, но никто не взял трубку. Тогда занялась сумкой, решив пересчитать деньги, но прежде взглянула на бумаги. Взглянула и ахнула: на одной список меценатов фонда, а на второй — выписка из испанского банка! Всмотрелась в сумму и, не веря себе, протёрла глаза: без двадцатки пять миллионов евро значилось в выписке! «Ах, паскудник, ах, негодяй!» — заочно заклемила она мужа. — А то

миллион, да и тот неполный...» Но ругалась она в душе недолго, начала думать, как вернуть эти деньги, как ими завладеть, и возможно ли это в нынешнее сволочное время.

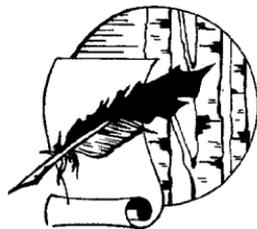
От мыслей отвлек звонок. Посмотрела — Подберёзов.

— Слушаю вас!

— Вы звонили?

— Я сейчас от Германа Михайловича, он просил вам передать, чтобы все деньги, поступающие в фонд, вы привозили мне в любое удобное для вас время! — строго сказала она, будто собеседник стоял перед ней навытяжку.

— Обязательно-обязательно, Маргарита Леонидовна! Поиному и быть не может! — торопливо и угодливо пообещал Подберёзов, зная, что её муж находится в психушке, и мстительно подумал, невольно вспомнив об отданной Танкисту сотке: «Но сперва своё верну, да с прицепом, как компенсацию за порчу нервов и стихийную трату времени! А потом и «Писатели Заречья» будут в моём кармане! Вот так всех держать буду!» — и, стиснув кулак, счастливо улыбнулся.

Валерий ХАТЮШИН

РУССКИЙ СВЕТ

ПЛЫВЁТ КОРАБЛЬ

А он, мятежный, просит бури...
М.Ю. Лермонтов

Плывёт корабль, идет по Солнцу
в живом просторе тёмных волн —
с попутным ветром полусонным
и в смертном буйстве штормовом.

Плывёт корабль, и год за годом
валов пучину режет сталь.
Идет своим надежным ходом
туда, где наша брезжит даль...

От грозных туч, от урагана
он мог бы тихий порт найти...
Но точный компас капитана
не даст свернуть с его пути.

Плывет корабль... В небес лазури
струится отблеск золотой...
Но он идет навстречу буре —
в судьбу борьбы и в непокой.

Плывёт корабль, винтов и тросов
металл упруг, и мощь — во всём.
И у матросов нет вопросов,
куда идем, зачем плывём...

Бурлящих волн пропитан солью —
Плывёт. И в век сплелись года.
Идет корабль вперёд по Солнцу,
По Солнцу русских — навсегда.

Плывёт корабль...

19 апреля 2022

УХОД ВЕСНЫ

Вот и вновь отцвели одуванчики,
май дождливый идёт под уклон.
Жаль его... А в нагрудном карманчике
сладко дышит сирени бутон. —

Расцвела запоздало, расщедрилась
под ветрами промозглой весны...
А весна на прощанье прищурилась
от своей хладнокровной вины.

Пару дней поздним солнцем погреемся
и под птичий вернувшийся звон —
на июньском гулянье развеется
и уйдёт, как загадочный сон...

30 мая 2022

БЕСПАМЯТНЫЕ

Нам снова гибель прочит
врагов безумных рать.
И вновь Европа хочет
Россию растоптать.

Она уже забыла
про Курск и Сталинград.
Как встарь — опять бомбила
несломленный Белград.

А на горе Поклонной
имён — за строем строй.

Серёжка с Малой Бронной
и Витька с Моховой...

Под сине-звёздным флагом
не помнят тех годин —
про знамя над Рейхстагом,
про сдавшийся Берлин...

Не помнит мир спасённый,
мир подлый, мир слепой
Серёжку с Малой Бронной
и Витьку с Моховой...

13 июня 2022

* * *

В летнем небе — два белых крыла,
в сердце — замять от лёгких кручин:
лишь недавно сирень отцвела,
а уже опадает жасмин.

Порыжела трава на лугах...
Дай мне, Боже, прожить этот год
и с улыбкой в усталых глазах
встретить новый весенний восход.

И рябина уже отцвела.
Птиц не слышно в чащобе лесной.
В синем небе два белых крыла
всё кружат и кружат надо мной...

6 июля 2022

* * *

В полях июльским летом
брожу, нетороплив.
Любуюсь белым светом
и радуюсь, что жив.

С тоскливым придыханьем
смотрю на облака,
с любовью — на порханье
шмеля и мотылька.

Милы глазам, как дети,
и шмель, и мотылёк...
Всему на этом свете
свой Богом данный срок.

Живой лазурью летней
в вечерний этот час
любуюсь, как в последний,
неповторимый раз...

15 июля 2022

ДОНБАССКАЯ САГА

Льется над ширью вселенской
слёзная песня без слов...
В Киеве клоун Зеленский
рубит бабло из хохлов.

В небе над степью донецкой
трель жаворонка висит...
Век двадцать первый. Немецкой
пулей мальчонка убит.

Стойких сердец перегрузки.
Загнаны люди в подвал.
Девочку Нику французский
точный снаряд разорвал.

Киевской вонью вселенской
Запад себя отравил.
Мелкий бесёнок Зеленский
много бабла нарубил.

Во поле воздух душистый,
росы, как слёзы, светлы...
В Киеве — укрофашисты,
нелюди, жидохохлы.

...«Сушки» полгода в полёте.
Мир перед нами в долгу.
Что ж вы никак не войдёте
в Киев, товарищ Шойгу?

19 июля 2022

ЕВРОПЕЙСКИМ ВИТИЯМ

Есть место им в полях России...
А.С. Пушкин

Как прежде, в грозный спор славян
Европа нос суёт без спроса.
И тупо лезет в наш карман,
лелея грешный свой изъян
под страхом русского вопроса:

высокомерную мечту —
над Русским миром превосходство.
И, множа ложь и клевету, —
злословит нашу красоту,
за чечевичную туфту
себе присвоив первородство.

Европа так и не прочла
свои кровавые скрижали.
Забыв безумные дела, —
вновь закусил удила
в дыму стволов тяжелой стали.

Своих озлобленных сынов
к нам шлют брюссельские витии.
И много мест для их голов
среди нечуждых им гробов
есть на полях Новороссии...

23 июля 2022

РУССКИЙ СВЕТ

Теперь мы быстро запрягаем...
Восточный ветер дует в спину...
Россию мы освобождаем,
освобождая Украину.

Избрали братья путь Андрия...
Ну что ж, предвидел это Гоголь...
Всё им прощавшая Россия
их не судила слишком строго.

И вот — слепые планы строят
беспамятные наши братья...
Теперь узнают, сколько стоят
с врагом горячие объятия.

Пусть будет вечным им уроком
цена иудства. Пусть познают,
как беспощадным «солнцепёком»
Антироссию выжигают.

Теперь мы быстро запрягаем...
Восточный ветер дует в спину...
Мы русский свет оберегаем.
Мы любим *нашу* Украину.

24 июля 2022

СНАРЯДЫ И ОРДЕНА

И радость, и слёзы прогорклые
Донбассом испиты до дна.
Шарашат нацисты по Горловке.
Вручает Шойгу ордена.

Под Слáвянском топчемся «планово».
Такая сегодня «война»...
Свидомые бьют по Стаханову.
Вручает Шойгу ордена.

Зарывшись под землю в Авдеевке,
где наша была сторона,
шмаляют скоты по Макеевке.
Вручает Шойгу ордена.

Когда-то всё вправду рассудится.
Но скулы сжимает страна...
В руинах донецкие улицы.
Вручает Шойгу ордена.

И знать даже как-то не хочется,
чья воля и чья тут вина...
Видать, еще долго не кончатся
снаряды и ордена...

26 июля 2022

ИЮЛЬСКИЙ ВЕЧЕР

Солнце красное зашло.
Гаснет день за сеткой тюля.
Дарят зыбкое тепло
вечера в конце июля.

Жизнь еще не истекла...
Золотое лето длится...
Отложить бы все дела
и на склоне лет влюбиться...

Дышит тёмная вода.
Зазывает тёплый вечер...
И скамейка у пруда
ожидает чьей-то встречи...

30 июля 2022

НА ЭТОЙ СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛЕ

В Белозерске

Давно ль от нас ушла весна,
а вот и лето на исходе...
Мне шепчут тополь у окна
и белозерская волна
о зябкой завтрашней погоде...

На этой северной земле
так жарко, так недолго лето!..
...Блестят дождевики на стекле,
грустят березы о тепле
на тихой родине поэтов...

9 августа 2022

В Вологде

Вологодский храм Софии,
бой часов на колокольне —
мне навяли невольню
древний светлый лик России.

Купола белее снегу —
под широким небом синим.
Облака сияньем сизым
льют на землю свет и негу.

Свет, над ширью распростёртый,
над рекой необмелелой...
Храм Софии* снежно-белый,
Божий царь Иван Четвёртый...

10 августа 2022

* * *

Август, август, зачем же так скоро?
ведь еще не настала пора...

2017 г.

Август, август, осталось немного
жизни, лета, тепла, тишины...
На границе последнего срока
мне нездешние звуки слышны.

Тёплый ветер, вечернее солнце,
предзакатная бледная синь...
Пахнут мёдом смолистые сосны,
спелой горечью дышит полынь.

Август, август, припомни, давно ли
нам казалось: еще не пора...
Вдаль звало поседевшее поле,
так пьянили твои вечера...

Всё пройдёт, как цветастое лето.
Но останется свет этих строк,
да от красной листвы бересклета
на душе чуть остывший ожог...

14 августа 2022

* Собор Софии Премудрости Божией сооружен в XVI веке на территории Вологодского кремля по распоряжению Ивана Грозного.

БЛАТНОЙ КУРАЖ

Весь израненный вконец,
по ночам не спит Донецк.
Свечкой божницу осветлю...
А экранные (...)
под попсу трясут зады:
«Мама, я Шурика люблю!»

«...Шурик будет воровать,
а я буду продавать...
Мама, я Шурика люблю!»
Шпарит песни о братве
нам еврейское ТВ...
Выйду и свечку затеплю.

С чёрной нелюдью в бою
отдал парень жизнь свою.
Харьков, он скоро будет наш...
Шуфутинский, Виторган,
Розенбаум и Билан...
Рвется в эфир блатной кураж!

В Николаев мы войдем,
Львов, наверное, возьмем,
Киев, Одессу победим...
«Шурик будет воровать,
А я буду продавать...»
Видно, Москву оставим им...

4 сентября 2022

ЗВЕЗДА ДОНБАССА

К концу подходит бой...
От слёз осушим веки...
Донбасс пришёл домой
и не уйдёт веки.

Дымит разбитый шлях
бессмысленной Руины...
И только шум в ушах
от бывшей Украины.

Под влагою ресниц
глаза у всех — светлее.
Но — снимки детских лиц
на траурной аллее...

Как русская звезда,
донбасская победа
зажжется навсегда,
во все просторы света.

Как Брест, как Сталинград,
как нашей правды сила,
всемирный мрак и смрад
прожжёт Саур-Мои́ла.

За Русский мир наш бой.
Мы слышим Слово Божье.
Уже пришли домой
Херсон и Запорожье.

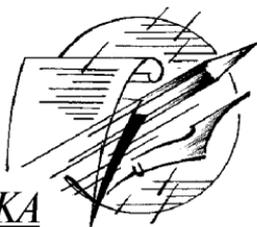
23 сентября 2022

Галина ПЫРХ,
директор Межрегионального правозащитного центра
«Соотечественник», г. Новосибирск

ЮВЕНАЛЬНЫЕ ВИРУСЫ

Говорят, что после того, как «коллективный Запад» совершил каминг-аут в отношении России, а по-русски говоря, раскрыл нам глаза на то, что все эти годы «партнёрства» он продолжал нас всех — именно нас, народ, — люто ненавидеть, началось очищение от налипшей за три десятилетия грязи «европейских ценностей». Возможно, это и так, хотя внешне очищение пока никак не проявляется. Да и не может этот процесс быть быстрым — слишком толстым слоем морально-нравственных нечистот мы покрылись, чтобы смыть их в одночасье. А, как известно, под коркой грязи всегда много микробов, которые вызывают различные воспаления, вплоть до гнойных поражений.

В жизни современного российского общества роль болезнетворных бактерий играют не только проплаченные иностранные агенты влияния — как раз с ними-то всё гораздо проще: их выявили, выставили на обозрение, и они уже оказались наполовину обезвреженными. Проблема в том, что с 90-х годов наши «заклятые друзья» занимались проведением на территории страны массового, если можно так вы-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

разиться, социального психо-биологического эксперимента по внедрению в сознание российских чиновников, педагогов и прочих людей, работа которых связана с общением с обычными гражданами, неких психологических вирусов. За прошедшие годы под их влиянием сознание многих из таких работников оказалось безнадежно измененным. Но, так как они продолжают заниматься (и даже, порой, весьма успешно) своей деятельностью, вред, нанесенный ими здоровью нашего общества в целом, трудно переоценить.

Наиболее болезненной для каждого из нас является тема семейно-бытовых отношений, проблема отцов, матерей и детей. Так или иначе, она касается любого человека. Не столь давно, всего 2 года тому назад, мы отразили нападение на наши семьи со стороны прозападного либерально-феминистского лобби в Госдуме и НКО, занимающихся вопросами якобы защиты матерей и детей от жестокого обращения, которое выразилось в истеричном муссировании темы «семейно-бытового насилия» и угрозе принятия специального закона о СБН.

Но в прошлом году, по всей видимости, должна была состояться новая атака всё в том же направлении. Об этом свидетельствует вал публикаций, посвящённых теме жестокого обращения с жёнами и с детьми, который начал подниматься в СМИ в конце лета 2021 года и особенно возрос той же осенью. У нас в Новосибирске «под раздачу» попала многодетная семья, в которой «очень вовремя» произошёл семейный конфликт.

Для меня до сих пор остается открытым вопрос: кто «слил» в «Комсомолку» информацию о том, что некий мальчик — один из многих тысяч в нашем полуторамиллионном городе, пришёл в одну из многих школ Новосибирска с синяком? Кто дал журналистам наводку? С чьего благословения публикация была мгновенно подхвачена другими изданиями и представлена в «нужном» свете? Кто стоит за организацией этой информационной кампании? Из какого ведомства поступил заказ — из силовых структур, органов законодательной или исполнительной власти?

Ведь всё было в лучших традициях раскручивания темы «семейно-бытового насилия»: смакование журналистами местных СМИ леденящих кровь подробностей об отце-изверге, избивавшем приёмного сына ногами при молчаливом попустительстве матери, заламывание рук педагогов и официальных лиц, оперативно отреагировавших на вопиющий факт и изывавших ребенка прямо с уроков, гневные комментарии многочисленных читателей, клеймящих позором абсолютно неизвестную им женщину, посмевавшую встать на защиту мужа...

Правда, потом оказалось, что всё было не так уж катастрофично, и «отец-изверг» при ближайшем рассмотрении вовсе не был садистом, да и сам мальчик признал, что был наказан хоть и строго, но за дело, так как отнёс в школу все золотые украшения матери, чтобы откупиться от своих обидчиков. И журналист «Комсомолки», первым опубликовавший статью, как позже выяснилось, вполне даже симпатизировал матери и вовсе не считал её монстром. Но процесс был уже запущен...

Скоро будет год, как сына разлучили с матерью — разлучили жестоко, запретив с ней видеться. Всё произошло полностью в духе западных стандартов ювенальной юстиции, которой наше общество сопротивляется, начиная с нулевых годов. Но которая неотвратимо внедряется на всех уровнях, потому что сознание тех, кто занимается семейными проблемами, отравлено ювенальным ядом настолько, что они уже не осознают бесчеловечности своих методов «защиты» детей от родителей.

Впрочем, ювенальные вирусы подтачивают мозги не только сотрудников органов опеки, о которых речь ещё впереди. Эта история вызывает вопросы и к представителям системы образования. Как и когда наши школы успели превратиться в место, где, кроме «предоставления образовательных услуг», за детьми шпионят и по своему произволу решают их судьбу на долгие месяцы, если не годы? С каких пор учителя перестали использовать в общении с учениками и их родителями принципы педагогики?

Ведь если бы в тот роковой день вместо того, чтобы сразу звонить в полицию, учитель или завуч просто вызвали бы родителей и откровенно с ними поговорили, никаких проблем бы не возникло. И мальчик остался бы в окружении близких ему и родных людей, и инцидент с передачей золотых украшений кому-то из школьников был бы решён педагогическими мерами ко всеобщей пользе. И отца бы не осудили на шесть (!) лет, словно он злейший враг своему сыну, которого он в младенческом возрасте спас от смерти, выхаживая во время тяжелейшей болезни.

За все долгие месяцы продолжающейся развиваться трагедии у педагогического коллектива ни разу не промелькнула мысль о чудовищности того, что они сделали. Ни один из учителей не только не пришёл и не извинился перед матерью, не спросил, чем он может помочь ей, по вине школы оказавшейся в очень трудной жизненной ситуации. Наоборот, защищая себя, точнее, свои амбиции и полную педагогическую несостоятельность, они дружно постарались опорочить

перед официальными лицами и родителей, и старшую сестру мальчика, отказавшуюся посещать это учебное заведение после всего случившегося. Девятиклассница, бывшая отличница, предпочла лучше остаться без образования, чем учиться чему-то у этих людей. И своим поступком она невольно подчеркнула ту пропасть, которая нынче пролегает между обычными людьми, живущими по законам нормальной, человеческой логики, — и теми, чье сознание завирусовано западными ценностями и западным пониманием морали.

О сотрудниках органов опеки, об их даже не чёткости, а какой-то полной психологической невосприимчивости таких понятий, как обычные родительско-детские отношения, которые никогда не бывают идеальными, абсолютно бесконфликтными, писали уже не раз. Количество публикаций, посвящённых поводам изъятия детей из семьи, вполне может потянуть на многотомную антологию жестокости в стремлении защитить некие виртуальные права детей, нередко радикально расходящиеся с прописанными в российском законодательстве, но активно практикуемые по примеру всё того же «просвещённого» Запада.

Так как большинство социальных работников (особенно прошедших повышение квалификации на иностранные гранты) в своей деятельности опирается именно на их методички, нет ничего удивительного в том, что на протяжении 10 месяцев сотрудники органов опеки того района, в котором проживает пострадавшая от их «заботы» семья, не сделали ни одного телодвижения, которое можно было бы расценить в полном смысле слова как опеку, то есть защиту её прав и интересов. Наоборот, в июне этого года ими было инициировано судебное рассмотрение вопроса о лишении матери родительских прав на всех её четверых детей, включая и родившуюся в феврале дочку. За что — а просто так, потому что по-другому «защищать права» они не умеют.

И здесь снова возникает вопрос, который уже не раз поднимался в родительских сообществах: на основании чего в российском законодательстве и в представлении социальных работников родители и дети априори находятся по разные стороны баррикады? Не пора ли уже, в порядке «очищения», ликвидировать этот насильственно возведённый барьер и соединить понятия «права детей» и «права родителей» в одно общее — «права семьи»? И бороться не с родителями за права детей, а за право родителей и детей вместе преодолевать жизненные неурядицы, какими бы сложными они ни были.

Можно долго гадать, откуда у сотрудниц, работающих в органах опеки и в приютах, точнее, в социально-реабилита-

ционных центрах для детей, оставшихся без попечения родителей, ярая антипатия к тем самым родителям своих подопечных — не только неблагополучным, но и вполне нормальным, как мама изъятюго мальчика, сама имеющая педагогическое образование?

Возможно, так проявляется усвоенное ими «европейское» представление о статусе родителя, который всегда неправ и всегда враг своему родному ребенку. Либо это один из симптомов их профессионального выгорания. Или у этих женщин имеются свои семейные проблемы, и они вымещают озлобленность за не сложившуюся личную жизнь на таких, как наша героиня. Иначе трудно объяснить, почему директор ГБУ НСО СРЦ «Виктория» Хихлова З.И. на протяжении 9 месяцев запрещала матери, не только не лишённой родительских прав, но даже не ограниченной в них, видаться со своим сыном и даже просто передавать ему посылки с домашними лакомствами. Мало того, 23 сентября она прислала официальный ответ на обращение матери, написанный в таких непозволительно оскорбительных выражениях, после которых, по идее, необходимо ставить вопрос о профессиональной непригодности самого руководителя приюта.

Вот несколько цитат из этого документа: «Уважаемая <имя-отчество>! Напоминаю Вам, что Ваш сын <фамилия, имя> помещен в ГБУ НСО «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Виктория» по акту полиции по причине преступных действий (систематических истязаний, унижения чести и достоинства малолетних, находящихся в беспомощном состоянии), которые происходили в Вашей семье на Ваших глазах с молчаливого согласия и предотвратить которые Вы не могли или не хотели, т.к. от Вас нет ни одного заявления в правоохранительные органы по данному факту.

<Фамилия имя>, благодаря государству, находится в нормальных условиях, обеспечен всем необходимым, он активно участвует в культурно-массовых мероприятиях учреждения. Никто не может лишать ребенка праздника (!!! — Г.П.). С ним активно работают педагоги и педагоги-психологи, пытаются минимизировать тот **ущерб**, который был ему причинен (выделено мной. — Г.П.). <...> Еще раз разъясняю, что наше учреждение — это не приют, а организация, которая полноценно занимается воспитанием детей, которых родители по тем или иным причинам обижали и не хотели ими заниматься, фактически бросив».

Не спешите возмущаться по поводу якобы «систематических истязаний, унижения чести и достоинства», происходивших с «попустительства» матери. Эта лексика, направлен-

ная на разжигание отрицательных эмоций против родителей, — из арсенала ювеналов, активно протаскивавших закон «О семейно-бытовом насилии» в 2019 году. А они приняли эту лексику на вооружение с подачи своих западных кураторов из Франции и Норвегии — стран, где ювенальная юстиция особенно свирепствует в отношении славянских детей. То, что директор ГБУ НСО СРЦ «Виктория» ее использует в официальной переписке, говорит о том, что она полностью находится под влиянием западных ювенальных технологий, поэтому ожидать от нее понимания сложности процесса семейного воспитания бесполезно.

Это подтверждает следующий пассаж, в котором руководитель социального учреждения для детей невольно до конца раскрывает свои взгляды на семью.

По убеждению З.И. Хихловой, отобрав вполне себе домашнего девятилетнего ребенка у родной матери — причём мнением мальчика на этот счет никто не интересовался — по сути, арестовав его прямо в здании школы и под конвоем полиции насильно поместив в СЦР, среди чужих людей, разлучив с родными сестрой и братом, принудив общаться лишь с незнакомыми, такими же изъятými детьми, находящимися в таком же стрессовом состоянии, государство в лице представителей органов опеки и её, как директора приюта, поступило вполне гуманно и правильно. Внезапно лишив ребенка родного дома и заменив его казенной обстановкой, оно взамен материнского тепла устраивает ему *праздники* на очерченной по периметру высокой решеткой территории приюта. При этом, наверное, для полноты восприятия «праздничной атмосферы» с ним «активно работают» психологи, в течение долгого времени настраивая против родителей и объясняя его «права». Хотя... лично побывав в СРЦ «Виктория», пообщавшись с запуганным мальчуганом и некоторыми педагогами этого заведения, по своему поведению больше напоминающими тюремных надзирателей, я глубоко сомневаюсь в допустимости самой возможности информирования детей и тем более отстаивания ими здесь каких-то своих прав. Они существуют лишь в воображении чиновников как причина для изъятия из семьи — не более того.

Становление института Уполномоченного по правам ребенка в нашей стране началось в далеком 1998 году с запуском пилотного проекта по введению этой должности в отдельных регионах. То есть в тот тяжёлый период, когда Россия полностью сдала все свои позиции и, практически, находилась под внешним управлением. Влияние пресловутых «западных партнёров», в том числе и таких организаций как

фонд Сороса и ЮНИСЕФ, известных своей поддержкой однополых браков, «гендерного разнообразия», пропагандой стерилизации и абортов, было тогда огромным. Поэтому вводимая структура детских омбудсменов изначально выстраивалась в проювенальном духе, для того чтобы под предлогом «защиты прав» окончательно оторвать детей от родителей. Скорее всего подразумевалось, что «упыри», как их тут же метко окрестили в народе, будут способствовать разрушению российской семьи, росту социального сиротства и отправке «невостребованных» русских детей в Европу и США.

Должность уполномоченного по правам ребенка при президенте РФ была учреждена 1 сентября 2009 года. Спустя пять лет подобный пост был создан и в Новосибирской области. С 2019 года его занимает бывший член Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, позднее — заместитель руководителя администрации губернатора и правительстве Новосибирской области Н.Н. Болтенко.

К ней и обратились 22 августа этого года представители общности Новосибирска, обеспокоенные тем, что мальчик, о котором идет речь, оказался заложником в руках чиновников, по своему личному произволу трактующих его «права» и препятствующих возвращению домой. Даже рассуждая в рамках их ювенальной логики, нельзя не признать абсурдности существующего положения дел: ведь если отец-«изверг» с октября прошлого года находится под стражей, а мать в «истязаниях и моральном насилии» никто ни разу не обвинил, то, следовательно, повод для изъятия исчез и дом стал для ребенка безопасным местом. Тем не менее, он до сих пор не на свободе и видит родных людей лишь через железные прутья приютского забора.

Н.Н. Болтенко внимательно выслушала все доводы посетителей, среди которых был юрист, официально представляющий интересы семьи, и пообещала — в присутствии не только общественников, которые ввели аудиозапись беседы, но и представительницы аппарата уполномоченного по правам ребенка в Новосибирской области — сделать следующие шаги для разрешения сложившейся ситуации:

1) запросить школу, почему старшей дочери не была предоставлена возможность получить аттестацию;

2) запросить поликлинику о состоянии здоровья младшей дочери в связи с предоставленной органами опеки информацией о том, что мать якобы отказывается от прививок и диспансерного наблюдения грудного ребенка (это нынче расценивается как основание для изъятия);

3) в течение последующей недели обратиться к независимым психологам из ГБУ НСО ОЦДК и из Новосибирского

педагогического университета с целью проведения совместной встречи с мальчиком и лично оценить его психологическое состояние;

4) лично посетить семью, чтобы составить о ней собственное мнение;

5) предоставить имеющийся в распоряжении аппарата Уполномоченного документ о причинах запрета на общение матери с сыном с момента его изъятия до окончания следствия в июле 2022 года.

Кроме того, новосибирский омбудсмен пообещала приложить «все усилия, чтобы вернуть его в семью».

Прошёл месяц. На многочисленные звонки людей, бывших на встрече, никто в аппарате УПР по НСО трубку не поднимал (не так давно в органах власти установили телефоны с автоматическим определителем номера, что позволяет избежать нежелательного общения с назойливыми представителями общественности). Поэтому трудно судить о том, в каком объеме Н. Н. Болтенко были выполнены первые три пункта данных ею обещаний.

Что касается оставшихся трёх, в том числе заверения «приложить все усилия» по возвращению домой мальчика, которому за одиннадцатимесячный срок его заточения в стенах приюта исполнилось уже 10 лет, то воз и ныне там. Никто из аппарата детского омбудсмена так и не встретился с матерью, никто не поинтересовался, будет ли её старшая дочь продолжать обучение. Никто не предоставил общественности упомянутый выше документ, который бы узаконивал многомесячное содержание ребенка под стражей в режимном учреждении, коим фактически является ГБУ НСО СРЦ «Виктория» с его строжайшей пропускной системой, видеонаблюдением и крепкими кодовыми запорами.

В официальном ответе от 08.09.2022, направленном в адрес юриста, защищающего интересы матери в суде, значится лишь, что на основании «определения... районного суда города Новосибирска от 22.07.2022 «несовершеннолетний Б. на период до вступления решения суда (о лишении его отца и матери родительских прав. — Г.П.) в законную силу будет находиться в учреждении». То есть общий срок его неволи может продлиться и год, и больше. При этом отмечается, что «несовершеннолетний Б. по результатам обучения в 2021—2022 учебном году аттестован по всем предметам», а также что «ребенок принимает активное участие в мероприятиях учреждения, с удовольствием занимается в кружках дополнительного образования. На сегодняшний день состояние несовершеннолетнего Б. удовлетворительное, ребенок соматически здоров».

Вопрос о том, так ли он здоров психологически, Н.Н. Болтенко оставила открытым, видимо, не посчитав нужным предоставлять эту информацию своим респондентам.

В свое время П.А. Астахов, проработавший на посту уполномоченного по правам ребенка при президенте РФ почти 7 лет, немало сделал для того, чтобы как-то «облагородить» свою должность и принести реальную пользу. Но сама эта структура, как и современная система органов опеки и детских социально-реабилитационных учреждений, была изначально гнилой, созданной для продвижения ювенальных технологий, искусственно противопоставляющих детей родителям, противоречащих всему опыту человеческой истории и складывавшихся веками национальных систем воспитания.

Под плотным панцирем признанных непререкаемыми догматов «европейских ценностей» давно уже сформировался огромный гнойник, который поразил и органы образования, и органы опеки, и сам аппарат защиты прав детей. Если сейчас его не вскрыть, упустить время, то он распространится и на остальные, пока еще дееспособные органы, заражая их этой гнилью.

Необходимо привлечь к ответу всех тех, кто инициировал в Новосибирске это насилие над многолетней семьёй. Кто организовал информационный вброс. Кто вместо внимательного рассмотрения причин конфликта и предложения решить проблему с обидчиками ребенка педагогическими мерами фактически сломал ему жизнь, потому что такие психологические травмы бесследно не проходят. Кто сломал жизнь его отцу и лишил остальных детей отцовской заботы, а жену — любящего мужа. Кто до сих пор упорно удерживает мальчика в приюте под предлогом того, что он «с удовольствием занимается в кружках дополнительного образования», а после общения с родными переживает и тем самым портит себе «праздник» в казенном доме. Кто, наконец, обещал приложить «все усилия, чтобы вернуть ребенка в семью», но не сделал в этом направлении ни одного, даже самого маленького шага, — тем самым, по большому счету, предав и тех, кому было дано это публичное обещание, и пострадавшего мальчика, и его мать, и сами принципы истинной защиты прав детей на родной дом и родную семью.

До тех пор, пока они не получают какое-либо наказание, каждый по своим «заслугам», — пусть даже это будет лишь общественное порицание — нравственного очищения нашего общества от заразы «европейских ценностей» не будет. Но я надеюсь, что рано или поздно это всё же произойдёт, потому что «красные линии» в отношении семьи ими уже пройдены.

УДАЧНЫЙ ВЫСТРЕЛ

РАССКАЗ

Я стоял на холме и смотрел на деревню, мирно посапывающую под снежными барханами. Солнце, покрасневшее от мороза, гигантским колесом медленно и величественно катилось к земле, разбрасывая в стылom воздухе багровые сполохи. Тишина стояла такая, что даже не верилось! Я переступил с ноги на ногу, чтобы услышать скрип снега и вынырнуть из безмолвия в реальность. Тишина. Казалось, что застывший воздух сковал все звуки, которые могли бы появиться в этом таёжном зимнем безмолвии.

— Эге-ге-ге-е-е-е!.. — заорал я в надежде, что крик всколыхнёт лесную глушь и покачнёт неестественно прямые, упирающиеся в безоблачное вечернее небо, неподвижные столбы белого дыма, поднимавшиеся от каждой избы.

— Эге-ге-ге-е-е-е!..

— Э-э-э-й! Степаныч!.. — услышал я сквозь сон голос Мишки «Череп» и, открыв глаза, уставился на мощные брёвна блиндажного потолка.

Вставать не хотелось, тем более после такого сна. Закрыть бы опять

ПРОЗА

глаза да досмотреть!.. Может, и морозец почувствую! Может, он нос и уши пощиплет! Как тогда, в детстве...

— Ну и чё ты как потерпевший орёшь? — зевнул я, выбравшись из блиндажа в окоп, и зябко поёжился, вопросительно посмотрев на напарника.

Мишка, приткнувшись к брустверу окопа, вкусно чавкал бутером и через бинокль всматривался в сторону нашего тыла.

— Ты чего? Пути отступления себе, что ли, намечаешь? — поддел я Мишку и, сев рядом на пустой ящик от патронов, потянулся. — Бандерлоги, они вроде как с другой стороны, ничего не попутал?

— Да не-е-е!.. Тут другое! Кого-то нелёгкая занесла! БТР, вон, эскортом. Значит, опять кто-то там, наверху, что-то придумал, а мы эти задумки воплощать будем!

— Это верно, — согласился я, встал, ещё раз потянулся и, поудобнее устроившись на ящике рядом со своим вторым номером, коим Мишка и является, спросил:

— Куда смотреть-то?

— Да вон, возле бывшей водокачки восьмидесятый построился! Видишь? Из-за него тёмно-синий «крузёр» морду высунул. Вот на нём гости и прибыли.

— Ага, сейчас глянем, — пробормотал я и навёл СВД на кучку военных, которые топтались возле своих машин и с любопытством осматривались по сторонам.

Прижался щекой к упору и привычно убрал в прицеле полутени. Поймал себя на мысли, что на автомате подгоняю фигурки людей под разметку и определяю расстояние до них.

— Вот бы кто-нибудь сообщил им, что они на мушке у снайпера, — хихикнул Мишка, — на цирк бы посмотрели!.. На куриный!

— Это точно! — поддакнул я напарнику, не отрываясь от прицела. — Носиться начнут покруче клуш деревенских! Штабные почему-то думают, что суетливой беготнёй можно создать проблемы снайперу.

И я сплюнул, вспомнив, как «азовские» стрелки разом грохнули трёх наших штабных офицеров, которых нелёгкая занесла на линию разграничения. Не получилось у них от пули убежать! От пули надо прятаться, а не бегать. Хотя... если умеючи... Но откуда у них возьмутся эти специфические навыки.

Мы с Мишкой отобедали, закончив греметь ложками по котелкам, и теперь неторопливо смаковали чай. Я осторожно прихлёбывал из большой фарфоровой кружки горячий напиток, заваренный с известными только нашему повару тра-

вами. Напарник, в отличие от меня, насладиться горячим чайком не мог. Он пытался его пить, постоянно дуя в кружку, но это мало помогало. Железная кружка обжигала губы. Я гаденко захохикал, когда Мишка в очередной раз обжёгся и, выругавшись, поставил кружку на стол.

— В первый же выход в «серую» зону у какой-нибудь бабульки кружечку, как у тебя, прикуплю, — уведомил меня напарник и опять взялся за свою железяку.

— Ты уже месяца три себе кружку добываешь, да всё никак...

— Да знаю я, знаю!.. — перебил меня Мишка. — Просто забываю всё время! Делом я там всегда занят!

— Это каким таким делом?

— А вот таким!.. Пока ты там прогуливаешься, я вынужден бдить, тело твоё снайперское охраняючи.

— Степаныч! — засунув голову в дверь блиндажа, заорал «Гаврик» — невысокий худощавый татарин, исполняющий неизвестно какую роль при штабе. — Давай бери свою «черепушку» и ходи до Маклая! Дело у него к тебе.

— Сам ты «черепушка»! — заорал в ответ Мишка и запустил в посыльного пустым «цинком», который он использовал вместо пепельницы.

«Гаврик», взвизгнув, спрятался за дверью и что-то проорал на языке родных осин.

— Мамай недобитый! — пробормотал Мишка и начал собирать окурки, разлетевшиеся по всему блиндажу.

Я засмеялся — худощавое Мишкино лицо с кожей, обтягивающей прямой подбородок и скулы, действительно смахивало на стилизованный череп, отсюда и прозвище.

Сразу к командиру не пошёл, отправил туда Мишку, а сам, чтобы разнюхать что к чему, направился к гостям.

— Здоров, ребята! — поприветствовал я бойцов у прибывшего БТРа и сел на корточках, привалившись спиной к могучему колесу. — Откуда гости? Наши? Али как...

— А хрен его знает! — хмыкнул лежащий на крыше БТРа боец, судя по масляным пятнам на камуфляже, механик-водитель. — Нам, батя, не докладывали, сдёрнули с места и отправили. Гости есть среди них или нет, нам знать без надобности.

— А чего они не на броне, а на этой фиговине? — кивнул я в сторону японского красавца.

— А это они до первого обстрела форсят! — засмеялся другой боец, удобно развалившийся на выложенной из битого кирпича лавке. — Как первый раз прилетит, так сразу же внутрь забьются, а потом и танк потребуют! Были уже случаи.

— Степаныч! Давай сюда! Ждут! — высунулся из командирского блиндажа Мишка и махнул мне рукой.

Я поднялся, попрощался с бойцами и потопал к напарнику.

Почему нашего командира батальона, майора Свиридова Алексея Николаевича, прозвали Маклаем, я не знал. Маклай и Маклай, не лучше и не хуже других. Хотя, подозреваю, что командира немало поболтало по жизни, вот к нему и приклеилась фамилия русского путешественника Миклухо-Маклая.

— Проходите, присаживайтесь! — пригласил нас комбат и движением руки указал на свободные стулья, стоящие возле его стола, на котором была развёрнута крупномасштабная карта.

Как и ожидалось, у командира были гости — два человека. Один в гражданке, одет неприметно: тёмно-серая матерчатая куртка, чёрная футболка и штаны. Но по манере держаться и выправке сразу видно — кадровый военный. Примерно сорок пять лет, мой ровесник. Глаза спокойные, но не оставляло ощущение, что в случае чего они прищурятся и начнут выискивать цель. В общем, волк стреляный, и за себя постоять сможет.

Второй, в отличие от своего неподвижно сидевшего напарника, без движения усидеть не мог, всё время перебирал под столом ногами, словно ему жали ботинки. Руки тоже не знали покоя и жили суетливой жизнью, перекладывая с места на место карандаши, ручки, линейки — всё, до чего дотягивались. Но больше поражало его звание — полковник! И это несмотря на то, что ему от силы чуть за тридцать. Было видно, что третью звезду он получил недавно, так как время от времени косился на свои плечи. Сначала мне, со свету, грешным делом показалось, что это старлей! Но нет, точно, полкан! Большие звёзды едва поместились на маленьких погончиках новенького, пиксельного камуфляжа.

— Как вы уже знаете, — начал комбат, дождавшись, когда мы устроимся за столом, — неделю назад к «азовцам» прибыла батарея гаубиц, которая расположилась в десятке километров отсюда и три дня назад работала по жилому сектору.

Майор помолчал, давай время свыкнуться с этой мыслью, а потом, приподнявшись и ткнув карандашом в карту, продолжил:

— Основные удары пришли сюда и сюда. Есть погибшие — ребёнок и две женщины...

Новостью это не было. Мы это знали. Снаряды разорвались прямо во дворе пятиэтажки. Новостью было то, что ком-

бат не представил нас с гостями друг другу. Если в тайны играть начали, значит точно какая-нибудь дрянь ожидается.

— Они это и без нас знают, — перебив командира батальона, сказал полковник и взял карандаш, постучав им по столу, ожидая, что кто-то из нас выскажется. Не дождался. — Они это знают, — повторил он и, ещё пару раз стукнув карандашом по столу, добавил, — но они не знают, кто командовал батареей, обстрелявшей посёлок.

Полковник помолчал немного, а затем резко поднялся и прошёлся по блиндажу, остановившись позади нас с Мишкой. Я еле удержался от того, чтобы не обернуться. Не люблю, когда за спиной стоят! Напрягает, знаете ли.

Передо мной на стол упало несколько цветных фотографий хорошего качества, запечатлевших молодого мужика тридцати пяти лет на фоне киевского «Самсона». Лицо полное, но не заплывшее, стрижка короткая, под коричневой курткой тельняшка. Куртка гражданская, без нашивок, поэтому определить его принадлежность к роду войск, да и вообще к вооружённым силам было невозможно.

— Молейко Егор Демидович, полных тридцать семь лет, кадровый военный, капитан, служил в береговой обороне ВСУ в Крыму. В четырнадцатом году, после известных событий, сбежал на Украину. Несколько лет о нём ничего не было известно, кроме того, что он совершал набеги в зону конфликта, командуя обстрелами жилых зон. Три дня назад он опять всплыл. Ну а результаты его появления вам уже известны.

Полковник вернулся на место, сел и, опять постучав ручкой по столу, спросил:

— Вам, наверное, интересно, зачем я всё это рассказываю? Никаких мыслей не появилось?

— Появились мысли, — вздохнул я, — как не появиться? Я так понимаю, что этого Молейко Егора Демидовича надо ликвидировать, так сказать, в назидание, чтобы неповадно было. Тем более что он на этот раз оказался близко к нам. Отомстить, одним словом.

— Именно! Чтобы они тоже боялись, знали, что не бессмертны.

— Да, мы с этим согласны, — кивнул я и мельком глянул на напарника.

Дождался, когда Мишка тоже кивнёт, и спросил:

— Нам только непонятно, каким образом снайпер, который должен убить этого типа, — ткнул я пальцем в фотографии, — подберётся к нему на дистанцию выстрела? До батареи, насколько я знаю, добрый десяток километров. Сколько-то мы пройдем по «серой» зоне, это возможно: и мы, и

добробатовцы там ходят. Однако останется ещё очень даже приличное расстояние, преодолеть которое весьма и весьма проблематично!

— Охотно верю! Проблема есть! — легко согласился полковник и опять постучал карандашом по столешнице. — Но ведь эта проблема решаема! Уже ведь ходили и, насколько я знаю, не один раз!

Не дождавшись каких-либо возражений, полковник посмотрел на своего молчаливого спутника и сказал:

— Капитан, прошу вас!

Поморщившись, как от зубной боли, тот, не глядя на боль-шезвёздного соседа, вдруг выдал:

— Я изначально был против такого способа проникнове-ния на сопредельную территорию. И по-прежнему считаю, что...

— Я бы вас, капитан, попросил держать при себе то, что вы считаете! Решение принято, и вам осталось только поделиться с исполнителями новостью.

— Я так понимаю, что вы в исполнители назначили нас, — кивнул я в сторону Мишки, — и почему-то решили, что мы согласимся с этой самоубийственной авантюрой! Да! Ходи-ли мы туда, но не более чем на два-три километра.

— Прошу вас, капитан, сообщите, что нам удалось узнать! — опять повторил полковник и, посмотрев на меня, добавил: — Как только узнаете, каким путём доберётесь до нужного места, я приведу доводы, почему вы не только согласитесь, но и с радо-стью отправитесь пристрелить этого Молейко!

Я с трудом проглотил вставший в горле комок.

— Это правда ОН? — спросил я и посмотрел на капитана.

— Да, старшина, это именно он командовал обстрелом, когда погибли ваши жена и сын. Ошибки быть не может. Поверьте, мы самым тщательным образом собираем доказа-тельства виновности...

— Я знаю это и потому верю вам, — не дал я ему догово-рить, — давайте вашу идею, что придумали-то?

Капитан посмотрел на молодого начальника и тот, выта-щив карту из лежащей на столе папки, развернул её и подвинул к нам:

— Зелёной линией обозначен путь, по которому вы доберё-тесь почти до самой батареи. Это коллектор — подземные коммуникации, в которых когда-то проходили линии связи Министерства обороны Советского Союза. Поскольку этим коллектором пользовались военные, информация о его на-личии и тем более местоположении строго засекречена. Дру-гими словами, о нём не знает никто, и, по нашим сведениям,

не знают до сих пор. Нам повезло, что бывшие военные, проходившие здесь службу, вспомнили о нём и предоставили сведения.

Полковник подался вперёд и ткнул карандашом в карту.

— Коллектор берёт начало в «серой» зоне, вот тут, — сместил он карандаш к зелёной точке, — а затем проходит под лесополосой, ширина которой составляет примерно сто метров. С обеих сторон от лесополосы дороги, грунтовая и заасфальтированная, ведущие в посёлок, из которого и был произведён обстрел. Выход из коллектора расположен на территории бывшей воинской части, где имеются с десяток разрушенных кирпичных зданий. От этих развалин до нужной батареи не более полукилометра. Я думаю, что эти руины можно использовать как позицию для стрельбы.

Словно во сне слушая бормотание штабиста, я не мог сосредоточиться на его словах. Перед глазами всплыла дикая картина — мой сын, мой мальчик, лежит на спине, зажимая рану на груди ладонями, из-под которых толчками вырывается кровь...

Я поддерживаю голову сына, чувствуя, как его колотит мелкая дрожь. Он вздрагивает всем телом последний раз и затихает, обвиснув на моих руках. И тогда я начинаю выть. Я стою на коленях и, прижимая к себе неподвижное тело сына, вою, как волк, вою тоскливо и протяжно, раскачиваясь из стороны в сторону...

— У тебя есть вопросы, старшина? — обратился ко мне полковник, игнорируя Мишку.

— Нет, товарищ полковник, вопросов нет. Разве что... выйдем мы не завтра, а через три дня, в одиннадцать часов вечера.

Полковник несколько секунд разглядывал меня, словно впервые увидел, а потом спросил:

— Почему так долго? Почему через три?

— А я, товарищ полковник, не люблю торопиться, — пожал я плечами, — каждую охоту тщательно готовлю. Мне надо три дня!

— Хорошо!.. Три, так три — на том и порешим. Надеюсь, за это время батарея позиции не поменяет. Всё, свободны!..

От сопроводительного отряда по серой зоне я категорически отказался, заявив полковнику, что и два-то человека много, а если через зону начнёт ломиться целый отряд, то нас не заметит только ленивый. Мы идём вдвоём.

— Целых три дня! А ты чего столько дней-то запросил? — поинтересовался Мишка, когда мы отошли от блиндажа комбата на приличное расстояние. — Чё сделать-то за это время хочешь?

— Какие там три, — усмехнулся я, — сегодня ночью и выйдем.
— Какого хрена?! Почему?!.. Ты чего, затылок, что ли, себе шокером почесал?!

— Сам подумай, мозгами пораскинь...

Несколько минут шли молча, а потом Мишка поинтересовался:

— Не веришь им?

— А ты веришь? — вопросом на вопрос ответил я.

— Честно говоря, теперь уже не очень. Уж больно у него как-то всё гладко получается. Залезли. Прошли. Вылезли. Выстрел. Ушли обратно.

— Вот именно, — вздохнул я, — если об этом сооружении вспомнили наши военные, то могли вспомнить и украинские, которые тогда тоже Союзу служили. И попадёмся мы с тобой, как куры в ошип.

— Тоже верно, — согласился напарник и, ускорив шаг, спросил: — Насколько я понимаю, мы сейчас топаем за бандеровским тряпьем?

Я кивнул.

О том, что надо в военкомат, я узнал случайно, от соседа, который после смерти моей семьи частенько забегал ко мне. Проверял, не наложил ли я на себя руки. У меня действительно были такие мысли.

Через три дня после смерти сына, не приходя в сознание, умерла и моя жена, раненная тем же взрывом. Жизнь после этого потеряла смысл. Единственное, что несло облегчение, если это можно так назвать, — жена не узнала, что сын умер.

— Ты бы, Степаныч, к военным подавался, туда тебе шас дорога, — как-то раз посоветовал сосед, — может, и отведёшь душу-то. Завалишь бандеровца какого! Глядишь, и полегчает.

Сосед был прав, может, и полегчает, тем более что находиться одному в пустой квартире было невыносимо.

— Слышал я о вашем горе, — вздохнул военкоматский подполковник, к которому меня направили как добровольца, — и сдаётся мне, что вы теперь смерть искать будете.

— Нет, не буду, передумал уже, — усмехнулся я, — нельзя мне, командир, теперь умирать, должны мне эти твари слишком много! И пока они сполна со мной не рассчитаются, я на тот свет не собираюсь.

— Я так полагаю, что за это они с вами никогда рассчитаться не смогут, — вздохнул подполковник и, открыв какой-то журнал, спросил: — Что умеете-то хоть?

Умел я многое. За прожитые годы научился. Но главное, что у меня за плечами было, — это умение стрелять.

Родился я в небольшой сибирской деревеньке, где основным промыслом была охота. С отцом в лес ходил с десяти лет и в одиннадцать уже бил белку в глаз, в прямом смысле слова. Из мелкашки, конечно. Окончил школу-интернат, потом армия. Отслужив, в деревне уже жить не смог, скучно было. Молодость брала своё — хотелось движения и каких-то перемен. Поболтался по России-матушке, а потом судьба забросила в украинский Донецк, где я устроился на металлургический завод, встретил любовь, родил сына...

После окончания курса снайперов попал наконец-то на линию разграничения. Да. Убивал. Много убивал. Думал, легче будет. Но нет, легче не становилось. Наверное, смертей должно быть больше. Ненависть грызла так, что ночами зубами скрипел. Поначалу даже Мишка просыпался от этого. Потом ничего, привык, перестал внимание обращать. Когда удавалось подобраться к бандерлогам поближе, я видел в прицел их усагие рожи и стрелял прямо в хари!.. Стрелял, стрелял, стрелял!.. С удовольствием чувствуя, как в моё плечо толкается их смерть.

Мы с Мишкой не воспользовались обнаруженной штабом дорогой. Решили не рисковать и идти по старинке. Вышли часов в одиннадцать вечера, отмахали километров десять в сторону и уже там потихоньку перебрались на украинскую территорию. И, держась подальше от дороги, вернулись почти к тому самому месту, откуда вышли. Дальше не пошли — дожждёмся рассвета, осмотримся и решим, что делать.

Часов в девять утра по асфальтированной дороге, бегущей с одной стороны уже известной нам лесополосы, зашныряли машины: и поодиночке, и в составе небольших колонн, и военные, и гражданские, проскочило несколько БТРов. Над каждой машиной, развевался жовто-блакитный флаг, а то и не один. Если с военными понятно, то гражданские, скорее всего, нацепили флажки, чтобы обезопаситься от защитников украинского отечества путём демонстрации приверженности к идеалам украинской же демократии.

— Как ты думаешь, — спросил вдруг Мишка, когда мы, замаскировавшись возле дороги на небольшом пригорочке, осматривали окрестности, — этот полкан — москвич? Или наш, местные своего такого вырастили?

Я пожал плечами:

— Думаю, что наш! Сначала, правда, мне показалось, что москвич. Только у них в тридцать лет можно даже генералом стать, про полковников я вообще молчу! Но теперь, по-видимому, и на наших эта зараза перекинулась.

Время шло, ничего интересного не происходило, и мы решили, что ещё часок ждём, а потом потихоньку выдвигаемся. Но планы круто изменились. Осматриваясь в очередной раз, я заметил, как с украинской территории прямо в нашу сторону пылят БТР и две «буханки».

— Плянь-ка, — толкнул я локтем Мишку и ткнул пальцем в нужную сторону.

— Вот же ж, ё... прст! — выдал напарник, полюбовавшись на безрадостную картинку. — Что делать будем? Домой рванём? Здесь недалеко наша тропа есть.

Домой мне не хотелось, очень не хотелось. Тварь, которая убила мою семью, здесь. А если он сменит позиции? Резонанс от смерти ребёнка уже пошёл! Вполне может и сбежать. Ищи его потом. Если дела так и дальше пойдут, он, чего доброго, своей смертью подохнет, а этого я допустить никак не мог. Решение пришло само собой. Вернее, приехало в виде расхлябанного, раскрашенного в камуфляжные цвета «уазика».

— Так! Мишка! Давай цепляй на голову ихнюю кепку и айда на дорогу! — прошипел я и, вытащив из-за пазухи кепи с жёлто-синим флажком, напялил на голову.

— Степаныч! Ты чего, на этот раз головушкой ночью в пол ткнулся, что ли? Мы ж с тобой на дороге будем, как три тополя...

— Вот именно, что будем. Обязательно будем. И попросимся, чтобы нас подвезли. Тем более что вон как раз и транспорт нарисовался!

И я, уже не скрываясь, встал и направился к дороге, размахивая, как мельница, руками.

— Оттуда? — кивнув в сторону серой зоны, спросил сидевший рядом с водителем мужик.

— Ага, оттуда, — буркнул я, расположившись на заднем сиденье. — Шуганули нас, еле смылись!

Мужик хохотнул:

— Это бывает! Сам до ранения хаживал, а потом всё, москали зацепили, отбегался! — и он постучал кулаком по бедру, показывая, куда его зацепили.

Кто это такие, я не определил. Ни одной нашивки на форме. Да и самой формы-то не было! Какая-то смесь камуфляжа с «горкой». Подраненный москалями пассажир в годах, несуетливый, с неизменными усами и бритой головой, но не профессиональный военный, это сразу заметно. Наверное, как и я, несколько лет под ружьём, не больше.

Второй — водила, молодой, года двадцать три, может, чуть больше. Стрижка короткая, безусый. Этот на военного больше походил. Но опять же, чёрт его знает!.. Одет так же не в

масть. Складывалось впечатление, что они выбирали одежду из кучи. Находили что получше и надевали, не обращая внимания на то, что она разного цвета.

— До кого направляетесь? — поинтересовался пожилой, когда мы уселись и пристроили стволы. — Если судить по винтарям, то до Дениса?

Я откровенно вытаращился на него и спросил:

— Ты, братан, от жизни отстал! Где тебя носило-то? Денисенко уже неделю как перебрался на полтора десятка километров южнее! До Черенка мы подались.

— А! Да-да-да!.. — хлопнул тот себя по лбу. — Как же, как же, знаю! Вася Черенок! С такой фамилией и кликухи не надо!

И он засмеялся, запрокинув бритую голову. Закашлялся, опустил стекло, смачно харкнул в окно, а потом, обернувшись к нам, сказал:

— А вот про Дениску забыл. Старею, видать, старею, — и он горестно покачал головой.

Я хмыкнул про себя: «Старет он! Проверятьщик хренов! Наша разведка получше вашей работает. Ни разу ещё не подводила».

— Сколько москалей-то завалили? — спросил, мельком глянув, водитель.

Видно было, что ему хочется поговорить, скучно ехать с таким напарником, как усатый. А тут сразу двое свеженьких попутчиков, да еще и из запретной зоны пришедших. Как тут лясы не поточить про москалей треклятых.

Я посмотрел на пожилого и, встретившись с ним взглядом, пожал плечами. Тот, встрепенувшись, ткнул водителя кулаком в плечо и прорычал:

— Ты, Сёма, лучше рули молча, коль не ведаешь, какие вопросы задавать можно, а какие нельзя.

Он фыркнул и, откинувшись на спинку сиденья, повторил:

— Москалей завалили... надо же!.. Ты вот лучше скажи, — вдруг спросил он, — а чем ты-то сам от москаля отличаешься? У меня хоть усы вон есть! — и он ладонью пригладил длинные, обвисшие почти до подбородка, усы. — А у тебя что? У тебя, Сёма, ничего, у тебя даже усов нет. Не растут они у тебя! Москаль ты, Сёма! — наконец выдал он и довольно расхохотался.

Ехали быстро, даже догнали пару воинских затентованных «Уралов», которые проехали десятую минутой раньше.

— Обгоняем? — спросил водила, коротко глянув на усатого.

— Да не, не стоит, — пробурчал тот, близоруко всматрива-

ясь в идущие впереди машины, — отстань подальше от них, чтобы выхлоп не глотать, и езжай, не торопясь, а то и так быстро прём, на месте ждать придётся.

Он повозился на сиденье, а потом, словно разговаривая сам с собой, пробормотал:

— Терпеть не могу ждать...

Дальше ехали молча. Водила молчал, потому что обиделся, а усатый, потому что хотел спать. Он клевал носом, и когда голова падала на грудь, как конь дёргался, вскидывал голову, чтобы опять задремать.

— Что, решили горилкой нервную систему подлечить? — засмеялся усатый, когда мы выбрались из машины возле небольшого магазинчика, у которого я попросил остановиться.

— Ага, как же, полечишь тут, — засмеялся Мишка, — здесь ничего крепче газводы нету! Защитники Отечества всё реквизируют — давненько уж завозить перестали.

— Это точно! Бойцы всегда в тонусе должны быть, по-другому никак, иначе разбегутся!.. — хохотнул усатый и захлопнул дверцу машины.

— Как думаешь Степаныч, кто это? — спросил Мишка, глядя вслед машине и пристраивая винторез на ремень.

— Да хрен его знает, Миш! На бандерлогов или ещё какую дрянь не похожи, никаких цацек не налепили, — ответил я и внимательно осмотрелся.

— Что это вдруг не похожи?.. Просто не каждый любит обвес носить и всё.

— Ну, во-первых, трезвые они, это не основной показатель, но значимый. Говорит, что ранен был? Брехня, в нынешние времена настоящий вояка не будет хватать ранением, полученным на этой войне. Скорее всего, рисовался перед новенькими, то бишь перед нами, а может и перед своим водителем. Во-вторых, видел их рацию?

— Видел, и чё? — хмыкнул напарник. — Рация-то причём?

— Притом... плохенькая рация, слабенькая, да и машинка старовата. По этим признакам вроде на ВСУшников похожи, но сам же видел, не военные они. А бандеровцев западные покровители, да и местные спонсоры нехило так снабжают, не держат они такого барахла.

— Ну да, похоже на то, — пробормотал Мишка и, перехватив бесшумку поудобнее, спросил: — А может, они того, по нашу душу? Присмотрелись. Торопиться им некуда, мгновенно сбежать мы не сможем. Понаблюдают, а потом и возьмут тёпленькими.

— Всё может быть, поэтому будь готов, если что...

— Всегда готов! — по-пионерски ответил Мишка и хихикнул.

— Хватит ржать, — прошипел я и осмотрел пустую улицу, — прятаться надо, чем быстрее, тем лучше.

И, озираясь, направился к неизвестно каким чудом сохранившемуся здесь и, что самое невероятное, функционирующему магазину.

Магазинчик небольшой, однако рядом с окном пристроился стол с тремя расшатанными стульями, по всей вероятности, для тех покупателей, которые пожелают здесь и употребить свою покупку.

Я сел за стол и, осмотревшись, спросил у продавщицы — упитанной, улыбчивой женщины, одетой в модную сейчас вышиванку:

— Чего это у вас никого нет? Ни на улице, ни по оградкам. Неделя назад другая картинка была!

Продавщица перестала улыбаться и, оглядев меня с ног до головы, тяжело вздохнула:

— Так попрятались все, мил человек! Страшно под бомбы-то попасть... Вот и разбежались кто куда.

— Под какие такие бомбы? — не понял я. — Они же по домам не бьют.

— Бить-то не бьют, — опять вздохнув, сказала женщина и смахнула с прилавка несуществующие крошки, — да вот только с нашей стороны, говорят, несколько дней назад к ним прилетело!.. Женщин да деток побил! Вот и боимся, что ответить могут.

— Ну да, ну да, — пробормотал я, выглядывая в окно, — всякое в наше время бывает. Вы, наверное, правы, поберечься людям надо.

— Сами-то что хотели? Если водочки, то нету её, давненько уже.

— Да не, нам бы простой водички пару бутылочек, — улыбнулся продавщице стоящий возле прилавка Мишка и положил на столешницу пару помятых купюр, — желательно холодненькой, если есть. Жарко...

— Есть, хороший мой, есть холодненькая, как не быть-то, — засуетилась продавщица и нагнулась куда-то под прилавок.

Покопошила там несколько секунд и, вынырнув, поставила на прилавок две запотевшие пол-литровые бутылки с водой:

— Может, ещё чего? Покушать?.. Пирожки с капусткой есть, свеженькие!

Мишка вопросительно посмотрел на меня.

— Бери по парочке, как раз и перекусим! — Мишка кивнул и добавил ещё купюру.

Пирожки мы заточили прямо в магазине, благо, что из окна улица просматривалась в обе стороны. И если что, меры успели бы принять.

Если откровенно, то нам повезло. Дико, невероятно повезло! Здесь не было военных — ни армейцев, ни бандеровцев. В ожидании ответки разбежались все. Скорее всего, украинская армия сюда и не заходила, об этом разведка не докладывала. Зато бандерлоги водились! Это я знаю точно — сам видел и не только видел!.. Выбирались мы с Мишкой пару раз на их территорию, хорошо тогда поработали.

— Что делать будем? — спросил напарник, когда мы, доев пироги, покинули магазин и спрятались в палисаднике брошенного дома. — Может, рванём к воинской части, откуда батарею видно, заодно и окрестности рядом с входом в коллатор осмотрим?

— Не, Миш, опасно! Не такие уж мы с тобой гении маскировки и разведки! Если вход охраняется, чем отбрехиваться будем? А вдруг нашумим, значит нам дорога только в «серую» зону и останется, если живы будем.

— А что тогда?

— А мы, Миш, прямо по дороге, не скрываясь, потопаем скорым шагом к батарее.

— Очумел?! Заметят же, на раз!

— Конечно, заметят! В первую очередь местные жители и заметят, им, в отличие от бандеровцев, бежать некуда, дома они. По подвалам сидят..

— А если позвонят кому? Здесь наверняка их наблюдатели есть.

— Ну и пускай звонят, патрули в прифронтовой территории никто не отменял. Тем более, мы в их цвета выпачканы, вроде как свои.

— А если нарвёмся...

— А если нарвёмся на их патруль, то действуем по обстановке.

— Ну, ты наглец, Степаныч! Мне нравится...

— А мне нет, — прошипел я и, прижимаясь к заборам и домам, побежал в сторону расположения батареи.

Один раз повезло, мы успели заметить группу людей раньше, чем они нас. Упали на землю и, пятась задом как раки, сдали назад. Вскочив, рванули через узкий переулок на другую улицу.

Попались, когда уже прошли частный сектор и вышли к двухэтажным домам. Пригнувшись, я высунулся из-за па-

лисадника, осматривая улицу, и всей кожей почувствовал взгляд. Обернулся и заметил на другой стороне улицы трёх военных, внимательно нас разглядывающих. Стал тыкать пальцем вверх и махать рукой — прячьтесь, мол.

Те недоумённо уставились в небо. Я принял слегка в сторону, чтобы не оказаться на линии Мишкиного огня, и, демонстративно поглядывая в небо, короткими перебежками побежал к ним. Наглеть — так уж по полной программе!

— Вы чего так выперлись? — спросил я, выпучив на них глаза. — Жить, что ли, надоело?

— Чё это вдруг жить надоело? — спросил самый старший по виду мужик и махнул рукой, чтобы в меня не тыкали стволами. — Чё нам тут может угрожать? Мы вроде как дома, — усмехнулся он, и меня обдало густым запахом перегара.

— А теперь могут пристрелить прямо оттуда, — ткнул я пальцем в небо, — и дом родной не поможет! Неужто ещё не видели?..

— А чего мы там должны увидеть? Авиации-то у сепаров нету, — задрал голову вверх второй, и, сняв с головы кепи с трезубцем, вытер им потное лицо.

— Дрон вы должны были увидеть! — рявкнул я и зло уставился на старшего, всем видом давая понять, что его веселья не поддерживаю. — И не простой дрон, а дрон, из которого дырку в голове можно за километр сделать.

— Да ладно! Брешешь! — не поверил старший, но благоразумно ушёл поглубже под раскинувшиеся ветки черёмухи, возле которой они и стояли.

— Ага, специально вас искал, чтобы побрехать, — окрысился я и, сунув ему под нос СВД, сказал:

— Уже целый час за ним охотимся, но его, падлу, сбить трудно, всё время двигается...

В подтверждение моих слов где-то недалеко, за домами, раздались один за другим два выстрела.

— Вот чёрт! — выругался я. — Там наши были!.. Сидите пока здесь и не высовывайтесь!

Не обращая больше внимания на забившихся под черёмуху бандеровцев, я махнул напарнику рукой и побежал в сторону, откуда раздавались выстрелы.

Вечер и ночь провели в старом полуразвалившемся сарае, который доживал свой век на краю картофельного поля, в сотне метров от хозяйского дома. Владельцы у поля были, убежать не стали и спокойно занимались домашними делами, безбоязненно расхаживая по двору. Не поверили, наверное, что наши могут открыть стрельбу из орудий по жилым

домам. К сараю они даже не приближались, видимо давно поставили крест на когда-то нужной постройке.

Батарею обнаружили без труда, ещё с вечера. Бандеровцы разместили её во дворе стоящих буквой «П» трёх кирпичных двухэтажных домов. Им не пришлось даже маскировать орудия, они знали, что если наши узнают о них, то ответить не смогут. Слишком близко к домам размещены орудия.

Рано утром, под прикрытием разросшихся кустов сирени, которая, как сорняк, за несколько лет заплонила всё вокруг, подобралась к ближайшей двухэтажке. Стараясь не шуметь, через окно забралась в пустующую квартиру на первом этаже.

Эту квартирку я заметил уже давно, в ней не уцелело ни одного окна, причём причину разрушений мы так и не установили. В пределах видимости не было ни одной воронки от крупнокалиберных снарядов, взрывной волной которых могло бы выбить стёкла. Ни пулевых отверстий, ни осколочных, ничего такого. Скорее всего, окна просто выбили изнутри, и теперь квартира, словно обидевшись на то, что с ней сотворили, оскалилась на мир острыми осколками стёкол.

Приоткрыв дверь квартиры, несколько минут прислушались. Убедившись, что в подъезде никого нет, мы, стараясь даже не дышать, поднялись на второй этаж, откуда через подъездный люк забралась на чердак.

Позиция загляденья. Одно из слуховых окон выходило на батарею. Крыша под окном круто уходила вниз и не мешала обзору. До орудий недалеко, метров сто пятьдесят, не больше. В случае чего отступить сможем быстро, скатиться с чердака до первого этажа — дело нескольких секунд, но мы рассчитывали, что в таком темпе ретироваться не придётся. Стрелять из СВД нельзя — грохот будет такой, что нас даже с другого конца посёлка вычислят! Из «винтореза» же в самый раз! Никто ничего не услышит. Пока разберутся, что, кто и откуда, мы уже будем далеко.

Молейко нарисовался вечером. Я уж было подумал, что всё, сегодня нам не повезёт, но нет. Вот он, гад! Приехал! Выбрался из патриотичной жёлто-синей «Нивы» и, не торопясь, этак по-барски, начал осматривать хозяйство. На пьяные выкрики своих бойцов, кучковавшихся возле деревянного стола со стоящей на нём бутылкой с мутной жидкостью, он благоразумно внимания не обратил. Понимал, что это не вооружённые силы — могут спяну и морду набить. Постоял немного и, будто почувствовав неладное, начал с тревогой осматриваться.

— Пора, Степаныч! — прошептал Мишка. — Эта сволочь заподозрила что-то, как бы не смылся!..

— Не успеет, — усмехнулся я и навёл сетку прицела на пах убийцы своей семьи.

«Винторез» дёрнулся, кляцнув затвором, и Молейко согнулся, схватившись руками за низ живота. Он заорал не сразу, постоял скрюченным пару секунд, пока жуткая боль не захлестнула его мозг полностью, а потом, завалившись на бок, завизжал. Он орал громко и страшно, не переставая тянул и тянул на одной ноте, как будто у него вместо лёгких были установлены кузнечные меха.

— Это ещё не всё, сука! — ощерился я и, прицелившись в коленную чашечку, нажал на спусковой крючок.

Визг резко оборвался и перешёл в хрип. Молейко, продолжая зажимать пах одной рукой, пытался другой дотянуться до искалеченного девятимиллиметровой пулей колена. Я перевёл прицел на его лицо и с удовольствием увидел перекошенный в крике рот, из которого обильно текла кровь.

— Миш! — повернулся я к напарнику, лежащему рядом. — А ведь он себе язык откусил!

И опять прикинув к прицелу, злорадно прошептал:

— Но я ещё с тобой не закончил! Продолжим... — и следующим выстрелом раздробил лежащему на земле человеку второе колено.

— Надо уходить! — раздался над самым ухом Мишкин голос. — Ты слышишь, Степаныч! Всё! Уходим!.. Степаныч... — и напарник вдруг захихикал: — Степаныч!.. Хватит храпеть, а то всех бандерлогов распугаешь.

— Да всё, всё... проснулся уже, — пробормотал я и сел, привалившись к печной трубе спиной.

Оказывается, мне всё это приснилось.

Подождал, пока сердце перестанет скакать в груди, вытер рукавом взмокшее лицо и спросил:

— Чё там? Новости есть какие?

— Не, пока ничего нового, тихо, — ответил напарник и, сплюнув, добавил, — если завтра не появится, надо будет сваливать...

— Согласен, — пробормотал я и прикрыл глаза, чтобы Мишка не заметил моего страха.

Я боялся! Боялся, что когда придёт время, я не выдержу, и всё произойдёт, как во сне. В этом кошмаре, где я перестал быть человеком. В кошмаре, в котором душу терзала радость осознания того, что от моей руки в муках умирал человек, пускай даже такая мразь, как Молейко.

Он появился, когда смеркалось. Пешком, в компании двух военных. Это были именно военные, форма которых оснащалась всеми положенными атрибутами вооружённых сил Украины. Сам же Молейко был одет в камуфляж без знаков отличия. Скорее всего, специально не обозначал себя как кадрового военного, чтобы обстрелы не приписали украинской армии.

Все трое остановились посреди двора, напротив задранных кверху стволов орудий. Поговорили, энергично жестикулируя руками, а потом разошлись каждый к своему орудю и закопошились возле щитков.

— Прицелы, суки, снимают! — прошипел Мишка и, отложив бинокль, взялся за СВД.

— Даже не думай! — цыкнул я на него. — Успеешь ещё...

— Ты тоже не тяни, а то стемнеет, и хрен мы его больше увидим! Сматываются они...

— Вижу.. — пробормотал я и, отойдя от слухового окна на пару шагов, упёрся плечом в вертикальную стойку, поддерживающую крышу.

Несколько раз глубоко вздохнул, выдохнул, поймал в прицеле «винтореза» стриженный затылок Молейко, копошившегося возле орудийного щитка, и плавненько потянул спуск.

Клацнула затворная рама, и раздался хлопок, показавшийся оглушительным под шиферной крышей. Я посмотрел в прицел и увидел, что Молейко замер, просунувшись головой вперёд, к орудийному казённику. Его тело неподвижно стояло на коленях, привалившись к станине, из-под которой уже начала расползаться чёрная лужа.

Выбрались из дома удачно. Спокойно спустились с чердака в разгромленную квартиру и под прикрытием сирени выпрыгнули из окна. Никто нас не увидел, и мы умудрились ни на кого не нарваться. Нам повезло, что труп Молейко не упал. Какое-то время на него вообще не обратят внимания — стоит себе на коленях человек и стоит, работает. Это даст фору во времени.

Обратно шли той же дорогой, улицы по-прежнему пустовали. Пару раз, правда, встретили парный патруль, который к обязанностям относился по-хамски. Первые не удосужились поинтересоваться, кто мы вообще такие. Скорее всего, решили, что если идём с их стороны, значит свои. Вторые оказались бдительнее, даже поинтересовались, кто и откуда, но услышав всё про того же Черенка, заведовавшего снайперскими делами, махнули рукой и потопали дальше.

До магазинчика добрались без особых проблем. Забрались в уже знакомый палисадник и, осторожно погляды-

вая между заборных жердин, размышляли, где зайти в «серую» зону — здесь, напрямки или отмахать до конца в сторону и уже там податься к своим. Со вторым вариантом проблемы — нужно ждать темноты, что не есть хорошо, так как после убийства Молейко быстро сложат два плюс два и начнут шерстить территорию. Да и первый вариант паршивенький, здесь частенько ходили и мы, и они. Так что можно нарваться по-крупному.

— Степаныч! А если мы опять уедем? По-наглому сядем и уедем! — сказал вдруг Мишка и мотнул головой в сторону магазинчика. — Гляди, что-то советское прибывает.

— Едем! — не стал я долго раздумывать и, присмотревшись к старенькой шестёрке, остановившейся возле магазина, выбрался из кустов.

Подождал напарника и вразвалочку направился к машине, лениво поглядывая по сторонам.

— Здорово, батя! — поздоровался Мишка с выбравшимся из машины мужиком и, заглянув в её салон, спросил: — Куда едешь-то?

— И вам не хворать, — настороженно ответил мужик, с опаской поглядывая то на меня, то на Мишку, — до дому я еду, вот решил внучкам конфеток прикупить...

Этот мужик не мог быть подставой! Подставу за столь короткое время не организовать. И потом, невозможно так сыграть обывателя, напуганного собственными защитниками. Будь он моложе, держался бы по-другому, увереннее, что ли. Молодые, они не так ценят жизнь, как люди уже умудрённые годами. Этому было за шестьдесят с гаком, с приличным таким гаком. Одет просто: тёмные штаны, серая, покрытая пятнами пота футболка, и красное, замусоленное бейсбольное кепи. И ещё руки, таких рук не бывает у военного. Грубые большие ладони с узловатыми суставами. В поры кожи и на лице, и на руках навсегда въелась угольная пыль.

— А чё хотели-то? — тяжело вздохнув, спросил мужик и осмотрел пустую улицу.

— Ты, батя, не согласишься ли увезти нас на десяток километров во-о-о-н туда? — спросил Мишка и показал пальцем в ту сторону, откуда тот приехал.

— Коли по-хорошему просят, что ж не увезти-то, можно и увезти, — пробормотал мужик, обречённо пожав плечами.

Опять загрузился в машину, запустил двигатель, и, подождав пока я устроюсь на переднем сиденье, негромко сказал:

— Странные вы какие-то! У меня дважды машину просто забирали! Водитель им не нужен был. Благо хоть не сожгли!.. Благодарности...

— Ну! И как прикажете всё это понимать? — спросил комбат, когда мы с Мишкой перестали возиться, удобнее устроиваясь за командирским столом.

— А что, собственно, вы должны понять? — наивно осведомился я и, переглянувшись с напарником, в недоумении пожал плечами.

— А я сейчас объясню, — хмыкнул комбат и, опёршись могучими руками на жалобно застонавшую столешницу, наклонился к нам.

В такой позе командир походил на гориллу. Представив, как комбат бьёт в грудь кулачищами и ухает, я поспешно отвернулся, чтобы он не заметил моей улыбки. Он заметил.

— Какого чёрта ты ржёшь, как конь?! — рявкнул комбат и, выпрямившись, заложил руки за спину. — Ночью мне передали перехваченные переговоры, из которых следует, что кто-то, подобравшись к Молейко, с близкого расстояния снёс ему полбашки девятимиллиметровой пулей, выпущенной предположительно из «винтореза», так как выстрела никто не слышал!

И он покосился на Мишкину бесшумку, которую тот пристроил рядом с моей снайперкой в небольшой пирамиде, установленной возле входа.

— А насколько мне известно, — уже спокойнее добавил он, — выйти вы должны только сегодня вечером. Поэтому готов выслушать ваши версии этого, несомненно, радостного события.

— Может, он в карты большую сумму проиграл, а отдавать не захотел? Сами же знаете его... Гад! Вот его свои же и того... порешили. Карточный долг — это, знаете ли, серьёзно... — явно сдерживая смех, ответил Мишка и в поисках поддержки выразительно покосился в мою сторону.

— Ну а что, версия как версия, вполне имеет право на жизнь. Сами ведь знаете, какие нравы царят у бандеровцев. Тут тебе и пьянки, и азартные игры, и скандалы с драками! И даже, кто бы мог подумать, девицы легкомысленные! — согласно кивая, поддакнул я.

— Идите вы знаете куда со своим карточным долгом и девками! — вздохнув, сказал комбат и, сев на подозрительно заскрипевший под его тушей стул, добавил: — Это всё очень хорошо, если бы эту операцию планировал и разработывал не лично наш... — комбат споткнулся и, покосившись на дверь, продолжил, — молодой звёздный друг из штаба.

— А что такого?! Какая разница, кто планировал? Дело-то сделано! И сделано чисто! — удивился Мишка и, совершен-

но не по-уставному поставив на стол локти, устался на командира.

— Для него большая! — вздохнул комбат. — Это его детище, и пройти ликвидация должна была по его плану. Он прекрасно понимает, что не дорос ещё даже до звания подполковника, не говоря уж о трёх звёздах. Ему надо продемонстрировать руководству, что он в состоянии проводить сложные операции!.. А тут на тебе!.. Исполнители гладенько повернули все на свой страх и риск... по своему, так сказать, плану, а он получается и не при делах. Значит, при таком раскладе лавровой ветки ему не положено.

— Другими словами, дитя обиделось, что вышло не по его? — спросил я и, усмехнувшись, посмотрел на комбата.

Ответить тот не успел — с грохотом распахнулась дверь, и в блиндаж стремительно зашёл полковник. Мы встали. Следом вошёл уже знакомый капитан разведки.

Сесть полковник не предложил, но и сам не сажился. Стоял, переводил взгляд с меня на Мишку и обратно. Он был в ярости — челюсти сжаты, желваки так и перекатываются, будто он что-то пережёвывает, подбородок вздёрнут, ноздри раздуваются...

Я, грешным делом, подумал, что сейчас заорёт. К его чести, не заорал, сдержался. Посмотрел на комбата и задал совершенно идиотский, по моему мнению, вопрос:

— Скажи, майор, почему эти двое, — кивок в нашу сторону, — не выполнили приказ?

— Насколько я знаю, приказ выполнен... — начал было комбат, но полковник договорить ему не дал.

— Эти двое нарушили приказ, отступив от утверждённого плана, чем поставили под угрозу срыва всю операцию!

— А почему бы вам у них не узнать? — спросил вдруг комбат, которого, видимо, этот цирк не устраивал. Не спрашивая разрешения у старшего по званию, он сел за стол и вызывающе стал разглядывать полковника.

Я тяжело вздохнул. Ситуация из-за пустяка пошла вразнос и, чего доброго, может навредить хорошему человеку.

— Вы позволите, товарищ полковник? — спросил я и, подвинув стул к столу, сел.

Полковник удивлённо посмотрел на меня, словно увидел говорящий холодильник.

— Да, конечно, старшина, прошу вас! — вмешался, не дожидаясь ответа полковника, капитан разведки, взмахом руки предлагая сесть и Мишке.

— Так почему же всё пошло не по плану? — спросил он и тоже сел за стол.

— Это элементарно, — пожал я плечами, — нам хотелось ещё пожить.

— В смысле пожить?

— В том смысле, что если мы знали об этом коллекторе, то о нём могли знать и там!.. Неужели никто не удосужился рассмотреть этот вариант?

— Ну почему же не удосужились, очень даже рассматривали, но всё же было принято решение, что на той стороне об этом коллекторе не знают, поэтому вам и предложили этот путь, — и он покосился на продолжавшего стоять полковника.

Заметив взгляд капитана, полковник сел и, побарабанив пальцами по столу, спросил:

— Так почему же вы не только не выполнили ясный и чёткий приказ, но и не вышли в назначенное вами же время? — подрагивающим от напряжения голосом спросил он.

Я вздохнул: «О чём говорить с человеком, который не слышит, что ты говоришь? Он разве не слышал ответа? Не понял его? Слышал. Понял. А если слышал и понял, тогда с ним надо по-другому, чтобы наверняка дошло».

— Мы пошли другим путём, так как подозревали, что нас там будут ждать, — чётко, по-уставному доложил я и, дождавшись, когда до собеседника дойдёт смысл сказанного, добавил: — Как впоследствии выяснилось, наши опасения были не напрасны! Возвращаясь после выполнения задания, мы прошли возле выхода из коллектора и обнаружили засаду. Грамотную засаду. Если бы не подошли сзади, то и не засекали бы её. Нас ждали на выходе из коллектора.

— Что ты... несёшь!.. — прорычал полковник, и его лицо пошло красными пятнами.

— Товарищ полковник, — слегка повисил я голос и встал из-за стола, — я далёк от мысли, что нас отправили этим путём специально, чтобы мы нарвались на бандеровцев. Но, видя ваше недовольство тем, что мы не придерживались плана, хотя задание выполнено, расстояние до этой мысли стремительно сокращается!..

Не дожидаясь, когда полковник перестанет как рыба открывать и закрывать рот, я, сделав знак Мишке, пошёл к выходу.

Когда мы отошли от штаба уже метров на двести, нас догнал капитан и, придерживав меня за руку, спросил:

— Сколько человек вы смогли обнаружить, и на каком расстоянии они находились от выхода из коллектора? Это важно!

— А чёрт его знает, сколько их было и на каком расстоянии они находились, — усмехнулся я, — мы ещё из ума не выжили, чтобы шарахаться возле возможной засады.

Капитан несколько секунд ошарашенно смотрел мне в лицо, а потом, посмотрев в сторону штаба, задумчиво произнёс:

— Значит, вы это придумали как бы в воспитательных целях, что ли?

Я молча пожал плечами. Проверить это никто не сможет, значит, правда то, что я сказал.

— Ну что же, может оно и к лучшему, — не дождавшись ответа, усмехнулся вдруг капитан, — пускай теперь помучается, в следующий раз будет слушать не только себя. Сам бы я тоже ни за что в эти катакомбы голову не сунул. Вы, ребята, не держите на него зла, он умный парень, просто молод ещё, самоуверенности в нём пока выше крыши. Обломается со временем!..

Он взмахом руки попрощался с нами и скорым шагом направился обратно в штаб.

— Обломаться-то обломается, — пробормотал напарник, когда капитан отошёл на приличное расстояние, — хорошо, если за время собственного облома никого не угробит.

И, положив винторез, как ляльку, на руки, с мечтательным вздохом добавил:

— Э-э-э-э-х! Водочки бы сейчас холодненькой стаканчик!.. Да щец бы наваристых!..

... — Ну и что же ты хочешь от меня услышать?! — прошипел я, заметив, как напарник косится в мою сторону вместо того, чтобы наблюдать за окопавшимся в трёхстах метрах от нас противником. — Ничего я не почувствовал, Миша!.. Ничего!.. Оттого, что я прострелил череп этой сволочи, легче мне не стало!..

Мишка, шмыгнув носом, припал глазом к трубе, потом опять покосился на меня и негромко сказал: — Знаешь, Степаныч, я надеялся, что тебе всё-таки полегчает... Вроде как отомстил же!..

— Я тоже на это надеялся, ты уж поверь, очень надеялся... — вздохнул я и сел на невесть откуда взявшуюся в окопе табуретку.

Помолчал, разглядывая усиленную досками земляную стенку, и повторил:

— Но там, — ткнул я большим пальцем в небо, — видимо, всё по-другому расписано. Что-то должно быть ещё, вот только знать бы что...

— Ого! Смотри-ка, Степаныч, — хохотнул вдруг Мишка, не отрываясь от своей трубы, — а у нас, оказывается, новости! Походу, вместо бандерглогов пригнали вэсэушников! Плянь сам, форма у этих армейская.

Вздохнув, я поднялся, устроил винтовку на упоре поудобнее, посмотрел в прицел и еле сдержался, чтобы не отдёргнуть от него голову. Прямо мне в глаза смотрел молоденький пацан лет восемнадцати, не больше. Как и моему сыну.. Белобрысый, курносый, с явно просматривающимися веснушками. Из-под лихо сдвинутого на затылок кепи поблёскивают любопытные глаза, не ведающие ещё страха. Он смотрел в нашу сторону и, наверное, не понимал, почему нас надо бояться. Он не знал, кто мы такие, и высунулся в надежде увидеть, с кем ему предстоит иметь дело.

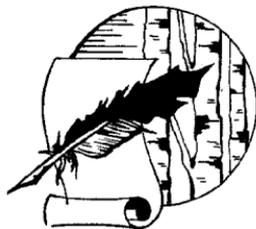
— Что же ты каску-то даже не надел? — пробормотал я и, прицелившись чуть выше и левее его головы, потянул за спусковой крючок.

Увидев, как возле его головы взвился фонтанчик земли, опустился на корточки, поставил винтовку между колен и закрыл глаза.

— Степаныч, ты что, промахнулся, что ли?! С такого-то расстояния?.. — раздался удивлённый голос напарника.

— Нет, Миша, не промахнулся!.. — улыбнулся я, почти физически ощущая, как скатывается с души глыба несостоявшейся смерти этого голубоглазого мальчишки. — Миш, это мой самый удачный выстрел... Самый удачный...

г. Сосновоборск Красноярского края

Владимир ХОМЯКОВ

ЗАТАЁННЫЙ ОГОНЬ

ЛИСТОВОЙ

Долго листья качались,
несогласны с судьбой.
Но ветра раскричались —
и сверкнул листобой!

Всё накрыло листвою —
ни дорожек, ни троп,
и лежит предо мною
за сугробом сугроб.

В этот час дорассветный,
искру Божью тая,
по листве разноцветной
песнь уходит моя!

Ею жил я все годы,
жил дыханьем стиха.
Что же все мои оды
как листвы вороха?

Мне бы тёмного неба
затаённый огонь!
Мне бы юную небыль
да родную ладонь!

Мне бы сердце утешить,
песнь вернуть навсегда!
Но в листве облетевшей
не отыщешь следа...

* * *

Снег пришёл.
Ну вот и рассвело
над моей опустошённой пашней.
Душу от надрыва отвело —
и тоска становится вчерашней.

Снег пришёл.
Как будто навсегда
светлой силой вольных поднебесий
осенил немые города,
озарил угаснувшие веси.

Собирай, любимая, на стол,
запали в печи огонь ольховый.
Снег пришёл.
За мною снег пришёл.
И земля становится — пуховой...

СРЕТЕНИЕ

Сретенье Господне —
ах ты, Боже мой! —
встретился сегодня
с Летом и Зимой.

И летел по свету,
ликовал до слёз —
дали радость эту
Солнце и Мороз.

Только — вздох печальный
у меня в груди:
день необычайный,
ты не уходи.

Сретенье Господне.
Поздняя звезда.
Я рождён сегодня,
будто навсегда...

* * *

Мы венчались в разрушенном храме,
где ни купола, ни алтаря.
Овеваемы всеми ветрами,
мы молчали, молитву тая.

Неужели всё это причуда?
Только кто нам поведает вновь,
почему неизвестно откуда
возникает на сердце любовь?

Нас венчало пасхальное солнце,
возвышало венец золотой.
И природа дышала в оконце
и казалась такой молодой.

Мы венчались в разрушенном храме.
Мы молчали, молитву творя,
овеваемы всеми ветрами,
осуждаемы всеми зазря.

И внезапно пронесся над нами
чей-то лик, нас сжигая живьём.
Мы венчались в разрушенном храме,
как в разрушенном мире своём.

Чтоб дожить, и дойти, и остаться.
Не исчезнуть, не сгинуть во мгле.
Чтоб вовеки уже не расстаться
в нашей Богом объятой земле.

* * *

Жизнь прожить — не дойти до любви,
не дойти до свиданья родного.
Одинокие окна мои,
вы меня ожидаете снова.

Как давно вы темны.
Что же мне
до сих пор всё мерещится это? —
в непроглядной густой глубине
золотое дыхание света.

Кто возжёт потайную свечу?
Кем там праздник для сердца устроен?
Но как прежде, как прежде молчу,
будто вовсе любви не достоин.

И стою на путях ветровых,
в торопливом цветении мая
отражения окон чужих
за желанный огонь принимая...

КОПАЮ ОГОРОД

В рассветный час, на Фоминой неделе,
пока ещё не выспался народ,
я от души, без всякой канители,
не клад ищу — копаю огород.

— А почему так рано? — спросит кто-то.
Да потому что, как тут ни возьми,
чуток попозже у меня работа —
и на родной завод бежать к восьми.

Копая рьяно, то есть поспешаю, —
у всех заботы, у меня — своя,
и никому на свете не мешаю.
Но вновь струятся трели соловья.

Ах как же он старается, дружище!
Он грусть хранит, и дарит нам её,
и нежной трелью чьё-то сердце ищет,
не просто чьё-то сердце, а моё.

И я в ответ мелодию мурлычу
тихонечко, коль время не пришло.
Я этой грустью никого не кличу,
но от неё мне свято и светло.

И всё-таки вернёмся к огороду.
Что посажу? Картошки два ведра.
Молю, чтоб Русь не знала недороду,
чтоб зрела благодатная пора.

Вот там — бурак, вон там — лучок любимый:
взойдёт — не нагляжусь я на него.

А здесь, под черноплодную рябиной,
вскопаю только, больше ничего.

Не зарастай, мой огород, бурьяном!
Пусть из меня Мичурин никакой,
и пусть моим порой не сбыться планам,
но всё ж земля родная — под рукой.

И я склоняюсь: комья разминаю,
и чувствую надёжное тепло,
и что-то в мире этом понимаю,
и вновь на сердце свято и светло.

Пусть соловей опять грустит со мною,
я верю: плодородным будет год.
Не зарюсь на чужое. И не ною.
Так и живу. Копаю огород!

* * *

Ах, как много на свете кошек...
С. Есенин

Нами столько вместе прожито дней!
Вот и вновь растаял мартовский снег.
— Моя кошка! — говорю я о ней.
А она мурлычет: — Мой человек!

И пускай под вечер мы устаём —
не пролёживаем долго бока:
вышло утро — на зарядку встаём
и немного заморим червяка.

Я за дело, за работу сажусь,
чтоб запела, забурлила строка.
На свою подружку не нагляжусь:
до чего она в движеньях ловка!

Вот взлетит на подоконник стрелой,
вот промчится воронёным коньком,
а не то — начнёт вертеться юлой:
всё с задором молодым, с огоньком!

И пока глаголю я о мирах,
и пока я отворяю слова,
мне мяучит, развалясь на коврах:
«Не грусти, на свете всё — трын-трава!»

Завершаю я раздумья свои.
Как мне пишется сегодня легко!
А потом гоняем вместе чай,
нет, она, конечно, пьёт молоко.

А за окнами снижается свет,
а за окнами сгущается тень.
Остывающему солнцу вослед
улыбнёмся: «До свидания, день!»

Утро будет, как всегда, мудреней.
Так, в согласье, коротаем свой век.
— Моя кошка! — говорю я о ней.
А она мурлычет: — Мой человек!

ПОСЛЕ ПОЖАРОВ

Чёрным лесом иду,
а потом — чёрным полем:
вся беда на виду,
пред которой не волен.

За какие грехи
эти горькие вехи?
У родимой реки
закрываются веки.

Неужели навек
взор погаснет прозрачный?..
Но —
рождается снег
над равниною мрачной!

Ран касается он
и ожогов смертельных,
как целительный сон,
что в словах колыбельных.

И звучит синева,
расправляются плечи.
Но — молчат деревья,
что горели как свечи...

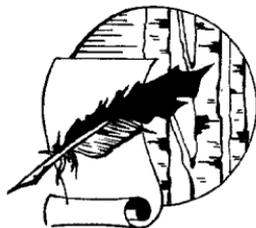
ШЕСТВИЕ

Душой встречая День победный,
День достопамятный, заветный,
где сердцу вторит голос медный,
где гул весенний не умолк,
по площадям страны рассветной
идёт единый и несметный,
идёт-шагает полк Бессмертный!
...А чуть поодаль —
смертный полк.

* * *

...И в дни родных побед,
и в дни утрат,
во времена единства
и раскола,
как благовест восходит,
как набат,
сердцебиенье русского глагола!..

г. Сасово Рязанской обл.

Николай АЛЕШКОВ

НА РАССТОЯНЬЕ ВЗГЛЯДА

* * *

Я проснулся, как будто из плавания
Возвратился и вижу — река...
Ветерок над закамскими плавнями
Чуть шевелит листву тальника.
Вижу — катится в небушко чистое
Солнце круглое, как колесо.
Пахнет рыбой и илом на пристани,
Словно брызнуло детство в лицо...

* * *

Человек — невысокого роста,
А деревья — как тянутся вверх!..
Полагаю, что это непросто
Между Богом расставленных вех.
И не зря в честь рождения сына
Я семейным корням угодил —
Возле речки Челнинки рябину
И берёзу в саду посадил.
Кто мы с сыном? Славянская проба:
И порода одна, и родня.
Вот и выросли деревья оба
Выше сына и выше меня.
Общей почвой и общею кровью,
Нас связала небесная власть,
Чтоб тянулись с деревьями вровень
К небу, вместе смиренью учась...

ПИСЬМО ИЗ АМЕРИКИ

— Из Америки Вам письмецо!
Удивляюсь — чего это ради?..
Как знакомо на фото лицо!
Ты ли это, красавица Надя?
Далеко же тебя занесло...
Да, женат. Ты осталась без мужа?
Знаешь. наше родное село
Стало городом ныне. К тому же
Мы с тобою давно старики —
Память юности слишком капризна.
Но ромашки в траве у реки
Так же пахнут. И вечна отчизна.
Как живётся в чужой стороне?
Помнишь ли поцелуи у прясла?
Или память твоя обо мне
Ярко вспыхнула, тут же погасла?
Приезжай — познакомлю с женой!
Возвращайся — и город покажем.
Может, вместе в сторонке родной
В ту же землю когда-нибудь ляжем.

ОТЕЦ

«Кто воюет? Украина
И Россия? Горе — мне...
У меня убили сына
На гражданской сей войне.

Мне слезами боль не вылить,
Рукавом не утереть.
Сколько надо водки выпить,
Чтобы сразу умереть?..»

Мистер Байден, пан Зеленский
Не ответят мужику.
А в светлице деревенской,
В телевизоре: ку-ку..

Может быть, ответит Путин,
Ныне наш верховный вождь?
Слишком долго на распутьи
Ждали мы, едрёна вошь...

К мужику придут соседи.
По пятёрке принесут,
Всем селом солдата Федю
В Божьем храме отпоют.

Донесут и до погоста
Парня в цинковом гробу.
Всё обыденно и просто —
Не пенять же на судьбу.

— Не блажи, Андрюха, — скажут, —
На жену-то посмотри :
Ей тяжельше, будь на страже,
Время лечит, в корень зри!

Горе матери безмерно.
Ей двоих ещё растить.
Он вздохнёт:
— Вот это верно!
А отцу за сына — мстить...

Тяжким грузом пролетели
Сорок траурных деньков.
И отец восстал с постели —
Он и к подвигу готов.

Он сказал в военкомате:
— Мне — полсотни. В самый раз,
Помолясь на Богоматерь,
Ехать, люди, на Донбасс.

Злая тётка Украина,
Посчитайся и со мной!
Он воюет там за сына.
И за нас, читатель мой...

* * *

Внучка носит мои свитера —
У тинейджеров мода такая.
Любопытно, конечно... Вчера
Предложил ей, во всём потакая:
— «Капитанскую дочку» прочти!
Отвернулась и сморщила губы.

— Пригодится на долгом пути!..
Внукам нынешним книжки не любви.
Не читают — плохие дела...
— Дед, мне некогда, — так доложила...
Всё же Пушкина томик взяла,
В изголовье себе положила...

Но откроет ли — право, не знаю —
Подтолкнёт ли когда-нибудь жизнь?
Только помню, что, внучка родная, —
Нам без Пушкина не обойтись...

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

Уходят поэты, чьи песни не спеты.
Уходят поэты один за другим.
Уходят в закаты, уходят в рассветы —
Там лучше, чем в жизни, наверное, им.

Морозова Гену окликнуть охота,
Лимонову Инну обнять, как сестру.
Мы в русской поэзии просто пехота,
Мы словом заветным служили добру,

За каждую букву ответственя лично
Тому, кто стоит у начала начал.
Мы были готовы к тому, что трагична
Дорога, которую Блок завещал...

Из их поднебесья — ни слова, ни звука...
Дано ль там открыться певучим устам?
И знать невозможно — долга ли разлука?
И вовсе неведомо — встретимся ль там?

НАСТАВНИКИ

Среди избранных много незваных
Затесалось. Всяк — кум королю...
Был я в Болдине, был я в Тарханах,
И пройтись по Кырлаю люблю.

У Есенина был, у Рубцова,
И поеду, даст Бог, к Шукшину.

И моё сокровенное слово,
Может быть, прозвучит на страну.

Не печалюсь об этом, забота
Не моя — расставлять по местам.
Пусть незваные, если охота,
Шебуршат по углам тут и там.

Я наставников слушаю — счастлив
Угощаться с куста черемшой!
Мне достаточно этих причастий,
Вслед идти со спокойной душой...

* * *

Какая есть — другой судьбы не надо.
Я жизнь прожил на родине своей
Среди родни — на расстоянье взгляда
Друзей, любимых и учителей...

* * *

Не был я большевиком,
Не был коммунистом.
Был я русским мужиком,
По-крестьянски чистым.

— Ты какой-то не такой,
Не такой идейный.
Прост, но вовсе не простой,
В общем... беспартийный.

Так считали — сам с усам —
Армия и школа.
Стукачу дал по зубам —
Вон из комсомола!

Жил-тужил немало лет —
А куда же деться?
Понял вдруг, что я поэт —
С детства...

г. Набережные Челны

БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

*Из фронтового блокнота. Февраль — май.
Харьковское направление*

1

Брошенная и отвергнутая «братьями» Россия, корчась от боли и сдирая коросту, выздоравливала и поднималась с колен, чего Украина не могла простить. И не верила в силу русского духа, его непокоряемости. Все попытки взывания к разуму, все попытки терапии закончились, и мы взяли в руки скальпель.

Было какое-то внутреннее ликование от свершившегося: ну наконец-то дождались! Двадцать четвёртое февраля как плата за четырнадцатый, за все восемь лет ожидания, за всех поверивших в единение русского духа, а потом преданных и оболганных. Возрождение надежды, что жизнь будет иной — вечная русская мечта о справедливости, что вернётся в души и поступки людей совесть, что мы так и не вложили в ножны меч, поднятый святым Александром Невским, чтобы защитить от алчного Запада ненавистные ему веру православную и Землю русскую.

И всё же было то, что корбило. О чём думали наши политики, начиная специальную военную операцию? Наверное, они знали такое, что не положено знать

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

простому смертному. А мы не могли смириться все восемь лет с тем, что три десятка лет наша власть водила хороводы с продажной девкой по имени Украина. Наши послы по бывшим республикам бывшего Союза, ставшим суверенными, отбирались по разряду выбраковки, а на Украине особенно: один погряз в схемах личного обогащения, другой под стопку водочки тянул меха аккордеона. Мы видели, как абсолютно воровской украинский олигархат слился в экстазе с нашим. Видели, как пестуют ненависть к нам. Всё видели. Но двадцать четвёртого февраля мы всё простили, даже то, что за всё будет расплачиваться армия.

О чем думали наши отцы-командиры, бросая вымотанные учениями подразделения под снаряды и мины изготовившейся к войне Украины? И почему надо было начинать на рассвете? Слишком ярко выстраивался ассоциативный ряд и потом не раз и не два пеняли нам сорок первым.

У каждого свой первый день войны.

У солдата он сжат до кончика тлеющей сигареты перед командой: «Вперёд!» Не страх, а легкое волнение без мандража перед неизвестностью: что там ждёт за поворотом, за лесопосадкой, за холмом? И где-то внутри теплится надежда, что ещё, быть может, остановится запущенный механизм. Ну а если нет, то чтобы миновала судьба пропавшего без вести. Не раненым быть, не погибшим, а именно пропавшим без вести.

У меня он оказался размытым, не концентрированным — то ли от какого-то внутреннего опустошения, то ли от усталости, то ли от досады за незавершенность домашних дел и невозможности отказать в просьбе побыть военкором хотя бы несколько суток. Всё это было так некстати, а потому несказанно тяготило. Не было и намёка на адреналин, на обычное волнение перед прыжком с парашютом, на задавливаемый, но всё равно подспудно живущий страх. Ни-че-го! Со стороны могло показаться, что это какое-то тупое равнодушие и покорность: будь что будет, хотя было ощущение какой-то обыденности и повседневности, будто каждое утро начинается с новой войны. А может, всё потому, что война давно стала привычкой?

Страх пришёл позже, когда мотался по «серой зоне», когда колесил от Купянска до Изюма, от Боровой до Святогорска, от Лимана до Лисичанска, хотя он не соответствовал реальной опасности и пришёл как запоздалая реакция на эти перемещения во времени и пространстве.

По блеску глаз, по резким, порой суетным движениям, по каким-то особо ничего не значащим фразам прорывалось

внутреннее напряжение. Это плохо, это ты во власти эмоций, когда к чёрту летят тормоза, и ты уже не можешь трезво отдавать отчёт своим действиям и взвешенно принимать решения. Это состояние эйфории вырвет кого-то из наших рядов и начнёт перемалывать. Но это будет позже.

Тогда мы жили самым первым днём и не задумывались, что будет второй, шестой, тридцать пятый или сто двадцатый. Что всё будет совсем иначе, чем представлялось. Что национализм и нацизм саркомой расползся по всем слоям общества, проник в сознание и выпестовал новое поколение, для которого мы были врагами изначально. В их разумении мы были недочеловеками, неполноценными, унтерменшами и нас можно только ненавидеть и уничтожать.

Мы же так и не избавились от жалости к неразумным родственникам, от веры в то, что их ещё можно добрым словом вернуть в семью. Это потом пленных станет намного меньше — после Бучи, после кадров наших ребят с перерезанным горлом. После всего того, что они творили, их в плен особо не брали.

Заезжали мы в «буханке» с верхней поклажей вповалку поверх патронных цинков, ящиков с выстрелами к гранатомётам, мин, гранат, РПГ-7, ПТУРов, паре пулеметов, спальников, упаковок воды, тушёнок и хрен знает ещё чего. В общем-то не очень комфортно, учитывая довольно-таки пострадавшую дорогу с перемолотым траками танков и БТРов в крошку асфальтом и ямищами от снарядов и мин. Потом командир признался, что специально упаковал нас в это грюкающее безрессорное и безамортизаторное средство передвижения в надежде, что мы откажемся от него, а поскольку иного нет, то значит не поедет, и он будет избавлен от опеки над этими ветеранами обороны Шипки. Но мы были упрямы и нам было всё равно, на чём нас доставят, хоть на метле, но лишь бы оказаться за «лентой».

Мы понимали, что из «ящика» будет литься елей и будут звучать литавры, но не могли даже в мыслях допустить уровень глупости, которой отличились «говорящие головы» в первый же день. Впрочем, не шибко они просветлили и в последующие, даже когда к концу недели кого-то возьмёт оторопь от неожиданного упорства не желающих освободиться от нацистской скверны русских украинцев.

Мы поражались скудоумию телетусовки, величаемой экспертами и твердившей с экранов ТВ о сотнях и тысячах денацифицированных националистов. Этим «экспертам» было невдомёк, что ракетами денацификацию не проводят, что это забег на поколения кропотливого труда по очищению сознания.

Заходили не фронтом, не развёрнутыми силами, охватывающими сразу все села до крохотного хуторка, все балочки и высотки, а походными колоннами на «буханках» и «мотолыгах» без дозора и бокового охранения, без разведки и вообще без ума. И никто не знал, что творится в сотне метров от дороги на пустынных улицах сёл и посёлков, в посадках, рощицах, лесочках, вот за тем холмом или в подкравшимся к самой дороге балке или овраге. Просто потому, что никто не собирался воевать всерьёз, и даже не думали, что вообще это будет самая настоящая война с убитыми, ранеными и пленными, с озлобленностью и ненавистью.

За Липцами в колонну встроились бэтээры, бодро вышедшие из распахнутых ворот украинской воинской части. Бойцы с любопытством разглядывали их, гадая: наши или нет, и лишь Батя приказал взять их в прицел гранатомёта. Этого казака не проведёшь: зоркий и сметливый глаз сразу вычленил их из общей массы техники. Они прошли с нами километров пять, потом резко отвернули в сторону и нырнули за посадку. Выскочили уже за Борщевой, но два из них стреножили сразу, как только стволы их скорострельных пушек приподнялись на уровень колонны: находиться в прицеле противотанкового гранатомёта некомфортно, и их экипажи покорно полезли из люков, поднимая руки. Зато третий бэтээр вновь резко свернул влево и стал уходить, кромсая двумя широкими чёрными полосами яркую зелень озимых. Его можно было бы ещё достать, но Ясон, командир отряда ЧВК, остановил: пусть уходит. Батя, бывший майор-десантник, привык к подчинению, поэтому спорить не стал, лишь неодобрительно прищурил глаз. Он пожалеет об этом через четверть часа, когда отпущенный на волю «буцефал» притаится на краю посадки и из-засады сожжёт пару танков и положит ползвода разведчиков, после чего преспокойно уберётся восояси.

Местами поля были густо испятнаны воронками — следы нашей артподготовки. Красавцы! Рядышком батальон ВСУ квартировал: склады, казармы, ангары для техники — ни одного попадания, а зелень перепаханы. Ну положи пару снарядов у ворот на выезде, завали сам въезд, чтобы никто не выехал с территории, так нет же... Почему? Пугали? Намеренно мазали или координаты цели неверно дали? А может?.. Вот насчёт «а может?» думать не хотелось.

Вдоль дороги на обочинах изредка попадались подбитые, разбитые, сожжённые наши «Уралы», пара «мотолыг», танк с бессильно поникшим к грязному снегу стволом, разбитой динамической защитой и открытыми люками — они обогна-

ли нас в Стрелечье. Выходит, приняли на себя уготованное нам. Потом будем часто встречать вдоль обочин и на Изюмском направлении, и на Святогорском, и под Боровой, и здесь, под Харьковом, битую и сгоревшую технику — дороги войны с её неперменными атрибутами.

Мелькавшие за окном невзрачные до серости и какие-то обречённые сёла и посёлки, понурые и покорные, с безлюдными улицами, стылыми изнутри домами со слепыми, без света, окнами. В наш первый и совсем не внезапный артурдар незамеченными вошли звуки взрывов, заложенных украми мин, которые начисто снесли несколько опор и распороли газовую трубу, оставив сёла, посёлки и целые города без света, тепла и воды. Без света понятно — оборваны провода, без воды — тоже разобрались: электронасосы без электричества работать не желают, воду не качают, а колодцами никто не занимался со времён получения самостийности. Но вот с отоплением оказалось сложнее: от печей избавились накануне падения Союза, подарившего газ. Москали и Россия — это скверно, а вот газ из России — это хорошо. За три десятка лет кое-кто даже от топоров и пил избавился: ни к чему теперь в хозяйстве, в Европу же топаем.

Что касается внезапности начала войны, так она больше для нас оказалась неожиданной. Зато у соседей чиновники местных властей, все правоохранители, пограничники, даже врачи из районной больницы, руководители всех служб и вообще чинов, мало-мальски наделённых властью, ещё накануне подались в Харьков. Знали, чёрт возьми, до минуты знали, когда всё начнётся. Откуда? Может, чуйка сработала? Или сообщил кто?..

Грохот и гул разорвали рассветную тишину. Сомнений, что началось, не было. И всё же осадок остался: почему с рассветом? Почему — артиллерией и авиацией, а не обращением к жителям сёл, посёлков, городов хотя бы на пути к Харькову? Освободили от света, газа, тепла, кого-то от домов, сараев, скота домашнего, работы, денег. А потом начался пинг-понг ракетами и снарядами, и людям было всё равно, от российских или украинских снарядов горели дома и гибли их близкие. В сознании крепко-накрепко укоренилось: Россия агрессор, Россия принесла войну, обильно сдобрила поросль ненависти, заботливо взращиваемую вот уж тридцать лет, и с этим придётся жить и нам, и живущим там русским, считающим себя украинцами.

Почему назвали специальной военной операцией превентивные действия нашей армии по удалению ядовитого жала?

Мы понимали, что это война Запада с нами на уничтожение нас, и украинцы — ландскнехты, наёмники, продавшие свое прошлое за тридцать серебряников. Впрочем, прошлое у них тоже было разное — и Россию воевали, и под татар да поляков пластались, а шведы вообще были освободители. Это же у них флажок свой жовто-блакытний слямзили, а гимн у поляков.

Но почему их сознание захлестнула волна ненависти, утопив последние ростки разума? Причём немотивированной ненависти. Или это вечная ущербность галичан, холуйствующих, ломающих шапку перед сильным еще со времён Даниила Романовича, а это почти восемь веков? Значит, ненависть вековая, которую пытались искоренить за каких-то полвека советской власти. Расслабилась Украина, позволила западенцам обрести пассионарность, вот и задавили рогули, страхом повязали.

Почему героизм наших солдат и офицеров в Гостомле и вообще на киевском направлении, их самоотверженность и самопожертвование были похерены поспешным отступлением, напоминающим бегство, в результате чего десантура понесла те самые страшные потери. Ну а политическому имиджу России, её военному искусству с невнятным мычанием о гениальной стратегии был нанесен сокрушающий удар, от которого мы не оправились до сих пор.

Почему ракетно-бомбовые и артиллерийские удары были нанесены вне дислокации украинских подразделений? Почему? Потому что был какой-то «договорняк», во всяком случае на харьковском направлении. Потому что в очередной раз наступили на грабли и получили по лбу, забыв истину: **с врагом нельзя договариваться**. Он понимает только язык ультиматума да и то под угрозой реального тотального уничтожения.

Мы технику к границе недели две гнали, только слепой да глухой не заметили. Офицеры разведки и контрразведки потом говорили в частных беседах, что весь эфир в приграничье был забит звонками до самого первого выстрела. В основном исходящими...

С какого рожна решили, что будут встречать хлебом с солью на рушниках гарны дивчины с развивающимися лентами в косах? Встретили парубки и не с цветами, а с джевелинами, энлэу и стингерами. Почему потом позволили нескончаемым потоком идти на Украину заграничным, несущим смерть гаубицам, танкам, ПТУрам, ПЗРК, миномётам и всякой другой нечисти, созданной исключительно для убийства?

Война — бизнес сверхдоходный, но мы-то ведь не при чём, не правда ли? Мы ведь не партнёры по производству всего

этого, не совладельцы, не аффилированные и даже никаким боком не стоящие, не так ли? А почему бы и нет? Мы всё еще продолжаем поставлять нашим убийцам редкоземельные металлы, электроэнергию, углеводороды, металлопрокат и всё другое, без чего любая война оголодает. Почему, чёрт побери! Пытаемся вести какие-то переговоры, которые однозначно воспринимаются обществом мюнхенским сговором? Перед кем сохраняем лицо? Или теряем? Да они же веками только и жили в ненависти к русским, питались этой ненавистью, лелеяли её и холили, возвращали из поколения в поколение.

Не война, а «специальная военная операция» потому, что нами задействованы малые силы, в несколько раз по численности уступающие противнику? Потому, что изначально широкомасштабные действия локализованы на относительно небольшой территории. Потому, что кому-то втемяшилось в голову сделать ставку на набранные наспех коммерческие подразделения — иначе их и не назвать — из бывших локальщиков: «чеченцев», «сирийцев», реже «афганцев», ещё реже приднестровцев, «абхазцев», «таджиков». Идея хорошая, разумная, только есть в ней какая-то червоточинка: два отряда, что были задействованы под Харьковом, не выдержали первых обстрелов и разошлись — кто домой, кто подался под Изюм или на Донбасс в реально воюющие части.

Хорошо, пусть будет специальная военная операция, хотя есть в этом что-то извиняющееся, словно не они орали «москаляку на гиялку», а мы; словно не они называли нас скоторусскими, орками и собаками. Словно не они считали себя высшей белой расой Европы, наделённой миссией великого крестового похода на Россию, чтобы уничтожить русню поганую, этих недочеловеков, не имеющих право на существование.

Специальная военная операция не цементирует сознание общества, тем более давно расколотого вдоль и поперёк и золотым тельцом и дурманящими и одурманивающими идеологиями, верами, ересью. Вот война бы, пожалуй, смогла цементировать. Во всяком случае провести санацию. Но её нет. Нет в природе — есть только специальная военная операция. Специальная. Это когда одни жертвуют собою, а другие ненавидят их за эту жертвенность. Проходили это в четырнадцатом, колыхнули тогда страну, да из болота равнодушия не вытащили, опять туда же загнали с испугу.

Матушка Ирина из сельского храма сказала, что происходящее — кара Божья за равнодушие, за черствость людскую, за Каинство, за сознание иудино, и что Россия продол-

жает Отечественную войну за право жить на этой земле, говорить на родном языке, исповедовать веру предков.

Отечественную — это верно, в нашем сознании она такая и есть. С фашистами ведь сражение идёт, с настоящими, корневыми. А ещё это самая настоящая Гражданская. Опять одни русские схлестнулись насмерть с другими русскими, но не признающими себя таковыми, и крошат друг друга на потеху англосаксам, паскуднейшей нации, всегда стравливающей всех и вся.

Привёз в Сватово гуманитарку. Присел в сторонке на скамеечке, сижу, курю, а рядом пристроился мужичок моих лет. От моих сигарет отказался с достоинством, достал свои. Прикурил. Разговорились. Он из Северодонецка. Когда наша арта городскую этажность снижать стала, они решили с женой выбираться. Восьмером втиснулись в старенький «жигулёнок» — один Бог ведает как: сам с женою, сосед-колясочник со своей старухой, кум с женой и двумя внуками. Вырвались, да только здесь местные власти не рады им: чужая беда — не их беда. Раз сами выехали — значит не беженцы, потому с довольствия сняли. Хорошо, хоть признанные настоящими беженцами делятся да военные помогают. Так что в сознании этих «освобождённых» они проходят по второй категории свежести — были не настоящими украинцами, теперь не настоящие беженцы.

Это он твердит, что война Гражданская. По сути, этническая, поскольку себя украинские нацисты выделили в особый суперэтнос, а это уже пострашнее. Эти, сватовские, ещё те широкие украинцы, вернись завтра прежняя власть — с хлебом-солью встречать будут, не так как Мозгового в четырёхнадцатом. У них мерки по толщине мамоны, а не по вере и совести.

Он ещё много чего поведал о характере сватовцев, истинных граков, как презрительно называли их воспитанники Макаренко в «Педагогической поэме».

Город контрастов, этот заштатный городок Сватово, больше тяготеющий к Харькову, нежели к Луганску, ставший в одночасье оплотом украинства. Не случайно именно здесь Киев сосредоточил центральную луганскую власть: полицию, суды, прокуратуру, эсбэу, чиновничество. Это не шахты Донбасса — здесь тучные чернозёмы, целые аграрные латифундии и фермеры-миллионеры с джипиэс, судьи, силовики и чиновники, владеющие по совместительству магазинами, кафе, отелями, складами, фермами, их дети в престижных лондонских гимназиях и университетах, и... разбитые вдрезг дороги, оскудение сёл и хуторов, задыхающийся в

пыли сам город со следами (или артефактами) украинства: бюст Тараса Шевченко — эдакая огромная позолоченная ленинская голова на постаменте, в обязательном порядке памятник жертвам Голодомора, землякам, павшим на фронтах Второй мировой (не Великой Отечественной, а именно Второй мировой), «чернобыльцам», «афганцам» и обелиск «Светлая память защитникам Украины» — «айдаровцам», бойцам всевозможных нац- и тербатов. Толерантность, а вообще-то каша несусветная в головах, воплощенная в камне.

Мы зайдём на окраины Харькова и даже закрепимся в ожидании основных сил. Мы сообщим о снайперских засадах на верхних этажах улиц имени Натальи Ужвий и Леся Сердюка, о подготовленных «мешках» с джэвелинами и эн-лэу. Мы многое успеем передать и будем недоумевать, почему никто не «снизил» этажность, уничтожив эти гнёзда.

А потом поступит приказ: оставить Харьков, уйти обратно за кольцевую в Циркуны и вместе с другими подразделениями стать лагерем на краю леса. Этот приказ мы нарушим и займём несколько брошенных домов на противоположном краю села, а по лесу под утро ВСУ нанесут удар РСЗО и миномётами. По тому самому месту, где должны были расположиться на ночь мы. А колонны «мотолыг» и буханок двинутся по кольцевой прямо в западню, где их пожгут, и брошенные тела погибших будут коченеть, припорошенные снегом.

О них не расскажут официальные лица Минобороны. Во всяком случае не сегодня. А всё потому, что происходящее здесь из разряда «вялотекущих боев местного значения». Рваная очаговая оборона в сёлах и посёлках на дорогах, ведущих в Харьков, — через Русскую Лозовую, через Липцы и Циркуны. Периодические обстрелы — обычная рутина фронтовых будней. Иногда щедро, с размахом утюжили «града-ми», накрывая ракетами плотно, но чаще работали миномёты: дюжина мин восьмидесятых и сто двадцатых ложилась веером. «Ответка» не задерживалась и летела смерть обратно, перепахивая поля и круша дома. А войны не было — так, нетипичная «специальная военная операция».

Ожидания на молниеносное проведение операции постепенно сменились недоумением, затем разочарованием, потом осмыслением и пониманием, что всё равно отступать некуда. Вызревала злость за бессилие и беспомощность что-то изменить, хорошая злость, та самая, что сжимает в кулак волю к сопротивлению и волю к победе.

Мы не военные. Мы не обучались в военных академиях. Мы полные профаны в военной тактике и стратегии. Мак-

симум военного образования — это учебник сержанта Советской Армии. Но мы знали, что при проведении колонн обязательны, как минимум, передовой и боковые дозоры, боевые походные заставы, замыкание, не говоря уже о других обеспечительных мерах, связи, дистанции. Почему ничего этого не было сделано? Пофигизм, извечный русский авось или нечто другое?

Мы понимали, что надо «зачищать» не только те сёла, посёлки и города, что расположены вдоль стратегических дорог и по которым заходили колонны. Надо было «расползаться» вширь, охватывая и прочесывая окрестности. Надо ставить комендатуры и блокпосты, «связывая» их если не радиосвязью, то хотя бы проводной. Надо было лишать связи местных — это реалии прифронтовой зоны. Надо было вводить прифронтовой режим — комендантский час, пароли, патрулирование, блокпосты, но ничего это не было сделано. Почему?

Надо было организовывать агентурную работу на этой прикордонной территории, нашпигованной глазами и ушами СБУ. Надо было заниматься фильтрацией выходящих в Россию беженцев, брать на карандаш наркоманов и алкашей — самый управляемый криминогенный контингент, просеивать сквозь мелкое сито судимых, брать на учёт больных, а их было великое множество — по Украине гуляли под ручку ковид, туберкулёз, вензаболевания.

Почему эти функции передали структурам ЛНР, введя их на территорию Харьковской области? Для чего сотворили территорию правового беспредела, отдав освобожденные земли Харьковской области МВД ЛНР? Неужели не понимали отличия в психологии тех и других? «А-а-а, суки, отсидеться решили? Вы тут восемь лет жировали, наши города да шахты уютюжили, ну так долг платежом красен...» И отдавали харьковчане луганчанам долги, которых, в общем-то, и не было, и густо замешивалась да заваривалась теперь уже новая вражда. И трещали под ударами прикладов и берц двери домов, и выгонялись со дворов «отжатые» машины... И пришла на Украину новая Гражданская война (или прежняя?), превратив её в привычное для неё «гуляй поле» — территорию атаманов и атаманчиков с покорно ломающими шапку селянами да горожанами. И место закона заняло право силы человека с автоматом.

Неудивительно, почему местные радовались, когда село или посёлок занимали российские войска. Российская армия — это защита, порядок, помощь, забота. Это вежливость, корректность, соблюдение закона. Уйдут луганчане, уйдут

донецкие, а нам жить с харьковчанами, рикошетом прини-
мая обиды, нанесенные другими. Конечно, это частности, но
всё же...

А были ещё несчастные больные люди — диабетики, ги-
пертоники, сердечники, которые были брошены и обречены
на угасание сбежавшими врачами. И молили о помощи бе-
ременные, роженицы, детишки, старики, которым, как ни-
кому, необходимы были тепло и еда. Но они оказались нико-
му не нужными, и армия на свой страх и риск стала подкар-
мливать их и пытаться лечить. Так почему поначалу (и даже
пару недель спустя) никому не было дела до этих несчаст-
ных? Протянутая рука помощи могла бы сразу же развер-
нуть этих «освобождённых» лицом к России, но контраста не
случилось.

Необходима была власть, нет, не военных с автоматами, а
гражданская, заботливая и доступная, которой не было.

А еще нужно было вдалбливать в сознание людей, что Рос-
сия пришла не захватывать их земли, а возвращать и объеди-
нять, что пришла не злой мачехой, а матерью.

Конечно, мы не могли ничего изменить — сами были здесь,
за «лентой», на птичьих правах. И всё же оставаться сторон-
ними наблюдателями не могли, потому взялись за возрожде-
ние замершей жизни по своему разумению.

Мы понимали, что это война цивилизационная. Не конф-
ликт на Украине, а именно война цивилизаций: Запада, без-
духовной и сатанинской, и русской, православной, где ду-
ховные скрепы, мораль, нравственные ценности ещё живы в
этот век предательства. Украина — это лишь территория и
людские ресурсы, подлежащие утилизации Западом. Это
война на уничтожение русской нации, всех этносов, живу-
щих в России. Для них все русские — москали, свинособа-
ки, унтерменши. Нас надо на гиляку и на ножи только за то,
что не мы выкопали Чёрное море и не мы насыпали кавказс-
кие горы...

Мы спасали в Циркунах местных. Три километра от
Харькова. Бандеровский корректировщик в трёхстах метрах
от храма. Зачистить его не смогли — не было возможности,
нас было слишком мало, и надо было вытаскивать местных.
Но мы всё равно узнаем, кто он и убедим его в том, что он не
прав.

Мы вытащили местных без потерь (мелочь не в счет, поте-
рями считаем только двухсотых и тяжелых трёхсотых). Вы-
тащили, быть может, упоротых самостийников, на дух не пе-
реносящих нас, москалей. Вытащили не нарадующихся на
украинского нациста еврея Зеленского.

Их прикрывали своими телами Сталевар, 37-й, Саня, Фагот и еще с десяток ребят. Те самые, кого они требовали на гиляку и на ножи.

Когда оставили их на базе и опять уходили на задание, обернулся: кто-то плакал, кто-то тайком махнул рукой, кто-то крестился, а взгляды почти у всех вдруг просочились теплотой. Неужто началось? Их убивали свои же, расстреливали из «смерча», а мы прикрывали их своими телами: те самые москали, которых надо убивать. Закрывали ради сохранения их жизней, не задумываясь о своей. Нет, не на грабли наступаем — топчемся. Может, и прозреем, хотя всё равно спасти будем. А всё потому, что мы москали.

Апрель потерялся в больницах, домашних проблемах и гуманитарках — пару-тройку раз удавалось выскочить за «ленту», но это так, каботажное плавание. Далекое не заезжали, да и особо некуда: наши прижались к границе, местами упёрлись в неё, кого успели — эвакуировали, кого не успели, то... А ведь они поверили, что пришли освободители. Пришли навсегда и теперь опять они будут русскими, а мы их бросили. Говорили на камеру не боясь, душу раскрывали, а мы по сайтам разгоняли. Предали мы их, предали. И моя в том вина. Даже не в том, что не дрались за каждое село, за каждую улицу, за каждый дом — пока ещё в сознании некоторых, что не наше это, чужое, Украина. Потом придёт осознание единства земли, потом стиснутся зубы и сожмутся кулаки. Потом будем забирать оставленное, но уже с покаянием, с чувством вины будем отводить взгляды от выживших селян: ну не мы же приказывали уходить. Начальство высокое решение принимало, другими категориями мыслило, если мыслило вообще. Даже пешки на шахматной доске с умом двигать надо, а не то король голову сложит. Мат называется.

Вину свою чувствовал вот за эти интервью, за короткие ролики, но достаточные, чтобы вошедшие в село укры набросили петлю на шею говорившему. Потому и сердце задавило и понеслось — врачи, аптеки, микстуры...

Май начался поиском возможности отвезти куличи за «ленту». Помогли офицеры из спецслужб — они-то лучше других понимали, что только добрым словом и добрыми делами сможем обратить людей в свою веру. Что не силой оружия, а только так мы сможем убедить их в правоте России.

Миша Вайнгольц звонил чуть ли не ежедневно: куличи знакомые девчата напекли — три с половиной сотни, да соленья-варенья наготовили, да ещё всякой всячины. А ещё письмо солдату — большого формата рисунки.

В светлый день Пасхи загрузили мою машину доверху, сели с Мишей, взяли фотоаппарат и видеокамеру и поехали. Впрочем, это на первый взгляд всё просто: сели и поехали. На блокпосту нас ждала группа сопровождения шестой армии. Тут же товарищи-пограничники замерли в ожидании. «Контора» тоже руку помощи протянула. Это же надо — то ходишь-ходишь, все ноги собьёшь, пока выходы найдёшь, а тут словно богатая невеста нарасхват.

Поблагодарили всех, но выбрали погранцов: очень уж убедительно предлагали помощь свою. Спецназовцы не огорчились и даже обрадовались, «фейсы» тоже вздохнули с облегчением: баба с возу, кобыле легче.

На Нехотеевке поджидал «уазик» с опергруппой и бэтээр. Вот это уже лишнее: ну зачем такой привлекающий внимание эскорт. Возражать бесполезно. Вернулся старший, сообщил, что Казачья Лопань под обстрелом, в Липцы не проехать через лес — заминировано, да и ДРГ шалят, а в круг — надо перегрузить груз, но времени нет. Остаются Большие Проходы.

Лукавят ребятки, ой как лукавят. Пусть Казачка под минами — бывает. Пусть с Липцами проблема, но сказками про ДРГ и мины я за эти три месяца насытился вдосталь. Просто до Проходов недалеко, и перегружать машину не надо. Лентяи.

До села добрались минут за сорок. Бэтээр развернулся и стал на выгоне тылом к Храму. Было пустынно, народ жался по над заборами, не рискуя подходить: а кто ж знает, по чью душу прибыла эта непонятная команда. Грязновато, лужи, ветерок, а на душе светло. Пасха.

Старший торопит: надо поскорее разгрузаться и ехать. Куда разгрузаться, коли храм закрыт? Иду к дому поблизости. Сопровождает верзила с автоматом: приказ старшего не отходить ни на шаг. Ворчу, пытаюсь вернуть его к товарищам. Но он молча сопит и чешет следом.

Калитка на запоре, звонка нет, стучу, но никто не выходит. Подтягиваюсь, высовываю голову над забором и вдруг басовитое и резкое:

— Геть с забора!

Из дома появляется невысокий мужик с недобрым лицом. Смотрел в щелку, не выходил, выжидал, пока я не покусился на его крепость, упырь.

— Нечего по заборам лазить. Чего надо?

Объясняю, что привёз куличи и гуманитарку и хотел бы в храме разгрузить, но он закрыт. Упырь изучающе-выжидающе-настороженно режет взглядом — дай нож, так зарежет в чистую, потом цедит:

— Нет её.

— Кого «её»? — начинаю заводиться.

Наверное, понял, что расправа грядёт скоро и, смягчившись, поясняет:

— Матушка ушла с час назад. Живёт на краю села, далеко-далеко, да и на легкой не проехать.

Вежливо прошу съездить за матушкой — машина в его распоряжении. Видно, что ему не очень-то хочется покидать свою ракушку, но аргумент в лице моего верзилы-сопровождающего убедителен.

Матушку Ирину привезли минут через сорок. Она матушка без батюшки — он умер в самый канун майдана и теперь приходится и за храмом смотреть, и службу отправлять, а после двадцать четвёртого — главная власть на селе, врач и психотерапевт.

Откуда-то народ взялся, сразу заполнив небольшой церковный двор. Машину разгрузили в один присест, потом полчаса записывал нужды селян. В основном лекарства просили привезти — постарело село, молодёжь уехала, вот и доживают со своими болячками.

Попросил передать посылку с лекарствами для родственницы знакомого нашей «Константы»: живёт на краю села, а лишний раз «светиться» у её дома не стал. Как чувствовал: недели через две в село вошли каратели из «Кракена».

Матушка открыла храм, пригласила зайти. Почти два века назад построен он нашими земляками — вот и связь с землёй белгородской. А потом, как ни торопили товарищи военные, слушал её рассказ о жизни. Без стенаний и жалоб. Не спрашивал её об отношении людей к происходящему — сама начала. Не ропщет народ, смирен и понимающ: кара это за грехи, за молчание, за трусость. За то, что пошатнулась вера в справедливость, что жить стали не по совести. Понимают, что не Россия начала войну с Украиной — это Украина вместе с Америкой и Европой решили уничтожить Россию. Испокон точили зубы, не по нраву вера наша, так что мы защищаемся.

А Киев что? Он еще до монгол от Руси отшатнулся, всю жизнь продавался то Литве, то полякам, то крымчакам, то к шведам рванул, да царь Пётр образумил. Война с сатанистами идёт, и мы всё равно победим, потому что правда за нами.

Мы уезжали, а у храма стояла маленькая женщина в платочке с гордо поднятой головой и крестила вдогонку. Уже прощаясь на переходе, спецназовец тронул меня за руку:

— Когда увидел её, одинокую, но гордую, стоящую у храма и осенявшую нас крестом, вдруг подумалось, что это сама

Россия, одинокая, но гордая, провожает. Не сломить нас никогда и никому.

2

Война — это ругина, грязь, тело, неделями не знающее воды. Это пропахшая потом и чёрт знает чем одежда, промокшая, а потом прихваченная морозом и ставшая жестяной. Это сбитые в кровь пальцы и стёртые ноги в вечно мокрых берцах. Это самодурство начальников, пофигизм бойцов, до оскомины дебилные приказы одуревших от «полководческого дара» командиров. Война — это подвиги, а подвиг — это зачастую дурость командира. Война — это трусость, бездарность, тупость, халатность. Война живёт по своим законам, которые отличаются от законов мирного времени.

Разведгруппу на БМП тупо рванули миной из засады: трое «двухсотых», остальные «трёхсотые». Ещё живой начштаба просил по рации помощь: оглушенный взрывом, контуженный, он хрипел, что патроны на исходе и что их ждали на этой дороге.

Комбриг гонял желваки и молчал. Это он послал разведчиков вопреки здравому смыслу именно по этой дороге на БМП, хотя начштаба настаивал идти пешими через лес — в разведку на машинах не ходят. Он понимал, что не окажи помощь — начштаба и разведчики погибнут, но свой резерв посылать не стал. Может, понимал, что и те могут угодить в засаду. Может, потому что их было слишком мало. Может, потому, что живой начштаба расскажет, кому обязана гибелью разведка. Может... Да кто же знает, почему комбриг не принял решение.

Начштаба последний раз вышел на связь. Он уже не просил помощи — понимал, что никто не придёт, лишь прохрипел, что их осталось двое и что они уже выдернули чеку гранаты. И выругался угасающим голосом. Он не отпустил тангенту своей рации и все слышали зачастившую и усиливающуюся автоматную дробь, взрыв и... обрушившуюся в эфире тишину.

Их тела вытащил соседний комбат мотострелков сутки спустя. Командир разведвзвода бригады рассказал ему о гибели разведгруппы и о том, что комбриг отказал им в помощи. Он вышел из дома и подставил лицо струям дождя, чтобы никто не видел его слёз, а потом собрал добровольцев и сам повёл группу на единственном уцелевшем бэтээре. В том бою они пленных не брали.

Илья — сын моего друга, десантник, старлей, командир разведроты. Под Камышевахой его тяжело ранило: осколок

проломил висок. Комдив поставил задачу взять опорный пункт тремя тактическими группами: снайпер, сапёр, два-три огнёмётчика, гранатомётчик, пулемётчик, три-четыре стрелка в каждой.

Заходили с трёх направлений, но в назначенное время на окраину села вышла только его группа. Осмотрелись, прикинули, что противника раз в пятнадцать больше, но приказ есть приказ, никто его не отменял, и в назначенное время рванули на штурм. Дюжина десантников против почти двухсот обороняющихся — нарушение всех мыслимых и немыслимых правил. Вошли как нож в масло: «шмелями» выжгли блиндажи и траншеи, ножами добили выживших, но всё же укров было запредельно много, а их — горстка. Комдив с двумя бээмпэ прорвался к «опорнику», прикрыл бронёй десантников и дал команду на отход — дюжиной бойцов села не удержать.

Уже почти оторвались, как лесопосадку, по которой они выходили, накрыли минами. Половину десантников отметили осколками, двоих «задвухсотили», поэтому комдив еще раз вызвал броневую поддержку.

На подошедшие бээмпэ уложили раненых и погибших. Илья помогал: боль только закручивалась, впиваясь в мозг штопором, но в горячке не обращал внимания. Кто-то из бойцов заметил ручеёк крови у него из-под каски и бледность, заливающую лицо.

— Товарищ старший лейтенант, вас ранило?

— Пустяк...

Договорить он не успел: упал, потеряв сознание. Очнулся уже в госпитале. Затем операция, отправка из Луганска в Ростов, затем в Москву, лечение, реабилитация, отпуск. Только его доставили в Луганск, как отец рванул к нему — парню нужна отцовская поддержка. Перед отъездом я пожелал Илье скорого выздоровления и чтобы эта война была для него последней. Отец возмутился: не последней, а крайней — надо будет ещё Запад от скверны чистить, и как только сын поправится, то вернётся на фронт.

Мы едва с ним не поругались: ты же отец, что ты сына на войну гонишь, а он всё одно упорствует, что тот должен родину защищать. Хотя по большому счёту правда за ним — глубинная, на вере настоящая, когда жизнь Отечества ставится выше жизни собственной.

Жаль, что нельзя называть подразделение, поэтому ограничусь лишь направлением — Харьковское, район Русской Лозовой. Время — майские праздники. Эта бригада специа-

за заходила первой на рассвете двадцать четвертого. Была в Харькове, вышла по приказу. «Пожарная команда». Бросали на самые опасные участки, и они блестяще выполняли задачу.

Мы были рядышком с первых дней, пересекались, но встретились только вчера, да и то на несколько часов: отвозили его из города обратно на позиции. Командир разведгруппы, старший лейтенант, совсем мальчишка, худющий и жилистый, наш земляк. Зовут Александр.

Он сын нашего друга, отмотавшего две чеченских, теперь сражающегося на Донбассе. Но о нём рассказ отдельный, а сначала о Сане. О наших мальчишках, взваливших на свои плечи груз ответственности за Россию.

В этот день они отражали атаку за атакой накачанных наркотой нациков. Неполный взвод против батальона. Девять часов боя. Волны наступавших накатывались, получали по морде, откатывались, засыпали снарядами и минами позиции оборонявшихся и вновь всё повторялось раз за разом сначала.

Оставшийся танк загнали в укрытие, попросив командира бывшей танковой роты не высываться, пока не поймут, что разведчикам станет совсем невмоготу. И комроты ждал, когда позицию засыпали снарядами и минами. Ждал, когда накрыли взвод «градом». Ждал до тех пор, пока укры не подошли на бросок гранаты, и тогда на свой страх и риск, задрав люки и выключив рацию, чтобы не слушать приказы штаба, приказал сам себе: «Вперёд!».

Выскочив из укрытия на озимые, он за несколько минут сжег два танка и три бээмпэ, а затем намотал на гусеницы десятка четыре бесов и вернулся обратно. Изумрудная зелень, испятнанная красным — кровь от разорванных тел и пять факелов с чёрными клубами. Это не сюр — это страшный оскал войны. Она знает три краски: чёрную, красную и белую — цвет бинтов. Комроты ещё дважды вырывался из укрытия и своим танком давил, давил, давил, потому что к исходу дня закончились снаряды, опустели пулёмётные ленты да и ствол крупнокалиберного пулёмёта покорежило осколком.

Они дрались в окружении, дрались, когда уже не осталось сил. Дрались, когда драться уже было нечем. Даже получив приказ на отход, они всё равно дрались. Ночью они вышли к своим, вынеся всех раненых и всех погибших. И никто не считал их героями, никто не говорил, что они совершили подвиг. Нет, это была рутинная солдатская работа. Саша так и сказал: «Отработали, немного устали, вот отдохнём чуток и завтра опять на работу».

Александр — значит Защитник. Они все Александры земли Русской. Храни их Господь!

Бойцы под руки волокли сержанта Ветрова к санитарной «таблетке», а Саня, командир разведвзвода, шкандылял сбоку и ворчал на своего заместителя комвзвода:

— Почему не дождался? Почему сам полез? А если бы...

Обошлось без «если бы». Старлей сломал ногу, когда неудачно спрыгнул с «брони», и группу повёл «замок». Задание плёвое: выйти к селу, «прощупать атмосферу» и вернуться, поэтому сержант не стал дожидаться, пока ногу командира обколят и спеленают.

— Мы сами, командир, — «замок» улыбнулся и потёр ладони. — Ох и порезвимся без тебя.

Старлей застонал даже не от боли, а от слов своего безбашенного зама и бессилия что-либо изменить, поэтому погрозил кулаком, избравшим зверскую рожу:

— Только попробуй, проходимец, сгною. Зайди и выйди на мягких лапках.

Зашли, залегли, притаились напротив любопытного особнячка. «Крузак» и «Тойота» появились после полудня. Припарковались возле ворот, один из вылезших из салона парней ушёл в дом, остальные разминались, курили, о чем-то переговаривались и громко смеялись. Были они в пиксельном камуфляже и натовских брониках, на рукавах голубой скотч, на груди и рукаве желто-голубые ленточки

Сержант приказал взять их на мушку, но огня без команды не открывать, а сам тихонько снялся и, скрадывая добычу, огородами выбрался в другой конец улицы.

Он вышел со стороны Дергачей, поэтому его приняли за своего, и неспеша, вразвалочку, направился к машинам прямо по улице. Уходящий в дом вернулся и приехавшие стали выгружать тубы, в которых транспортируют «джавелины» и «энлэу». Он шел, насвистывая мотивчик и зажав в руке ручную гранату. Конечно, наглость, даже высшей степени наглость и вызов, но в этом весь сержант. Оторва по жизни, непричёсанный и незанузанный в армейскую упряжь даже уставами и командирами.

Один из приехавших поднял голову, внимательно посмотрел на приближающегося незнакомца, прищурился и окликнул. Оставалось с полсотни шагов. Сержант ускорил шаг, сокращая дистанцию, улыбнулся, махнул в приветствии левой рукой, а правой метнул гранату под ноги крутившихся около «крузака» нациков. Ещё не осела поднятая взрывом земля, как он всадил короткую очередь прямо через заднее

стекло в водителя и тут же метнул вторую эргэдэшку в кузов пикапа. Двенадцать секунд, два внедорожника, пятеро покрошенных в хлам нациков и еще трое годных к транспортировке «языков», разнесенные в куски ПТРК и ПТУРЫ и ещё четыре целёхоньких.

Всё бы хорошо, если бы не выброшенная взрывом ракета от переносного ракетного комплекса в контейнере. Эта железяка долбанула по голове сержанта, отчего земля качнулась и в глазах померкло. Как потом сказали врачи — закрытая черепно-мозговая травма средней тяжести. С черепной травмой Саша согласился, но чтобы мозговая — это слишком! Ну откуда у этого отморозка мозги?

Конечно, была бы каска — всё обошлось, но разведка ни броников, ни касок не носит.

В госпитале заместителю командира взвода разведки сержанту Ветрову вручили Георгиевский крест. Саша получил от комбрига выволочку за сломанную ногу — приказа ломать не было, а инициатива — наказуема.

Десятого мая с Виктором Васильевичем Федотовым ждали его сына. У Вити Носова переживания были на лице, а отец сдерживался, только курил всё чаще и чаще. Саша должен был выйти ещё утром, ждали весь день, искали, но безуспешно: колонну накрыли РСЗО и арта, потом добивали из засады.

Сына ждали сутки: среди «двухсотых» и «трёхсотых» его не было, как не было и среди живых. Оставался плен, но эту мысль отец не допускал: сын — разведчик, в плен не сдастся.

Он действительно вышел через сутки, вывел своих ребят и притащил наемника. Нацистская ДРГ устроила засаду, но сами вляпались: граната, пару очередей и диверсионная группа строем отправилась на облака. Остались лежать двое: американские наёмники с украинскими корнями. Один вжался в землю, закрыв голову руками и сбросив броник. Рядом лежали автомат, австрийский пистолет «глок», гранаты. Лежал и орал, что свой, что его не надо убивать и что-то про Женевскую конвенцию.

Второй страдал рядом: здоровый бугай, откормленный, тяжелый. С прошитыми очередью ногами, он не мог сам идти, плакал и просил оставить в живых: дома двое деток ждут. Не дождутся. У Сани вес шестьдесят кило с ботинками и железом. Такого борова тащить — себе дороже. Да и никто не звал его на нашу землю, но раз сам пришёл — оставайся. Навечно. Война жестока.

Другого украамериканца доставили и передали по принадлежности — повезло, веса был транспортируемого. А Саша

получил очередной втык за то, что всю ночь «болтался чёрт знает где сам, да ещё бойцов таскал за собою». Извинился, сослался на плохое знание местности. Обещал исправиться.

Объяснения комбрига удовлетворили.

Военкоры о них не рассказывают, молчат и «говорящие головы» из Минобороны. Они всегда в тени, хотя их дерзость и отвага зашкаливают. Назовём их профессию просто военный разведчик безотносительно к роду войск и задачам. Они надёжны, спокойны, уверены. Они верят в Россию, а Россия в них.

О них в этой жизни написать не успею — должно пройти время, когда можно будет рассказать, а жить и так осталось всего ничего. Порой в нерассказанном об этих молчаливых парнях их спасение: *«О нас никто не пишет, Не знает и не слышит, И в том спасенье наше и успех...»* Это из песни Михаила Ножкина о разведке ГРУ. Конечно, она написана по случаю и совсем не конкретному Саше, Ивану или Жене, но каждый соотносит её с собой, и она обязательно звучит под гитару, когда собираемся вместе. Редко собираемся, всё больше на чей-то день рождения или чьи-то похороны.

В тот день повезло работать с ними. Утро было хотя и солнечное, но порывистый норд-ост не давал расслабляться. Заходили привычно-буднично: приехали на «точку», разобрали автоматы, надели броники. Я свой сирийский кевларовый броник отдал оператору: во-первых, снайпера целят в голову, но никак не в броник. Во-вторых, есть в этом что-то от игры в войнушку. Бойцы ладно, им по штату положено железо таскать, но когда закованный в броню героический военкор лезет с дурацкими вопросами к какой-нибудь старушенции, на которой из защиты лишь старенькая кацавейка да платок, то становится стыдно за этих тоскливых дятлов. Судьбу не объегоришь, на всё воля Божья.

Осмотрелся, закурил — дурацкая привычка и на войне никчемная. Даже опасная: на вторую затяжку и пуля может прилететь. Проводник материализовался неожиданно — кругом на сотню метров чистое поле и ни души, но эти ребята спецы по сюрпризам, вынырнул как чёрт из табакерки. Война полна неожиданностей: проводником оказался мой старый приятель, вместе работали на харьковском направлении, теперь вот на восточном. Парень легендарный, но не скоро можно будет рассказать о нём. А пока *«...И при любой погоде Оружие на взводе, Патрон в стволе и палец на курке...»*

В тот день работали быстро и слаженно. Из еды ничего не брали — только вода, патроны и гранаты. Озоровали: срыва-

ли жовто-блакитные флаги и развешивали красные в сёлах, где пока еще наших не было. Несolidно, конечно, для моего возраста, но мы всегда мальчишки до глубокой старости. Местные попрятались, лишь занавески на окнах шевельнутся да мелькнёт голова над забором: наблюдают и ждут, чем всё закончится для этих шальных русских, ведь в селе целый взвод местной теробороны.

Красный флаг — это не российский, это не завоевание, это возвращение. Через неделю разведка опять заходила в эти места — флаги висели! Не сняли, не посмели. И подумалось: взяли не территорию — сознание людей взяли. Не ракетами да танками мозги вправили, а флагами да отсутствием страха. Четверо русских въехали в село, открыто и уверенно, и местная тероборона ошалела и нос не высунула: увидели в этой дерзости, в этих красных флагах силищу. Знали бы, что на полсотни вёрст ни одного нашего солдата, может, и встретили бы «салютом», а так что есть, то есть. Задача была не флаги развешивать — это так, баловство, главное — «стрелялки» забрать, что появились у тероборонцев. Забрали. Дяди даже не очень обиделись, что «забавоки» лишились и наиграться не успели.

— Ну их к бису, — махнул рукой дядько с вислыми усами подковой. — Так вы насовсем, чи как?

Скорее «чи как», но вслух говорить не стали. Утешили осознанием, что делиться надо. Для хохла отдать своё — нож острый, но с этими цацками мужики расставались без видимого сожаления.

Земляк на фронте — это многое, а если ему поручено охранять тебя днём и ночью — это вообще выше крыши. Нашу крохотную группу военкоров передали заботам Бати, курскому казачьему атаману и земляку Вити Носова. Вообще-то Батя — это Филипповский Игорь Васильевич, бывший офицер-десантник, рукопашник, давно разменявший седьмой десяток. О подвигах наших бойцов принято узнавать из сообщений Минобороны и реже Росгвардии. У него отношения с Росгвардией отнюдь не нежные, в её штате он не состоял никогда, потому осанну ему петь она не будет. Что касается Минобороны, так та его давно списала в запас и сняла с учета по возрасту. Так и забавлялся бы он фланкировкой, помахивая шашечкой и восхищая окружающих, не случись эта война по имени специальная военная операция.

Нас «пристегнули» к отряду ЧВК, тому самому, который первым перевалил через харьковскую окружную. Ну а Бате поручили быть нашей Ариной Родионовной. Потом пути

наши разошлись — изменились задачи, и судьба снова свела лишь пару месяцев спустя. Он коренаст, не по возрасту крепок и отменно силён. Тиснет руку, здороваясь, и будешь потом целый день пальцы расклеивать. Но главное — он раскудичен, спокоен и умён. Когда он спал и ел — одному Богу известно, во всяком случае он был всегда на ногах, в «разгрузке» и с автоматом в руках.

— Батя, нужна машина. Батя, нам надо вон ту территорию проверить. Батя, дай людей — базу нациков брать будем.

Круглосуточно несло из моих или Витиных уст: Батя то, Батя это, а он устало кивал головой и выполнял все капризы, хотя другой послал бы нас в дальнее эротическое путешествие.

Когда к нам на базу загнали фуру с боеприпасами, то дискомфорт от скудоумия начальства почувствовали все. Нам повезло — дня через три-четыре мы сменили дислокацию, уйдя под крыло другого отряда, а еще через несколько дней базу накрыли минами. Первой полыхнула фура, все бросились враспынную, и только Батя, сбив ударом кулака улупётывавшего водилу и вырвав у него ключи, бросился к машине. Через секунду она, таранив ворота, вырвалась из западни. Отогнав фуру метров на двести, он сначала огнетушителем сбивал пламя, потом взялся за лопату и засыпал его землёй. Подоспевшие бойцы погасили уже занявшиеся ящики с ракетами, минами, патронами и еще черт знает с чем. Знатный был бы фейерверк, рвани эта дюжина тонн тротила — разнесло бы половину посёлка.

Потом Батя бегом вернулся во двор, завел «таблетку», в которой навалом лежали цинки с патронами, «граники», гранаты и всякая всячина стреляющего и взрывающегося. Спас отряд, спас посёлок... Ясон о случившемся не доложил наверх: под горячую руку могли «навешать» по первое число за безалаберность, а так всё сошло. Месяц спустя Батя ушёл от него вместе со своими ребятами, потому что война — это одно, а игра в войнушку — это другое. Вот наиграются, тогда и они вернуться, чтобы воевать по-настоящему. А так... Это к слову о подвигах.

ЛИСТЬЯ ПАМЯТИ

РАССКАЗ

Придерживая дорожную сумку, с которой никогда не расставался, Алексей поправил расстегнутый ворот летней рубашки навывпуск, в разрезе которой виднелся шнурок и выглядывал нательный крест. Он посмотрел на небо, затянутое низкими неповоротливыми тучами, которые словно нагромождались друг на друга, прислушался к далеким раскатам грома, извинился, невзначай наступив кому-то на ногу, и, чертыхаясь под нос, торопливо ввалился в магазин. Невольно присвистнул, остановившись возле дверей, и удивленно осмотрелся по сторонам. На улице духота, аж рубашка липнет к спине, а здесь зазнобило от прохлады. Он передернул плечами, но не стал застегивать верхнюю пуговку, продолжая топтаться в дверях. В спину толкали, пытаясь его обойти. Кто-то ругнулся, мол, стоит увалень на дороге, ни пройти и ни проехать, а он не обращал внимания на ворчание и людской поток, который бурлил в тамбуре, вливаясь и выплескиваясь через не закрывающиеся двери магазина. Стоял и крутил головой, с удивлением осматривая огромный, ярко освещенный

ПРОЗА

щенный стеклянно-бетонный магазин, которому конца и края не было видно, где, если взглянуть на стройные ряды прилавков и витрин, можно было купить всё, что душе угодно, начиная от спичек и заканчивая чуть ли не автомобилями. А может, и были машины, но отсюда не заметишь. В его городке, где на одной окраине чихнешь, а на другой скажут «будь здоров!», таких громадных магазинов в помине не было. А в этом, как ему показалось, если постараться, можно весь его город уместить вместе с жителями, включая кошек и собак и соседскую бодливую козу Ариадну, от которой покоя не было ни соседям, ни прохожим. Алексей хмыкнул и мотнул головой, представляя козу Ариадну в этом магазине. Вот уж было бы раздолье для нее...

Он давно собирался проведать брата, который перебрался в этот огромный город и всякий раз, когда звонил по телефону, звал Алексея в гости, но всегда находились неотложные дела, заботы-хлопоты, работа, которой конца и края не видеть, и поездка отодвигалась на неопределенный срок. А тут, словно свыше подарок преподнесли. Начальник вызвал и сказал, чтобы он собирался в командировку денька на два-три, а крайний срок — это неделя. А сам усмехается: мол, днем на курсах повышения посидишь, а потом город посмотришь... Помолчал, взглянув на хмурого Алексея и преподнес подарок: брата повидаете, с которым столько лет не встречались. Алексей насупился, услышав про курсы повышения, и стал бурчать, что туда нужно молодых отправлять, а не его, старика, который с закрытыми глазами любой станок разберет и соберет, а потом чуть было не заплясал, услышав про брата. Обрадовался! Раньше времени не было, чтобы брата проведать, всё общение сводилось к телефонным разговорам, а сейчас целая неделя у него. И наговорятся, и на город посмотрится. Обрадовался, что уж говорить. Позвонил брату, и тут выяснилось, что тот уезжает по делам, а когда вернется — неизвестно. Алексей расстроился, но брат немного утешил: ты приезжай, ключ возьмешь у соседей. Живи, сколько потребуется. Сделаешь дела, погуляй по городу, походи по магазинам, побывай на выставках и в музеях. В общем, обычная культурно-развлекательная программа. Но брат пообещал, что освободится и непременно проведает его. Соскучился по родному городу, а по нему — тем более. Обязательно придет, и тогда они вволю наговорятся...

И сейчас Алексей стоял, не зная, куда направиться. Он зашел за хлебом, ну и так, по мелочи купить. Вроде брат всё предусмотрел. Полный холодильник продуктов. Спиртное на любой вкус. А с хлебом промахнулся. Может, забыл. А мо-

жет, специально не стал покупать, чтобы Алексей сам ходил за хлебом. Ладно, в первый день приезда Алексей не стал готовить, а что взял с собой, то и доедал. Да и времени не было, чтобы сестре и основательно отобедать или отужинать. Сразу на учебу. Весь день обучали тому, что он и так знал, но не уедешь же, если тебя направили. И он сидел вместе со всеми, аккуратно записывал в тетрадь задания, тянул руку, словно школьник, отвечал и садился, довольно ухмыляясь, если преподаватель похвалил его. Весь день на учебе, а вечером возвращался, и есть не хотелось. Громыхнет чайником. Вскипятит. Заварит покрепче. Включит телевизор или к окну подойдет и подолгу смотрит на суетную городскую жизнь. А сегодня решил зайти в магазин. Утром на поезд. Всё, учеба закончилась, и пора было возвращаться, чему он очень радовался. Билет в кармане. Осталось хлеба купить, ну и всякой мелочи, а еще не забыть про гостинцы для снох и внуков. Сыновья обойдутся. Взрослые, а вот снох и внуков баловал. Любил их, и они отвечали тем же. Ради гостинцев зашел в магазин, потом хотел прогуляться по улицам и посмотреть на город. А то вернется домой и рассказать нечего. Неделю прожил и ничего не видел. Засмеют.

Алексей неторопливо шагал по магазину, задерживаясь возле прилавков и витрин и стараясь получше рассмотреть товар и цены. Где уж тут рассмотришь, тем более запомнишь, когда глаза разбегаются от увиденного, а еще вокруг зеркала, в которых отображается товар, и казалось, его столько лежит, что и сосчитать-то невозможно, а уж рассмотреть — тем более. Сюда нужно ходить, как в музей. Сегодня один зал, завтра другой, а там третий и четвертый... Глядишь, за месяц обойдешь. В некоторых местах удивленно качал головой, поражаясь дешевизне, а у них этот же товар втридорога продают, а в других местах вздергивал брови, взглянув на ценник. И хмыкал. А потом снова качал головой. Чего только не было! Всё, что душе угодно и даже намного больше. А у них в магазинах без слёз не взглянешь на витрины. Вроде есть товар, но какой-то простенький, копеечный, если сравнить с этим ярким разноцветьем упаковок, от которых не отвести глаз, и руки непроизвольно тянулись к этому товару, чтобы его купить, а хороший он или плохой — это уже неважно. Ведь реклама — двигатель торговли. Вот и двигают всякие нужные и ненужные товары, а люди, несмотря на заоблачные цены, берут и радуются: гляньте, какое чудо ухватил, но лишь потом поймут, какое чудо им досталось. Ну да, конечно, здесь люди живут и зарплаты куда выше. Вот и получается, что каждому по деньгам его...

— Мужчина, осторожнее! — Алексей загляделся на товар и не заметил, как нечаянно задел худенькую женщину. Вернее, не ее саму, а сумку, которую она бережно держала перед собой. — Чуть было не уронила, а то бы получились яблоки на полу, почти, как у Муромова, только снега не хватает.

Она запнулась и сама же не удержалась и мелко звонко засмеялась, словно колокольца прозвенели, взглянула на него и тут же опустила голову, поправляя сумку, и снова засмеялась.

— Вы уж простите меня, неуклюжего, — пробормотал Алексей, мельком взглянув на худенькую женщину, больше похожую на подростка, чем на взрослую, которая, склонившись над сумкой, проверяла содержимое, потом одернула кофту, наброшенную на плечи, и поправила длинную челку, спадающую на глаза, продолжая копошиться в сумке. — Первый раз в таком огромном магазине. У нас небольшие магазины, а тут, словно в муравейник попал. Все бегут, торопятся. Друг друга толкают. А куда торопятся и сами не знают. Суета да и только. Вот и растерялся. Хожу по магазину, смотрю по сторонам, словно на выставку попал, а что нужно купить, не могу найти. Заблудился, видать...

И не заметил, как женщина ушла. Закрутил головой. Вроде стояла рядом. Не успел глазом моргнуть, а ее уже нет. Он сокрушенно вздохнул, развел руки в стороны, попутно опять кого-то зацепив, и отошел в сторону, продолжая посматривать на всевозможный товар. А потом прищурился, всматриваясь в людей. Вроде она — эта женщина, которая привлекла внимание своим необычным смехом, словно колокольца малые прозвучали в огромном магазине. Вот они-то — эти колокольца и привлекли его. Заметил ее и нахмурился, получше пытаюсь рассмотреть ее в плотной толпе. Казалось, что-то знакомое было в ней. Черты лица, поворот головы и взгляд, когда она посмотрела на него, и этот смех, который ему как бы знаком, он уже слышал его, но в далеком прошлом, в родном городке, в котором прожил всю свою жизнь. Даже прическа казалась знакомой. Распущенные волосы, чуть ниже плеч, длинная челка, закрывающая глаза, которую она постоянно поправляла рукой. Слишком знакомый жест. И этот смех, словно колокольца звенят, никак не мог попасть сюда, за тридевять земель... Но... не может быть. Показалось... И снова посмотрел на нее, когда она повернулась к нему. И опять в ее лице были знакомые черты.

— Нет, показалось, — качнул головой Алексей. — Простое совпадение и не более того.

Он махнул рукой. Оглянулся еще раз, но женщину не увидел. Наверное, ушла, мелькнуло в голове. И он отправился

по магазину, нет-нет да и вспоминая эту женщину. Даже не ее, а то, как она засмеялась, словно мелкое серебро рассыпалось по земле. И опять защемило сердце.

Он долго бродил между рядами. Казалось, в каждом уголке побывал этого огромного магазина, в котором, как он подумал, можно уместить его городок вместе с улицами, домами и его жителями. А что тут удивительного, если город в десятки, а может, в сотни раз больше этого магазина. Здесь не ручейки людские, а реки текут по улицам, разбиваясь на ручейки, которые в переулках, и опять соединяются в полнуюводную реку...

Алексей долго ходил, не зная, какой выбрать хлеб. Глаза разбегались от этого изобилия. Потом всё же взял батон, немного колбасы, сыр и кусочек ветчины. Завтра возвращается домой. Потом выбрал гостинцы для снох и внуков. Не забыл прихватить конфеты в ярких обертках и несколько шоколадок — это для внучат, которые ждут его, которые по телефону только и щебечут, как любят его, как скучают. И он скучал по ним даже больше, чем по сыновьям. Да еще по дому скучал. Правильно говорят, в гостях хорошо, а дома лучше.

Вспоминая внучат и дом, Алексей заторопился к выходу. Всего лишь несколько дней прошло, а он затосковал. Вроде все дни в заботах-хлопотах прошли. Занятия с утра и до вечера, на которых больше спать хотелось, чем заниматься. Он и так это знал. Для чего направили — не понимал. Начальству для галочки. Могли бы молодых отправить, всё больше пользы. Он шагал к выходу, то хмурился, то улыбался, невпопад извинялся или ворчал, когда ему наступали на ногу или толкали. И не заметил в толкучке, зацепил сумкой женщину, которая было сунулась вперед него и ойкнула, когда по спине ударила тяжелая сумка.

— Ну что же вы, мужчина, нужно по сторонам смотреть, а не ворон в небе считать, — с укоризной сказала женщина в простеньком платье и кофте на плечах. — Здесь же люди ходят, а вы своей сумкой размахались, как флагом на параде, того и гляди, с ног собьете. Ну вот, опять с вами встретилась. Вот уж медведь неуклюжий...

И снова раскатился ее мелкий смех, словно колокольчик зазвенел.

Алексей вздрогнул, услышав его, потом с недоумением взглянул на невысокую и худенькую женщину, больше похожую на девчонку, которая шагала впереди него. Он заторопился вслед за женщиной, пытаясь внимательнее рассмотреть ее. И догнал уже на улице, когда покупатели стали разбиваться на мелкие ручейки, торопясь к машинам или на

остановку, а другие вливались в реку, которая текла по улице, и исчезали в ней, смешавшись с другими такими же людьми-живчиками.

— Женщина, подождите, — торопливо сказал Алексей. — Случайно, вас не...

И не успел договорить.

— Я это, Алешенька, я, — повернулась к нему женщина, поправила челку, открывая глаза, и снова разнесся серебристый смешок. — Я, Валюшка-серебрушка, как ты называл меня. А ты, каким был неуклюжим медведем, таким и остался. Думала, догадаешься, когда медведем обозвала, ан нет, ошиблась.

Она засмеялась, глядя на его обескураженное лицо.

— Да ну, не может быть, — невольно качнул головой Алексей и махнул рукой. — Ты же на Сахалин подалась, как я помню, а сейчас здесь...

И растерянно обвел рукой окоем.

— Так не вечно же мне на Сахалине сидеть, — сказала Валентина. — Я довольна посмотрелась на страну, во многих местах побывала, потом сюда перебралась. Быстро освоилась на новом месте, словно всю жизнь прожила тут. А вот как тебя занесло сюда?

И с любопытством посмотрела на него.

— Я-то... Да это... — он растерялся, встретившись с ней. — Я в командировку приехал. Вернее сказать, на учебу отправили. На старости лет записали в студенты и отправили. Завтра домой возвращаюсь. Утром на поезд, и ту-ту!

Он вздохнул, поглядывая на нее. Алексей часто... Нет, не часто, он всегда вспоминал Валентину. И не такую, как сейчас, а другую, какой она была в молодости, когда он ухаживал за ней. Ну, ухаживать в те времена — это громко сказано! Он подбивал к ней клинья, как говорили ребята, если дело касалось девчонок. И сразу было понятно, что он положил на нее глаз, что он гуляет с ней, хотя до гуляний дело может и не дойти, но все равно для всех ребят — это знак, что лучше не лезть к девчонке, потому что она занята. О, как! Занята, хотя, таких, как Лешка, было много желающих, но все ждали, чем закончится дело, а там уж думать, подбивать клинья или положить глаз — зависело от обстоятельств.

Алексей поднял голову, взглянув на небо, затянутое облаками. Где-то громыхнул гром. Чуть позже полыхнула молния и исчезла за высоткой. Он за эти дни так и не привык к суеде большого города, к шумному потоку машин, которые круглосуточно катили по многочисленным улицам города, к почти такому же потоку людей, тоже куда-то спешащих. И даже

приближающая гроза никого не пугала. Все торопились, глядя под ноги, и ни один из прохожих не поднял взор на небо, не взглянул на нависшие облака. Они живут своей жизнью — эти люди большого города...

— Гроза собирается, — как-то растерянно сказал Алексей и снова взглянул на тучи. — Ливанет, мало не покажется...

И закрутил головой, думая, где бы скрыться от грозы, если застанет.

— А ты боишься промокнуть, Алешенька? — опять засе-ребрился мелкий смешок Валентины. — Вроде всегда был храбрым, а повзрослел и боишься грозы.

— Да, боюсь, потому что мою жену убило молнией, — никогда об этом не говорил, а тут сказал Алексей. — Впереди меня побежала, пока я вещи собирал. Не успела спрятаться. Молнией зацепило. Я думал, что споткнулась. Подбежал, а у нее на шее даже цепочка оплавилась. Погибла. С той поры боюсь грозы...

Сказал и нахмурился.

— Извини, Алешенька... — запнувшись, сказала Валентина и дотронулась до руки. — Извини меня... Ляпнула, не подумавши. Может, в кафе зайдем? Пересидим грозу?

Она стояла, продолжая держать его за руку, и заглядывала в лицо.

Он вздохнул. Устало провел рукой по лицу, словно хотел стереть воспоминания, но не получалось. Глянул на низкие тучи. Посмотрел на Валентину и пожал плечами.

— Что делать в кафе? — он проводил взглядом поток людей-живчиков, которые разбивались на ручейки, снова соединялись в реку, некоторые живчики отделялись от нее и скрывались в подворотнях и в подъездах домов, а остальные продолжали плыть дальше в людском потоке. — Суета да и только. Лучше у моего брата посидеть, — и, заметив нерешительность в ее глазах, добавил. — Ты не бойся. Брат уехал, а мне ключи оставил. Вот я хозяйничаю. А завтра возвращаюсь домой. Посидели бы, поговорили... Что в этом кафе делать — суета да и только. Шум, гам! Музыка орет, все громко разговаривают... Не люблю, честно сказать. А у брата тишина. Посидели бы, повспоминали прошлое... Это же сколько лет мы не виделись — не счесть! Ты знаешь, Валюшка-серебрушка, как я рад нашей встрече, даже представить себе не можешь. Вспоминал тебя. Часто вспоминал...

У него неожиданно вырвались эти слова, и он сконфуженно замолчал, нахмурившись и поглядывая под ноги.

— Я тоже не забывала про тебя, Алешенька, — поправляя челку, сказала Валентина. — Это детство, можно сказать, и

наша юность, школьные годы и первая любовь, которые не забываются, а они вот здесь хранятся, — она ткнула пальцем в грудь. — А когда тяжело на душе, достаешь эти воспоминания и перебираешь, словно листочки перекладываешь. Да, верно, листочки нашей жизни. Сидишь и перелистываешь. Что-то пропускаешь, а где-то задерживаешься. Так и тебя вспоминала, листья памяти перекладывая...

Вздохнула, нахмурилась и замолчала, о чем-то задумавшись.

— Видать, недобрый словом поминала? — заметив насупинку, сказал Алексей. — Ну и правильно. Это моя вина, что...

Он не договорил. Вздохнул и тоже замолчал, вспоминая прошлое.

— Что уж прошлое вспоминать, — вдруг засмеялась Валентина. — Его не вернешь и сам туда не попадешь. Вот и остались одни воспоминания. Мы же с тобой, Алешенька, впервые встретились за долгие годы. Ты вернулся в наш городок, а я уехала, чтобы не мешать тебе. И даже удивительно, как мы смогли встретиться после долгой разлуки да еще в огромном городе, где потеряться проще простого, а кого-нибудь найти — это несбыточно. А мы столкнулись. К чему это, Алешка? Видать, так судьба распорядилась, чтобы мы встретились, а зачем — не знаю...

Она пожала плечами и покосилась на него, а потом словно тень пробежала по лицу, и она наклонилась, что-то рассматривая на асфальте, а может, не хотела, чтобы он заметил.

Они продолжали стоять возле входа, а людской поток обтекал их с обеих сторон, и снова соединялся. Гроза приближалась. Порывы ветра стали хлесткими, принося с собой прохладу и грозовые запахи. Шумели деревья и кусты, сгибаясь под ветром. После духоты, резко похолодало, как обычно бывает перед грозой. Он снова посмотрел на темное небо. Там и сям полыхали молнии, всё ближе гремел гром. Прокатывался по низкому небу, словно тяжелая колесница по булыжной мостовой и неторопливо затихала вдаль, а чуть погодя небо расчерчивала молния. То зигзагом полыхнет, то вдоль облаков, а то в землю ударяет, и жутковато становилось наблюдать за ними.

— У меня есть свободное время, пока гроза идет. Брат далеко живет? Успеем добежать? — она взглянула на часы, потом на приближающуюся грозу и дотронулась до плеча. — Стоим, как тополи на Плющихе. Люди идут и спотыкаются.

— Вроде неподалеку, если не ошибаюсь, — запнулся Алексей. — Я видел этот магазин, а сегодня впервые зашел. Хотел

посмотреть, что в здешних магазинах продают. Зашел, чтобы взглянуть на товар, и глазам не поверил, когда встретил тебя. Правду говоришь, со времен нашей юности не виделась, а сейчас стою рядышком и растерялся. Подожди, соображу, в какую сторону идти...

Алексей закрутил головой, пытаясь сориентироваться, а потом они направились в сторону кинотеатра. Не он, а Валентина показывала дорогу, чтобы не заблудиться. За кинотеатром повернули во дворы, прошли вдоль длинных девятиэтажек, за ними снова завернули и очутились возле небольшого старого дома в два этажа, который, словно из прошлого, вынырнул и очутился здесь среди огромных зданий, потоков машин и людских рек.

— Здесь наш Колька живет, — сказал Алексей, пропуская Валентину вперед, и на первом этаже остановился в дальнем углу. — Вот его квартира.

Алексей щелкнул замком. Открыл дверь. Пропустил Валентину. Сам вслед за ней зашел. Пошарил по стене и щелкнул выключателем. Вспыхнул свет. Небольшая прихожка. Всё, как обычно: вешалка, куртка на ней, что-то еще виднеется. Внизу обувная полка и несколько пар всякой обуви. Валентина скинула старенькие туфли. Затопталась, потом подошла к зеркалу. Взглянула на себя. Чутьочку поправила прядь волос. Незаметно облизнула губы. Ткнула ноги в тапки, какие подал Алексей, прошлась по квартире, потом зашла на кухню и, не спрашивая, захлопотала, доставая продукты, и принялась готовить на скорую руку.

— Ты не ругай меня, что хозяйничаю, — сказала она, склонившись над столом. — Я женщина и у меня быстрее получится. Немного подожди, я быстренько...

И принялась греметь посудой, что-то раскладывая по тарелкам.

— Ну, а ты как живешь? — сказал Алексей, прислонившись к косяку. — Уж в который раз спрашиваю, а ты отмалчиваешься.

Он стоял и наблюдал, как ловко управлялась Валентина на кухне.

— Я, что ли?.. — Валентина взглянула на него и снова перевела взгляд на стол. — Да нормально живу, нормально. И муж есть, и сын есть. Работаю. Правда, зарплата небольшая по меркам города, но на жизнь хватает. Всё у меня есть, что душа желает и не желает. Ты не стой в дверях-то, а присаживайся, — по-хозяйски сказала Валентина и кивнула на табуретку. — Давай-давай, садись. Сейчас буду кормить тебя. Вижу, голодный, как волк. Вы, мужики, одни не можете жить! Продуктов полный холодильник, а не готовишь. Лентяй!

И снова мелким серебром зазвенел ее смех.

Алексей наблюдал за ней и радовался. Столько лет хотелось увидеть ее, и они встретились. Случайно. В это даже трудно поверить. Задержишь или пройди чуточку подальше, и они бы разминулись. Видать, так судьба распорядилась, чтобы они вновь повстречались...

— Ну, Валюшка-серебрушка, давай выпьем за встречу, — сказал он, поднимая рюмку. — Ведь столько лет хотелось увидеть тебя, и всё же встретились. Кому расскажи, не поверят. В таком огромном городе, где проще простого потеряться или исчезнуть, мы повстречались. Даже странно. Давай, выпьем за нашу встречу, а потом поговорим. С ума сойти, сколько не виделись!

Он выпил. Поморщился. И принялся быстро работать вилкой. Казалось, только что пришли, а на столе места свободного не было, глаза разбегались от этого изобилия. У него бы ума не хватило, что можно столько всего наготовить из тех запасов, какие хранились в холодильнике. Вот что значит женщина в доме. Пусть в чужом доме, но всё же...

Валентина едва пригубила и отставила рюмку. Сидела, редкий раз посматривала на Алексея и о чём-то думала.

— А ты один живешь или опять женился? — сказала Валентина и тут же заметила, как Алексей нахмурился. — Не отвечай, если не хочешь. Извини, что спрашиваю...

Она посмотрела на него и снова — взгляд на стол, где вилкой рисовала невидимые узоры на пустой тарелке.

— Как сказать... Давно... — запнувшись, сказал Алексей. — Дети были мальцами, когда жена погибла. Им не объяснишь, что произошло. Они о мамке спрашивали, а я ничего не мог сказать. Не поняли бы меня. Уехала и всё. Мол, все дела перedeлает и вернется. Вот с той поры один живу.

Он вздохнул и вновь нахмурился.

— И не женился? — снова спросила Валентина. — Ведь ребятишкам нужна мать. Отец, конечно, — это хорошо, но мать не заменит.

— Пытался, — пожал плечами Алексей. — Дважды пытался жениться, но оба раза сам же расставался. Вроде и женщины неплохие были, заботились обо мне и сыновьях, но все равно чего-то не хватало. А потом решил, что сам поставлю на ноги ребят. Так и получилось. Вырастил. Образование получили. Работают. Женились и уже внуки бегают. Вроде нужно радоваться, а вот здесь, словно заноза сидит.

Алексей ткнул пальцем в грудь. Не спрашивая, налил в рюмки и выпил, а потом закурил и, задумавшись, стал смотреть в окно.

И Валентина молчала. Посмотрит на него, снова взгляд в тарелку и выводит вилкой невидимые узоры. Глянет и снова рисует. А потом тоже, как и Алексей, взяла рюмку, выпила, передернулась, провела ладонью по лицу, словно стерла печальную маску и взглянула на него, усмехнувшись.

— Что-то странный разговор получается, — сказала она и зазвенел, засеребрился ее смех. — Столько лет не виделись, а поговорить не о чем. Помню, раньше наговориться не могли. Я гоню тебя, а ты не уходишь. Сама прогоняла и сама же удерживала. Ну, еще чуточку, еще минуточку и секундочку рядом с тобой постою. Я радовалась каждому мгновению, проведенному с тобой. Радовалась, пока...

И она замолчала. Нахмурилась. Взгляд тяжелый, а в глазах полыхнула обида, которая за эти долгие годы так и не прошла.

— И я долгие годы живу этими воспоминаниями, — помолчав, задумчиво сказал Алексей. — Даже несмотря на то, что был женат. Вернулся с женой из армии, а душа так и осталась с тобой. Назло женился, когда узнал, что ты не дождалась. Такая ситуация часто встречается, как в фильмах или книгах, так и в жизни. Один не дождался, другой назло сделал, а оказалось, что ничего не было, и получается, что не только себе жизнь испортил, но и другому человеку и еще третьему, тому, кто случайно попал между двух огней. И этот случайный, а он же надеялся на настоящее и искреннее чувство, понимает в какой-то момент, что его не любят, что он совершенно чужой человек для того, кого считал самым близким и кому доверял всё и сам доверился. К примеру, как с моей женой вышло.

Он замолчал. Хотел было закурить, взял пачку, достал сигарету, но так и остался держать ее в руках.

Алексей думал о прошлом. О давнем прошлом, которое словно вчера было с ним, и он был в нем — этом прошлом. И с Валюшкой-серебрушкой встречался. Вместе в одной школе учились. Правда, Алексей на год был постарше. И каждый день, несмотря на погоду, после занятий они гуляли по городу. И каждый раз не могли наговориться. Разговоры ни о чем, но в то же время они уже говорили про будущую жизнь. Вот окончат школу, Алексей уедет в институт или поступит в техникум, а потом туда же поступит Валентина. И они снова будут вместе. А ближе к последнему курсу хотели пожениться. Про детей не говорили. И так было понятно, что они будут. Они разговаривали про жизнь и строились серьезные планы на будущее, но Алексея после школы забрали в армию. Он смеялся, что не беда, армию должен пройти каждый мужчина, а Валентина

плакала и твердила, что они расстанутся. Что они никогда вместе не будут. Были письма. Почти каждый день. Алексей не мог каждый день писать. Мало свободного времени. Валентина обижалась — это было заметно по ее словам. Потом написала, что поступила в техникум. Много новых подруг и друзей, а задают столько, что приходится ночами сидеть. И всё как-то смазано, словно в ее письмах была недосказанность. А потом, как обычно, письмо от доброжелателя — друга, который написал, будто дошли слухи, что Валька собралась замуж. Молоденького врача подцепила, который не отходит от нее. И даже имя того жениха написал. Алексей бы не поверил, но от Валентины перестали приходить письма. Он написал ей, что случилось, но была тишина. Матери написал, она ничего не знала, но посоветовала, чтобы не порол горячку, а вернись и разберись. Но в молодости многие совершают ошибки, которые уже не исправить. И Алексей совершил. Сначала хотел дезертировать, лишь бы побыстрее домой добраться, но друзья отговорили. Чуть не попал в дисбат, но одумался. А тут один сослуживец сказал, что клин клином вышибают. Если она собралась замуж, значит и ты женись. Вернешься домой, а она пусть смотрит, что ты не пропал в жизни. Это и была его главная ошибка. Домой Алексей вернулся с женой. И только дома узнал, что Валентина попала в реанимацию. Долгое время находилась в коме. Когда очнулась, оказалось, что потеряла память. Она долгое время лежала в больнице, пока врачи пытались вернуть память, да пока срастутся переломы, какие получила, когда сорвалась с обрыва и попала в расщелину, где ее смогли найти лишь на третий день поисков. И почти до его возвращения была в больнице. А когда вернулся Алексей, она пришла к нему. Ничего не говорила. Встала в дверях и смотрела на него, а в глазах была обида, как сегодня за столом. А потом ушла. Молча ушла. Ни одного слова не сказала, лишь боль и обида полыхали в глазах. А через несколько дней Алексей узнал, что Валентина уехала из города. Куда — этого никто не знал...

Валентина уехала, и у него в глазах померкло, когда узнал правду. Вернуть бы время вспять, и всё было бы хорошо, а теперь... Теперь Алексей не знал, что ему делать. Развестись с женой и броситься вдогонку за своей Валюшкой-серебпушкой, но где ее искать? Он не знал... И не знал, что делать. Там его любовь, ради которой он был готов на всё, а в доме жена, которая доверилась и доверяла ему. Она же ни в чем не виновата, что произошло, и как ей объяснить, что нужно расстаться, что любит другую, что станет искать ее, а она может возвращаться в родные края, потому что вся эта любовь, же-

нитьба и обещания, что будут жить счастливо, что будут вместе в горе и радости, — это пустое и не более. «Стерпится — слюбится» — как говорила его мать, заметив, что он метался, не зная, что ему делать. Рано уходил из дома и поздно возвращался, а бывало, вдрызг пьяный заваливался домой, и Анютка, его жена, подхватывала его, тащила в комнату. Раздевала, что-то приговаривая, укрывала одеялом и сидела рядом с ним, пока не засыпал. И ни разу, ни единым словом не упрекнула Алексея, словно ничего не случилось, а ведь она скорее всего знала, но молчала. А как не знать, если соседи открыто говорили про них, про Лешку — этого непутевого парня, который привез жену из армии и про Валюшку, которая ждала его и не дождалась, и поэтому укатила за тридевять земель в тридесятое царство из-за этой любви, про которую многие пишут и в фильмах показывают, а у них на глазах вся любовь происходила, хоть и правда фильм снимай. И начинали судачить, обсуждая непутевого Лешку, а вот его молодую жену жалели. Ведь она, бедняжка, не знала, что ее ждет, когда замуж выскочила. Думала, что алмаз нашла, а он оказался осколком стекла, как говорили соседи про Лешку, и осуждающе покачивали головами. Городок же маленький, и все знали друг друга с пеленок, а многие успели породниться. И уже было не разобрать, кто и кому родня...

Прошло время, и потихонечку Алексей стал успокаиваться. Нет, он не забывал, да и не мог забыть свою Валюшку-серебряшку. Он просто спрятал воспоминания поглубже, чтобы никто не смог в них копать, и никого не хотел до них допускать. Жена не лезла в душу, не приставала с расспросами, ни единым словом не обмолвилась про Валентину, и он был благодарен ей за это. Да, если бы Анюта стала ругаться, тыкать носом в его прежнюю любовь... А прежнюю ли? Алексей не мог ответить на этот вопрос. Но жизнь продолжается, и нужно было жить. И потихонечку Алексей успокоился. Ведь у него семья. А когда появились сыновья-погодки, он готов был на руках носить жену. И носил, и баловал, и с ребятишками возился, и везде были вместе. Мать нарадоваться не могла, глядя на них. А потом Анюты не стало...

Алексей вздохнул, вспоминая жену. Снова налил в рюмки. Посмотрел на Валентину, которая сидела, опустив голову, и продолжала вилкой рисовать на скатерти.

— Давай, Валюшка, выпьем за все хорошее, что было в этой жизни и, надеюсь, что еще будет, а плохое исчезнет, — сказал Алексей, опрокинул рюмку, передернулся и вытащил сигареты. — Выпей, что смотришь? А потом расскажи про себя, где жила, как семья, как здесь очутилась. Я же совершенно ничего про тебя не знаю. Уехала и исчезла...

Сказал, подошел к окну, распахнул и закурил, выпуская дым на улицу.

— Плохое исчезнет, говоришь? — запнувшись, она взглянула на него, а показалось, словно смотрела куда-то вдаль, а может, в прошлое, которое грузом лежало на душе. — Это так на тебя водка действует?

Колко сказала, с язвинкой. И было заметно, что для нее эта тема слишком больная.

— Прости, если обидел, — удивленно взглянул Алексей. — Я вроде ничего плохого не говорил. Ну сказал про рюмку... И в мыслях не было тебя обидеть. Наоборот, я рад, что встретились. Очень рад...

— Я ни в чем тебя не обвиняю, — задумчиво сказала Валентина. — У каждого своя дорога... И каждый должен нести свой крест до последнего дня...

— Ты о чем? — перебил Алексей. — Что-то не пойму тебя...

— Знаешь, наверное, впервые душу открываю за всю свою жизнь, потому что раньше некому было, не было человека, кому бы могла довериться, — неожиданно сказала Валентина. — Ни с кем и никогда не разговаривала на эту тему, а тебя встретила и обрадовалась. Правда, Алешенька, я тоже рада, что повстречались. Я тоже всю жизнь тебя вспоминаю. Первое время, когда ты вернулся, я жить не хотела. Уж думала вены вскрыть или еще что-нибудь с собой сделать, но не смогла. Духу не хватило, да и нельзя такое делать, но видать, даже думы об этом ложатся тяжким грузом на близких людей, — она помолчала, собираясь с мыслями. — Уехала из города, лишь бы с тобой не встречаться, лишь бы не видеть ваши счастливые лица. Хотела жизнь с чистого листа начать, как говорится. И замуж выскочила не по любви, как хотелось... Наверное, сама себя наказала, выйдя замуж за нелюбимого. Думала, что стерпится — слюбится, но не получилось. Не лежала душа к нему. Да и муж оказался пьянчужкой. Мало того, что сам пил, так еще и единственного сына научил этому. По всей стране кочевали. Думала, на новом месте образумятся, но куда там... Неделя не пройдет, оба в стельку лежат. Лечила обоих, но бесполезно. Гены виноваты, как мне сказали. Сын пошел в отца. Но я не опускала руки. Всё надеялась, что образумятся, что начнут жить, как все люди. И сюда перебрались с надеждой, что начнем жить с чистого листа... Но горбатого могила исправит. Пьют. Оба пьют. Мужика сажали. Думала, там образумится, а я за сына возьмусь: может, задумается, что совсем пропадает. Молодой еще, ему бы жить да жить, а он... — Валентина чуть ли не вскрикнула, вспоминая про сына, и махнула рукой, а потом налила себе рюмку,

подняла, хотела выпить, но развернулась и выплеснула в раковину. — Устала я, Алешенька... Ох, как устала! Силушки не осталось. Глаза бы не глядели на всё это. Домой возвращаюсь и знаю: сейчас открою дверь, а они пьяные или напились и разодрались, а начни вразумлять, меня обвиняют. Оба говорят, что я виновата, что они пьют эту проклятую водку. А я же им не наливала... Сын в школе учился, когда отец дал ему первую рюмку. Мужик растет! Я радовалась, когда его после школы забрали в армию. Думала, армия исправит. Всё же два года — это большой срок. А сын вернулся и снова взялся за старое. Встречи с друзьями, там рюмка, здесь рюмка, и пошло-поехало...

— А что же ты не разошлась с мужем? — перебил Алексей. — Ушла бы от него и зажила по-другому...

— Это на словах можно, а на деле не получается, — нахмурилась Валентина и морщинки пробежали по высокому лбу. — Да и куда я пойду? В другое место переезжать — менять шило на мыло, а главное — получится ли выбросить из своей жизни мужа и сына, словно их никогда не было? Не знаю... Ведь они же пропадут...

Она махнула рукой и замолчала.

Алексей снова подошел к окну. Вечерело. Гроза прошла стороной, пугая прохожих громом и яркими молниями. Ветер стих и снова на город навалилась духота. На улицах зажглись фонари. Свет неяркий, едва доставал до земли. Алексей всматривался в вечерние сумерки, пытаясь рассмотреть, что делается на улице, а из головы не выходил рассказ Валентины про ее жизнь. Он невольно оглянулся. Валентина продолжала сидеть, опустив голову. Задумалась. Видать, мужа и сына вспоминала. Другая бы давно сбежала от них и правильно бы сделала, а она живет. Но разве можно назвать это жизнью, если изо дня в день смотришь на пьяные рожи? Не жизнь это... Придет время — совсем сломаешься и тогда уже никому не будешь нужен. Ни сыну, ни тем более мужу...

— Валюшка, что хочю сказать... — Он запнулся, удивленно мотнул головой, словно не хотел верить своей смелости, и заторопился, лишь бы не остановиться, иначе, всё, что задумал, коту под хвост. — Я что хочю сказать... Ради Бога, не перебивай! Бросай к едрене матери своего мужика и поехали со мной. Понимаешь, они далеко не дети, не пропадут. Не нужна ты ни сыну, ни тем более мужу. И если уедешь, они просто-напросто не заметят, потому что ты стала для них частью вашей мебели. Да-да, частью мебели, мимо которой ходишь каждый день и не замечаешь или бесплотным существом, которое готовит для них, стирает и гладит, а нужно будет, в магазин сбегает за бу-

тылкой, лишь бы они не померли с похмелья. Понимаешь — существо, которое весь день перед глазами, а его не замечают — это ты. И не обижайся на меня, потому что они давно вышли из того возраста, чтобы их нянчить. Понимаешь, Валюшка? Они взрослые и давно отвечают за свои поступки. И если выбрали такую дорогу в жизни, они уже не свернут. Они не видят в тебе ни мать, ни жену..

— Да как ты можешь такое говорить? Ты не любил свою жену, а до сей поры вспоминаешь, — вскинулась Валентина. — А это мой муж и сын. Сын — кровинка родная, выносила, вынянчила, на ноги поставила, а то, что пьет — это не он виноват, а дружки и мой муж... А ты говоришь, что я не нужна ему. Да я для сына сделаю всё, буду за него биться до последнего, лишь бы в жизнь вернуть. Ведь придет время — и он одумается. Рано или поздно, но сын возьмется за ум. И тут ему нужно помочь. А кто еще поможет, если не я? Вот и жду этого момента, когда понадобится моя помощь. Мне кажется, на моем месте любая другая мать поступила бы так же, лишь бы его спасти.

— А не долго ль ты его нянькаешь? — опершись на кулаки, Алексей склонился над столом. — Ты взгляни на себя. Посмотри, что они сделали с тобой и подумай, а долго ль ты протянешь, если на себя рукой махнула? Думаю, что недолго... Поехали со мной. Я живу один. Сыновья выросли. У каждого своя семья. Ко мне в гости приезжают. Внуков привозят. Поехали! Пусть на старости лет, но будем вместе, как раньше мечтали. Хотя до старости, как до Китая вприсядку. Наверное, судьба, что мы встретились. Пусть оставшиеся годы мы проживем как мечтали... Мои дети с радостью примут тебя. Они выросли без матери. И будут рады, если ты приедешь...

Он замолчал, посмотрел на нее.

— А в качестве кого я поеду, Алешенька? — теперь она посмотрела на него и усмехнулась, а усмешка-то горькая-горькая! — Уж не замуж ли зовешь меня?

И снова горькая усмешка.

— Д-да, вот именно, замуж! — запнувшись, разгорячился Алексей, вскочил из-за стола, подошел к ней, приобнял за плечи, пытаясь заглянуть в глаза. — Замуж и никак иначе! Я постараюсь дать тебе то, что хотел в молодости и что не получилось... Постараюсь наверстать упущенное. Понимаю, время не вернешь, но все же...

И Алексей замолчал, продолжая стоять у нее за спиной.

Валентина тоже молчала, а потом словно невзначай повела плечом, скидывая его руку, и потянулась к бутылке.

— Давай выпьем, Алешенька, — сказала она и подняла рюмку. — А может, и правда за тебя замуж пойти? А, провались земля и небо, мы на кочках проживем! — она резко опрокинула рюмку, выпила, застыла, зажмурившись, потом передернула плечами и выдохнула. — У, крепкая, зараза!

Взяла кусочек колбасы и принялась медленно жевать, о чем-то задумавшись.

Алексей опустил руки. Постоял за ее спиной, потоптался, потом уселся напротив, исподлобья поглядывая на нее, и тоже молчал, не мешая ей думать. Он понимал, не нужно в душу лезть. Если захочет, сама расскажет. И всё же странная у них встреча произошла. Другие бы наговориться не могли, а они сидят и молчат. Один что-нибудь выдавит из себя, другой так же ответит, и снова молчание. И каждый о чем-то своем думает. Он встрепнулся. А может, просто не ожидали встретиться и поэтому не могут найти общего языка. Как бы оценивающе поглядывают друг на друга, словами-фразами прощупывают: а что у тебя в душе, а ты о чем думаешь, и каждый норовит понять другого. Ведь столько лет не виделись. У каждого была своя жизнь, свой уклад, и в одно мгновение всё изменить — это нереально, потому что для этого нужно время. Много времени. А у них не было его — этого времени. Встретили друг друга — и сидят и молчат, не зная, что сказать...

Сколько раз сыновья говорили ему, чтобы женился. Пытался создать семью, но не получалось. Скорее всего, он пытался увидеть в других женщинах черты своей жены, а может, хотел разглядеть в них Валюшку, о которой никогда не забывал. Ведь прожили с женой всего ничего. Родила двух ребят. Всё делала, чтобы в доме был уют, чтобы дети были ухожены, чтобы он выглядел лучше всех. Сплетни мимо себя пропускала и в дом не тащила... Вроде живи да живи, а тут гроза, и жены не стало. Всего лишь одно мгновение, сверкнула молния — и всё. Была жена и не стало. Он только после ее смерти понял, сколько труда, сколько души она вкладывала в это короткое слово «семья». Алексей словно в бетонную стену ткнулся, когда ее не стало. Хоть волком вой, хоть башкой об стену бейся, когда всё валилось из рук... Наверное, сыновья спасали его от всяких бед, только лишь в них находил он отдушину, забывая на время, что произошло. Он уж думал, так и будет куковать один в этой жизни, но сегодняшняя встреча не всколыхнула давнее прошлое, а взорвала, можно было так сказать. У него аж сердце зашло, когда встретил свою давнюю и первую любовь, о которой столько лет вспоминал. Не забывается прошлое... Ведь всё могло быть по-другому. У него была бы другая жизнь, а у Валентины тем

более, и не мучилась бы она со своими алкашами... А эта встреча может всё изменить... Ведь он же столько лет ждал этого и, казалось, дождался. И Валентина, он видел по глазам, была рада ему... Вроде мало разговаривали, всё больше думали: о прошлой жизни, о детях... У каждого были свои мысли, а посмотреть, оба думали об одном и том же — о семье. И почему же не создать семью? Почему бы не начать всё с самого начала и прожить этот остаток жизни или эту половину жизни так, как они хотели, так, чтобы были счастливы. Ведь оба же хотели одного и того же, и теперь никто и ничто не сможет помешать им...

— Выходи за меня, Валюшка, — сказал Алексей. — Будешь жить, как у Христа за пазухой. У меня всё есть. И квартира, и небольшой садовый участок, и машина, пусть старенькая, но есть, и всякой мелочи без счета. Выходи, а? А я сделаю всё, что не удалось в молодости. Постараюсь наверстать упущенное время. Заберем твои вещи и на поезд. А можно новые вещи купить, чтобы старое не напоминало о прошлом. Уедем, и никто тебя не найдет. Мне кажется, твои мужики даже не станут искать, если от пьянки не просыхают. Поживи для себя. Поживи, как люди живут. Ты и так всю жизнь отдала им, а теперь твоя очередь настала. А я буду рядом, и никто не сможет разлучить нас. Молодой был — дурак был. А тебе досталось, что врагу не пожелаешь. Выходи, Валюшка. Поживи для себя. Посмотри, сколько вокруг интересного, а ты не замечаешь, потому что голова забита мыслями о мужике и сыне, которым ты вообще не нужна. Это моя вина, что у тебя жизнь не сложилась. И я хочу это исправить. Давай начнем с чистого листа, как говорится. Начнем, словно в молодости. Пусть наш каждый день превратится в праздник, который сами себе устроим. Подумай, Валюшка. Возвращаться каждый день и смотреть на пьяные рожи... Или у тебя будет настоящая жизнь, которую ты по моей вине не видела, а сейчас я наверстаю упущенное. Всё сделаю для тебя, — Алексей сунул руку в карман, вытащил пустую сигаретную пачку, нахмурился, смял и выбросил ее, расстегнул сумку, в ней покопался, кинулся в прихожку, но и оттуда вернулся без сигарет и чертыхнулся. — Ох, голова садовая! Всё купил, а про сигареты забыл. До утра не дотерплю — это точно, и взять негде...

Он развел руками и растерянно огляделся.

— Всё сделаешь для меня... — задумчиво сказала Валентина и мельком взглянула в окно, за которым зажглись фонари, потом перевела взгляд на Алексея. — Замуж зовешь... Жить стану хорошо, а хорошо жить — еще лучше, как гово-

рится. А сможем ли мы найти общий язык? Получится ли притереться друг к другу: У каждого была своя жизнь. Мы уже не молодые, чтобы вот так, с кондачка... Люди годами привыкают друг к другу, а ты хочешь сразу и всё, — она замолчала, снова посмотрела в окно, потом на настенные часы, нахмурилась, но тут же улыбнулась, как раньше бывало, как в молодости. Поднялась, подошла к Алексею и взъерошила волосы. — Алешенька, может, правда, бросить всё и всех к такой-то матери и уехать с тобой. Знаешь, я была готова уехать на край света, лишь бы ты был рядом. Не ожидала тебя увидеть, а столкнулись, аж дыхание перехватило и снова сердце заколотилось, будто в далекой молодости, когда ты появлялся перед нашим домом, а я торопилась к тебе...

— Валюшка, ты готова со мной уехать? — Алексей вскочил, подхватил ее и закружил по кухне, не обращая внимания, что посуда посыпалась на пол и зазвенела, разбиваясь. — Айда к тебе! Соберем вещички и на вокзал. Уедем и начнем новую жизнь. Правду говоришь, не пожалеешь!

И заметался по кухне, не зная, с чего начать.

— Ты погоди, Алешенька, — засмеялась Валентина и обвела рукой кухню. — Посмотри, медведь, что наделал. Твой брат вернется, задаст тебе по первое число. Не считаешься с ним. Ты сбегай за сигаретами. Ты сходи в магазин. Он рядышком, за углом, возле кинотеатра. Ты сходи, а я пока порядок наведу и посуду перемою, чтобы твой брат не ругался. А когда вернешься, тогда и...

И она не договорила. Подтолкнула его к двери. Дождалась, когда он вышел, а потом заторопилась на кухню...

Алексей долго искал магазин. Потоптался возле кинотеатра. Спросил у прохожего. Он махнул в другую сторону. Пожимая плечами, помчался туда. Купил сигареты, взял коробку конфет, прихватил шампанское. И заторопился обратно. В окнах свет. Он взбежал по ступеням. Открыл дверь и ввалился в квартиру.

— Валюшка, я вернулся! — закричал он и, как был в одежде, пошел на кухню. — Я тут шампанское взял и конфеты. Отметим по дороге твоё возвращение и нашу новую жизнь.

И остановился на пороге, с недоумением осматривая пустую кухню.

Валентины не было. На кухне чистота. Посуда вымыта и поставлена в шкаф. На столе сахарница и солонка и еще что-то было, но Алексей не обратил внимания, а развернулся и шагнул в зал. Включил свет, но и там не было Валентины. Нахмурился. Заглянул в спальную комнату. Пусто. Кинулся в прихожку. Ее одежды не было. Снова зашел на кухню, не

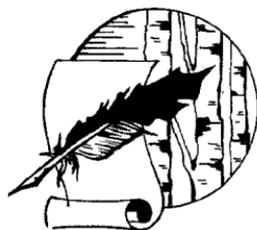
понимая, куда она ушла. Поставил шампанское. Положил коробку конфет и тут заметил клочок бумаги, подоткнутый под сахарницу. Взял его, свёл брови, пытаясь разобрать мелкий убористый почерк, а потом грузно осел на табуретку, стащил шапку и снова стал перечитывать.

«Алешенька, милый, прости меня, непутевую, — едва разобрал мелкий почерк. Видать, она торопилась, когда писала. — Правда, я рада нашей встрече. И еще неизвестно, как бы она закончилась, если бы я была свободной женщиной. Скорее всего, я бы уехала с тобой. Все годы думала и думаю про тебя. Вспоминаю каждую нашу встречу. Наверное, боженька дает человеку всего лишь одну любовь — первую, а остальные — это видимость. Так получилось и у нас. Оба виноваты. Говорят, дважды в одну реку не войти. Наверное, правду говорят, потому что в те времена мы были молодыми, а теперь у нас у каждого своя жизнь. Ты свободный, а я замужем. И не могу бросить их на произвол судьбы. Они пропадут без меня. Оба сгинут. И я не хочу оставшуюся жизнь винить себя в этом. Пойми меня, Алешенька, муж и сын — это мой крест, который я должна нести с терпением до конца. И не ищи меня. Не нужно. Не мучай ни себя, ни меня. Живи, перебирай листья памяти и вспоминай наше прошлое и сегодняшнюю встречу, где оба были и остаемся счастливы. Поверь, Алешенька, в этом мире ничто не бывает случайным...»

Алексей несколько раз перечитал письмо, потом положил его и вздохнул, подошел к окну, распахнул и прислонился к косяку, поглядывая на вечерний город. Всё же хотел было кинуться на поиски, но где искать в этом городе — он не знал. Город огромный, а они всего лишь пылинки, которым легче лёгкого потеряться в нём, а уж найти друг друга — это нереально...

А ранним утром Алексей отправился на вокзал. Радовался, что возвращается домой, где его ждут внуки и дети, которые соскучились по нему, да и он скучал по ним, но в то же время он вспоминал Валюшку-серебрушку, и ее смех звонкий, и вчерашнюю встречу, словно в прошлое вернулся... Вспоминал слова Валентины, что ничего в мире не бывает случайным, и задумывался, а будет ли у них будущее, смогут ли встретиться они, пылинки в этом огромном мире, чтобы на этот раз никогда не расставаться?.. Он всё же надеялся...

г. Салават, Башкортостан

Андрей ГРУНТОВСКИЙ

ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ

* * *

Любите, любите друг друга,
Пока человечек живой.
И после — за гранью, за кругом,
За самой судьбой ножевой...
Любите, когда безответно,
Когда невозможно, когда...
Негаданно и неприметно...
Приходит на сердце беда... —
Над бездною вдруг заторопит,
Скуёт неуёмную кровь...
Да кто же заступит, растопит,
Оттает... Да только любовь.

ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТОК

Поздняя осень. Последний листочек
Вдаль уплывает течением строчек.
Воет протяжно осипший борей:
— Ну, уплываешь? Плыви же скорей!
Спят мураши в муравейнике. Гуси
Месяц уж как протрубили над Русью.
Дождик косою набегаёт без правил...
Месяц уж как я стихи вам отправил.
Поздние строки чисты и ранимы...
Скоро укроет леса и равнины
Снег долгожданный. Как *табула раса*...
И гололёдом покроется трасса.

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

Мне будут, наверное, снится,
Когда призовет меня Бог,
Не тусклая эта больница
И даже не эти страницы...
А лица, чудесные лица
На фото минувших эпох.
Старинные ветхие снимки
Военной и после — поры...
Вот бабушка в светлой косынке
И дед, не седой до поры...
И он же с друзьями в обнимку
На первой ещё на войне...
И я прикасаюсь к снимку,
И что-то всплывает во мне...
Забутые фотопластинки,
Где уни- а где фото-бром:
При лампе сидят керосинке,
С гармошкой возле осинки
И нас поминают добром...
А это... А это?... А это!.. —
Проходят в неведомый край,
И вся проплывает планета,
Как фреска, где Шествие в рай.
Где золотом тонким — ассистом —
«Оживки». Поверх — киноварь
И осень окладом российским,
Объемлющим всякую тварь.
Плывут и колеблются блики,
И пращуров вижу своих —
Не снимки уже, и не лики,
Не те журавлиные клики,
А вечно воскресших, живых!

МУЗЫКА

Я слушать музыку пришёл —
В лесу, на переломе марта.
Под птичий щебет, свист и шёлк,
Как будто это всё про Завтра.
А завтра началась война,
Война-вчера, война-сегодня...

Она как будто не видна
За этой ёлкой новогодней...
Но в сердце дёрнулась игла,
И март напоз, февраль сминая,
И через душу пролегла
От танков колея иная...
Звучал тревожно обертон
Какой-то потаённой птахи,
И лес шумел-вздыхал о том,
И колыхались между крон
Глухие сполохи и страхи...
А выше — ворон, как во сне,
Кружил, бросая тень на лица...
Но свой акафист по весне
Служили ангелы и птицы...

* * *

Когда-нибудь кончатся битвы
И вымоют копоть и кровь,
И время придёт для молитвы
За души своих... и врагов.
Но так уж устроено в мире,
Таков человек во плоти:
Он тащит эпоху, как гири...
А после — по счёту плати!..
За чьи-то ошибки и беды,
За каждый порушенный дом...
Пока же одно — за победу
Молись! Остальное — потом.

* * *

Сколько было сражений —
Ничего не изменим.
«Я убит подо Ржевом»,
Ну а я — под Ирпенем.
Для кого эти ахи,
Про кого эта убыль?
Это я — с Волновахи,
Это я — Мариуполь...
Перед нами нацисты
Или всё-таки братья?..
— Дай, мамаша, напиток
Перед новой ратью.

Чтобы братство вернулось,
Как в былую эпоху...
Чтобы — дети вдоль улиц,
А не танковый грохот...

* * *

Когда она будет — победа?
Где труд бесконечный — война:
Большие и малые беды,
Ошибки, просчёты, вина...
Где «душу за други...», как чудо...
И снова — немереный труд... —
Я лучше об этом не буду:
Об этом молчат — не поют.
Но, может, придёт покаянье
Разрушивших прежний Союз?..
И с фронта придёт поколенье... —
Нет, я говорить не берусь...
Нет, в ту же утекшую реку,
Конечно, войти не резон...
Но, власть повернув к человеку
На злобу продажному веку,
Мамону за горло возьмём...

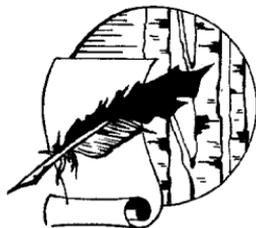
ПЕРВОМАЙ

Мы праздник свободы забыли...
Мы предали праздник труда...
И вот уже волны событий
Несут нас совсем не туда.
Вы скажете: что понимали! —
Опять же — судить не берусь! —
Когда распинали, ломали
На части Советскую Русь!
А ныне молиться кому нам?
Девятый приблизился вал...
Продали Христа и коммуны
И всё подминает Ваал.
И в бывших союзных обрезках
Нечистый орудует всласть!..
Лишь бабушка с флагом советским
Всё ждёт, что Советская власть...

* * *

Несётся новость — бред за бредом...
Да так, что пикнуть не моги!
Мы даже радуемся бедам —
Не сами, то хотя б враги
Заставят к прошлому вернуться,
Сплотить порушенную Русь...
Да как бы тут не навернуться —
А вдруг к развалинам вернусь!
Мы просто не имеем права
Утратить Божескую нить
И то, что слева, то, что справа,
По суете переменить...

г. Санкт-Петербург

Елена БЕЗРУКОВА

ПРОЩЁНАЯ ВОДА

* * *

Молоко небесное пролито
Снегом тихим и молодым.
Остуди мне лоб, моя родина,
Ноябрем прощёным твоим.

Ненадежно, будто бы всхлипывая,
Дышит жизнь внутри моих вен.
И ложится музыка хриплая
Нам дороги пустой взамен.

И пока она не закончится,
И пока мы летим по ней,
Я прощу тебя, одиночество,
Как прощают своих детей,

Как прощают зиме старание
Обрамить нас в шемящий лёд,
Как прощают любовь заранее
И за то, что она пройдёт.

* * *

Я просыпаюсь. Я схожу с ума.
Ночь так напряжена: шепни — и рухнет.
И остро дышит первая зима
В открытой наспех форточке на кухне.

Горячим взглядом по двору скольжу,
Снег выпавший слезами прорезая,

И что-то важное до боли зная,
Ищу слова — и слов не нахожу.

Что означают снега мотыльки
И тишина, отточенная снегом? —
Что жизнь и смерть (хоть та и ходит следом),
Что жизнь и смерть — безумно далеки.

Расстанемся, состаримся, умрём,
И в паузе замрет как будто нота.
Но вдруг проснется и заметит кто-то,
Как остро пахнет снежным октябрём!..

На снег смотреть — что колыбель качать.
Какие в этом счастье и кручина.
Но мне не стыдно плакать беспричинно.
И жить, а это значит — ощущать...

* * *

Ночь бьется о стёкла и всё норовит
Во впадину сердца чьего-нибудь влиться.
А взгляд одиночества жалок на вид.
И время течет не в минутах, а в лицах.

С назойливым ветром слились еще те,
Что где-то в корнях моей памяти нервной.
Куда же теперь мне в моей нищете,
Как долгой зиме до проталины первой?

А вы — не нужнее схождения с ума,
Не трепетней чашки остывшего чая,
Когда в эти окна вторгается тьма,
Ненужной растрате меня завещая.

Выстраивать мысли в один звукоряд
Над белым листом, как создатель над сенью,
Где речи огнём богохульным горят,
Но строки мерещатся, как воскресенье.

* * *

Ненастный свет. Прощёная вода.
Я между «навсегда» и «никогда».

Ты между смертью и ее повтором.
На реверсе, на вечном колесе
Мы выживаем, кажется, не все.
...Я прилечу к тебе на самом скором —
На световом, — а он так невесом,
Что мне самой останется, как сон,
Не воплощаться, а висеть на грани,
На грани между вечным и живым,
Где Бог в окне смирен и недвижим,
Как подорожник, прикипевший к ране.

* * *

Приходили с утра, на рассвете, Мария и Анна.
Молодая грустна, а седая улыбчива странно.
Молодая темна, а вторая — луна на пределе,
Что колышет спасительный свет в полупризрачном теле.
Приносили подарки. Молчали. Садились поближе.
Что ты, Анна, молчишь? Коль чего принесла — говори же.
Темноглазая Анна отрез вынимала на платье.
А чего же он черный? Угрюмо раскинула: нате!
Вы еще молода, говорит, вам к лицу эта горечь,
Пусть несчастья над вами шумят, призывая на помощь.
А Мария снимала колечко с рубиновым камнем,
Мне с ладони в ладонь опускала. — На что мне? Куда мне?
Я колец не ношу; и пока я слова вынимаю,
Я руками дышу.
— Принимай, говорит. — Принимаю.
И глядит она весело, старые лучики морща,
И вокруг неё песенно, даже когда она молча.
Не пиши, говорит, а колечком зажми эту ранку.
А дыши, говорит, всей собою, как свет спозаранку.

* * *

Как долго мы бодем, точно снег
Летит вовнутрь, не замечая кожи.
И на углях пугливой нашей дрожи
Он тает в нас и каплет из-под век.
И мы зовём, разинув в небо рты,
Кого-то, чтобы жить бесповоротней.
И в нас ещё так много пустоты.
И снег в нее летит, как в подворотню.

* * *

Осень — время чего-то свыше.
Напоследок, перед зимой
Вдруг опомнится и задышит
Жизнь в фигурочке заводной.

И повеет рассветом влажным,
Новым днем из-за старых штор.
И покажется это важным —
Как невиданным до сих пор.

Как стекло, холодно утро —
Страшно сделать один глоток.
Как в него я войду, будто
В чистый лед золотой конек!

Сколько вспыхнет во мне случайных
Дерзких помыслов — и затем —
Осень — время для встреч тайных
С расставаньями насовсем.

Время — вчувствоваться до дрожи
В мир из уличных голосов —
Может, кто-нибудь из прохожих —
Из твоих сокровенных снов,

Может, время чему-то сбыться
До того, как исчезнет всё,
И взлетят, и замолкнут птицы,
И зима меня занесёт...

г. Барнаул

УКРАИНА-РУИНА

Гимном Украинского государства с 1992 года является начало стихотворения Павла Чубинского (по происхождению поляка) «Ще не вмерла Украина», что было написано в 1862 году. Его переложил на музыку, сделав песней, священник-униат Михаил Вербицкий. В стихотворении Чубинского имеются слова, не вошедшие в гимн, однако сообщающие ему определённую идеологическую установку, суть которой — русофобия:

*Ой, Богдане, Богдане,
Славний наш гетьмане!
Нащо оддав Україну
Москалям поганим?!*

Автор стихотворения обращается здесь к событиям середины XVII века. Однако ни русские поляков, ни поляки русских «погаными» тогда не называли. Это слово в то время обозначало: во-первых — язычников; во-вторых — всех нехристиан вообще, ещё не имея в себе какого-то предельно уничижи-

тельного значения. В XVII веке русские и поляки так могли именовать турок и татар. Следовательно, Чубинским это слово употреблено не как дань традиции, а просто в качестве ругательства, каковым слово «поганый» стало к XIX веку и у русских, и у поляков. Причём, «погаными» названы все «москали», то есть вся великорусская народность. Владимир Иванович Даль, работавший над «Толковым словарём живого великорусского языка» как раз в те годы, когда написано стихотворение Чубинского, о значении слова «поганый» пишет: «гадкий, мерзкий, пакостный, скверный».

В соответствии с современным российским законодательством, стихотворение следует признать экстремистским. Потому что под экстремизмом, среди прочего, Уголовный кодекс понимает и «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни»; «пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии».

Отдавал ли гетман Богдан Хмельницкий Украину Москве, или же имело место быть нечто совсем иное? Что за территорию и какой ценой получила Москва к концу XVII века? Дабы ответить на эти вопросы, нужно углубиться в историю казацких войн того времени. Они представляли собой, с одной стороны, образцы самоотверженного служения Христу и святой Руси, а с другой — примеры своекорыстия, хищничества, предательства и подлости в любых обличиях и взаимных сочетаниях, отчего разорённая беззакониями присоединённая тогда к Московскому государству территория получила ещё в те времена название Руины.

Приводимый ниже фактический материал почерпнут мною преимущественно в V томе «Истории России» Дмитрия Ивановича Иловайского, горячего патриота России, который в начале XX века видел силы, стремившиеся разрушить Русское государство изнутри, поэтому уделил значительное внимание политическим перипетиям, которые сопровождали воссоединение трёх ветвей русского народа в единое целое. Его труд — в известной мере ответ украинским сепаратистам, которые усердно тогда извращали историю ради достижения своих целей. Иловайский — доктор исторических наук, профессор Императорского Московского университета, автор исторических учебников для гимназий. За свои труды он был пожалован Императором Александром III саном действительного статского советника и потомственным дворянством. Все приводимые им сведения имеют документальное подтверждение.

Запорожское казачество возникло на порубежных (украинных) территориях Великого Княжества Литовского, на границе с «Диким полем», в XV веке. Сюда стекался разный люд в поисках вольной жизни — преимущественно холопы, бежавшие от крепостной неволи из Литовских и Польских областей. Притом, русский православный элемент как наиболее угнетённый, получил преобладающее значение. Средоточием этих беглецов-изгоев стали труднодоступные острова на Днестре ниже порогов.

Казаки поначалу промышляли охотой, рыболовством, разбоем. По мере же их умножения стали складываться определённые правила общежития, своеобразные устои, порядки. В Московской Руси запорожских казаков именовали черкасами. В Смутное время они оставили по себе недобрую память своими разбойными набегами. И даже по окончании смуты, в 1618 году, покровитель православия в Малороссии гетман Сагайдачный принял деятельное участие в походе на Россию королевича Владислава: осаждал Москву и послал свои отряды для разорения без того уже до крайности обнищавших русских земель.

После призыва папы Урбана VIII (в феврале 1624 года) истреблять православие «огнём и мечом» были предприняты экстренные меры по радикальному сокращению численности Запорожского казачества как силы, покровительствующей православию. Для этого на Украину была направлена военно-судная комиссия, призванная возвратить холопов, ушедших в казачество, прежним владельцам, а прочих казаков привести в повиновение правительству.

Казаки ответили вооружённым восстанием под предводительством атамана Жмайла. Усмирять его выступил коронный гетман Конецпольский, зять недавно погибшего гетмана Жолкевского. Возле озера Курукова произошла битва, итогом которой стало принуждение казаков к переговорам. Теперь казачье войско должно было ограничиваться шестью тысячами сабель. Гетманом этих реестровых казаков правительство назначило Михаила Дорошенко.

В 1630 году гетман Конецпольский разместил в украинских городах и местечках свою армию, которая беззаконничала настолько последовательно и усердно, что началось восстание под предводительством казаков, не вошедших в состав реестрового войска.

Гетманом восставших был выбран Тарас Федорович. А польского ставленника на эту должность, сменившего Дорошенко, Григория Чёрного за призывы к миру с поляками казнили. Конецпольский после ряда кровопролитных сра-

жений вновь усмирил казаков, и те вынуждены были согласиться на условиях договора 1625 года. Это бурное время, когда русская народность поднималась с колен в области Речи Посполитой, описано в повести Гоголя «Тарас Бульба». Казацкие восстания не прекращались, а их зачинщиков ловили, привозили в Варшаву и здесь после пыток (ради устрашения прочих казаков) казнили.

После жестокого подавления очередного восстания в 1638 году поляки положили окончательно закрыть русский вопрос на подконтрольных им землях. Для этого было решено назначать казацкими полковниками только шляхтичей, а во главе всего войска должен был стоять определяемый правительством комиссар. Однако радость поляков по поводу усмирения Запорожья была преждевременной. Южные рубежи Речи Посполитой оголились, чем не преминули воспользоваться крымские татары. В 1640 году они увели тридцать тысяч народа в полон.

Вместе с тем, десятилетие, протекшее без серьёзных казацких возмущений, подействовало на правящий класс Речи Посполитой расслабляющим образом. Это было затишье перед бурей. Ведь причин конфликта между угнетённой русской народностью и польско-литовским государством никто не пытался анализировать, тем более устранять их. А раз так, достаточно было искры, чтобы разгорелся большой пожар.

Прежние восстания были стихийными, поэтому как стремительно вспыхивали, так быстро и гасли. Сотник Чигиринского полка Богдан Хмельницкий, будучи человеком зрелым, образованным, опытным, имеющим связи не только на Украине и в Польше, но и в Крыму, где в своё время провёл в плену два года, рассчитывал на успех. Зимой он втайне настраивал войско в Запорожской сечи к вооружённому выступлению и склонял весь народ Украины к восстанию; заручился поддержкой Крымского хана Ислам-Гирея. И только после этого он силой захватил остров Томаковку, получив контроль над Запорожьем. Следующим шагом стал созыв казачьего круга, который избрал Богдана гетманом.

Лишь тогда власти Речи Посполитой поняли, что началось восстание более мощное, нежели все предшествовавшие. Тем временем к Хмельницкому подоспели четыре тысячи татар. Часть войска, посланного против него (состоявшую из реестровых казаков), Богдан смог увлечь на свою сторону, а другую часть уничтожил. Дней через десять он разбил коронное войско, оба гетмана которого попали в плен.

Не обольщаясь успехом, Богдан написал послание королю Владиславу IV, в котором изъявлял свою покорность его

власти и просил восстановления прежних привилегий, которыми пользовалось Запорожское войско. Пока письмо шло, король разболелся и умер. Правительство пребывало в нерешительности. Тогда войну казакам объявил магнат Еремия Вишневецкий, начавший соперничать с восставшими в жестокостях (попадавших ему в руки повстанцев пытал, вешал и сажал на кол).

Хмельницкий разбил новое коронное войско, получил большой выкуп от города Львова за то, что снял с него осаду. В это время королём Речи Посполитой был избран брат Владислава Ян Казимир, член ордена Иезуитов, незадолго до того получивший от папы звание кардинала. Он тотчас отправил Хмельницкому письмо, в котором приказывал отступить от Замостья, что осаждал гетман, и отправляться на Украину. Хмельницкий послушался и отступил в Чигирин, сделав город своей резиденцией. К нему сюда приезжали послы соседних стран с целью завязать могущие быть полезными отношения. В феврале 1649 года в Чигирин прибыла комиссия Речи Посполитой, чтобы заключить мир.

Как пишет Д.И. Иловайский, «комиссия едва добилась согласия заключить перемирие до Троицына дня и уехала, увозя с собой некоторые предварительные условия мира, предложенные гетманом, а именно: чтобы в Киеве или на Украине самого названия унии не было, также чтобы не было иезуитов и жидов, чтобы Киевский митрополит заседал в сенате, а воевода и каштелян были бы из православных, чтобы гетман казацкий подчинён был прямо королю, чтобы Вишневецкий не был коронным гетманом и т.д.».

Здесь, по сути, приводится проект союзного договора, в случае соблюдения которого Украина продолжала бы оставаться в пределах Речи Посполитой. В предложенных условиях на первое место выходит свободное исповедание православной веры. Казалось бы: что здесь особенного, что неисполнимого? Однако для Речи Посполитой, виднейшие лица которой, включая короля-иезуита, привыкли смотреть на православие с ненавистью, а на православных — как на людей второго сорта, требования казаков оказались неприемлемыми. Таким образом, главной причиной нежелания населения Украины быть под властью Речи Посполитой стала надменность польской шляхты и польского духовенства. Однако полякам даже по прошествии веков трудно в этом признаться, поэтому они и сваливают свою вину на других, как тот же Чубинский в известном стихотворении, назвав Богдана Хмельницкого причиной того, что Украина отошла от Речи Посполитой к России.

А тогда, в 1649 году, полякам нужно было выиграть время, чтобы собрать силы для подавления восстания, после чего вернуть прежнюю систему отношений, неотъемлемой частью которой было религиозно-национальное угнетение русских граждан.

Вот в чём главная причина стремления Богдана Хмельницкого в сторону Москвы! Выбор у казаков был в конечном итоге такой: оставаться в подданстве Речи Посполитой, постепенно превращаясь в поляков, или же оставаться русскими, православными вне польско-литовского государства. Однако для осуществления второго пути, для образования своего русского государства собственных сил населению Украины не хватало. Только лишь необходимость заставила проситься в подданство к Москве.

Поначалу Хмельницкий всерьёз думал о турецком подданстве наподобие валашских и молдавских господарей. За покровительство Богдан пообещал султану территорию Подолии до Каменца-Подольского. Такого рода договорённость удалось даже скрепить предварительным соглашением о династическом браке: его сыну Тимофею была обещана в жёны дочь молдавского господаря (турецкого подданного) Василия Лупула.

В декабре 1650 года состоялся сейм Речи Посполитой, куда, согласно мирному договору, прибыл и русский Киевский митрополит Сильвестр Коссов. Однако папские епископы отказались заседать вместе с ним, и православный иерарх вынужден был с позором удалиться. Депутаты сейма жаждали войны против Хмельницкого, сравнивая её с крестовым походом. Папа прислал Яну Казимиру освящённый меч и хоругвь, присвоив ему титул «защитника веры». К весне 1651 года король собрал стотысячное войско. Подле Берестечка произошла битва. Союзные казакам татары, истребляемые огнём польской артиллерии, побежали. Хмельницкий попытался их остановить. Когда это не удалось, бежал сам, бросив своё храбро сопротивлявшееся войско. В нём начались раздоры. В итоге реестровые конные казаки вырвались из окружения, оставив остальную часть войска на уничтожение.

Хмельницкий был принуждён подписать новый мирный договор. Согласно ему, реестровое казачье войско уменьшалось до двадцати тысяч (не вошедшие в это число казаки должны были обратиться в холопов), на Украину возвращались изгнанные паны с иудеями. Гетман не имел права вести переговоры с иностранными державами. Был обя-

чего должен был по первому требованию короля начать войну против татар.

Недовольное условиями мира население Украины стало массово переселяться в пределы Московского государства, в результате чего образовалась Слободская Украина с городами: Сумы, Ахтырка, Лебедин, Харьков, Изюм. Это народное движение в сторону Москвы задавало вектор развития русского народа в областях, занятых Польшей и Литвой. Верхи Запорожского казачьего войска во главе с гетманом никак не могли этого не заметить. Им оставалось либо возглавить естественное народное движение, либо, устранившись от него, оказаться на обочине исторического процесса.

В 1652 году война возобновилась. Богдан осадил Каменец-Подольский, чтобы отдать его султану, однако успеха не имел. Сын гетмана Тимофей, вступив в брак с дочерью Лупула, воевал в Молдо-Валахии, где в 1653 году погиб при обороне крепости Сочавы.

Видя безнадёжность положения, Хмельницкий активизировал свои тайные переговоры с Москвой. Они завязались ещё в 1649 году по инициативе патриарха Иерусалимского Паисия, который, будучи проездом в Москву через Украину, побуждал к тому гетмана. Сначала Хмельницкий просил военной помощи, обходя стороной вопрос о подданстве народа Украины русскому самодержцу. Но военные поражения и новый кабальный договор Запорожского войска с Речью Посполитой заставили Хмельницкого быть сговорчивее.

В 1651 году вопрос о подданстве народа Малороссии был вынесен в Москве на обсуждение Земского собора. Главным аргументом в пользу принятия этого подданства было всё нараставшее гонение в Речи Посполитой против православной веры. Решение собора было таким: если гонение не прекратится, то Московское государство вынуждено будет заступиться за единоверных братьев.

В 1653 году просьбы Хмельницкого о подданстве царю стали особенно настойчивыми. Тогда же Москва направила своих послов в Варшаву, которые изложили здесь свои претензии, заключавшиеся в нападениях польско-литовских людей на пограничные московские земли, захват крестьян с их насильным переселением в Речь Посполитую, переговоры с Крымом о совместных военных действиях против Русского государства. Однако все эти обиды Москва готова простить, если прекратится гонение на православную веру, а захваченные унией храмы будут возвращены. После успехов в войне против казаков Речь Посполитая стала неуступчивой, и московские послы возвратились ни с чем.

Нужно обратить здесь внимание на единственное по большому счёту требование Москвы к Варшаве: дать в юрисдикции Речи Посполитой свободу православному вероисповеданию. Москва соглашалась на многие уступки ради исполнения этого требования и не желала войны. Однако Варшава отказалась предоставить значительной части своих граждан свободу исповедовать христианскую православную веру.

Тогда в том же 1653 году в Москве был созван новый Земский собор для обсуждения малороссийского вопроса. Здесь были перечислены все польские неправды и представлены ходатайства запорожских казаков о подданстве.

Как пишет Иловайский, в соборной формулировке «указывалось на то, что король Ян Казимир при своём избрании присягал на свободе «разнствующих» христианских вероисповеданий и заранее разрешал подданных своих от верности и себе от послушания, если он не сдержит сей присяги и начнёт теснить кого за веру, а так как он присяги своей не сдержал, то православные люди сделались вольными и могут теперь вступить в подданство иному государю». Собор высказался единогласно за принятие в подданство русскому самодержцу народа Малороссии. Всем было очевидно, что это означало войну против Речи Посполитой, поэтому тут же были приняты необходимые решения военного характера. Собор завершился в праздник Покрова Пресвятой Богородицы. В Малороссию были отправлены уполномоченные лица во главе с боярином Василием Васильевичем Бутурлиным для принятия присяги на верность русскому самодержцу.

Мы видим, что Московский собор 1653 года действовал строго в правовом поле. После обличения короля Яна Казимира в попрании его собственной присяги, после обнародования многочисленных фактов преследований за православие как уже самое последнее средство разрешения конфликта была избрана война. А началась она не передвижениями войск, а свободным волеизъявлением населения Украины, что было для Варшавы хуже любых поражений на поле боя. Народ массово отказывался оставаться под властью короля-иезуита и кардинала Яна Казимира.

Для принесения присяги Запорожского казачества и всего народа Малороссии на подданство русскому царю гетманом Хмельницким был избран город Переяслав. Русское посольство прибыло в него 31 декабря 1653 года. Здесь в Успенском соборе состоялся торжественный молебен о здравии русского самодержца и всей царствующей фамилии.

8 января 1654 года на соборной площади Переяслава открылась Рада. Был созван весь народ во главе с войсковыми

старшинами, образовав собою круг. Посреди него гетман произнёс такую речь:

— *Панове полковники, есаулы, сотники и всё войско Запорожское, и все православные христиане! Ведомо вам всем, как нас Бог освободил из рук врагов, гонящих Церковь Божию и озлобляющих всё христианство нашего православия восточного, что уже шесть лет живём без государя в нашей земле в беспрестанных бранях и кровопролитиях с гонители и враги нашими, хотящими искоренить Церковь Божию, дабы имя русское не помянулось в земле нашей; что уже вельми нам всем наскучило, и видим, что нельзя нам жити более без царя. Для того ныне собрали есмы раду явную всему народу, чтоб есте себе с нами обрали государя из четырех, которого вы хотите.*

Назвав Турецкого султана, Крымского хана, Польского короля и Московского царя, гетман завершил свою речь словами:

— Кроме его высокия царския руки благишайшего пристанища не обрящем, а будет, кто с нами не согласует, теперь куды хочет, — вольная дорога.

На эту речь весь народ возопил: «Волим под царя восточного православного!»

Полковник Тетеря, обходя круг, на все стороны спрашивал: «Все ли так соизволяете?»

«Все!» — единодушно отозвался народ.

«Буди тако!» — молвил гетман. — «Да Господь Бог нас укрепит под его царскою крепкою рукою».

«Боже, утверди, Боже, укрепи, чтоб есмы вовеки вси едино были!» — повторял народ.

После этого гетман отправился к царскому послу Бутурлину на съезжий двор. Здесь боярин вручил Хмельницкому подписанную царём грамоту. Иловайский поясняет: «Гетман поцеловал её, распечатал и, отдав писарю Выговскому, велел читать вслух. После прочтения гетман и полковники выразили свою радость и свою готовность служить, прямить и головы складывать за государя. Спросив их царским именем о здоровье, Бутурлин обратился к гетману с речью, в которой изложил вкратце о постоянно возобновлявшемся челобитье его Царскому Величеству принять Запорожское войско под его высокую руку, о тщетных попытках царя помирить казаков с поляками и удержать сих последних от гонения на православную веру, о совершившемся согласии царя на челобитье. Закончил боярин призывом к верной службе государю и обещанием царской милости войску и обороны от врагов».

После того все отправились в Успенский собор, где должно было состояться оглашение текста присяги. Но тут про-

изошла заминка. Хмельницкий стал требовать, чтобы Бутурлин именем царя дал присягу не нарушать вольностей Запорожского войска. Бутурлин ответил, что подданные приносят присягу государю, а не наоборот. Хмельницкий просил времени посоветоваться с казацкой старшиной. Духовенство, облачённое в ризы, и русское посольство ждали в соборе. После некоторых препирательств и ссылок на прежние договоры с Речью Посполитой, казаки в ответ на заверения Бутурлина, что царю не для чего лишать запорожцев их вольностей и доходов, согласились на требование посла.

Прибывший из Москвы архимандрит Прохор по Чиновной книге привёл гетмана и казачью старшину к присяге царю. После того Бутурлин с Хмельницким проследовали в карете на съезжий двор, прочие шли пешком. Посол вручил гетману царское знамя, булаву, ферязь, шапку и соболей, также вся казачья старшина получила подарки.

Как говорит Иловайский, «на следующий день архимандрит с освященным собором в том же храме приводили к присяге сотников, полковых есаулов и писарей, простых казаков и мещан. Затем послы вытребовали от гетмана росписи городам и местам, которыми владеет войско Запорожское, для того чтобы в большие города ехать самим для отобрания присяги, а в иные послать стольников и дворян».

Мы видим в этой процедуре то же, что сейчас именуется референдумом, с той, правда, разницей, что там каждый гражданин не только подавал свой голос, теряющийся в хоре других голосов, но и давал присягу на верность главе государства, гражданином которого становился. Далее нужно заметить: никакого договора равноправных сторон, о котором пишут, извращая действительность, нынешние украинские историки, между Московским царством и Запорожским войском не было. Имела место присяга на подданство без всяких условий. Царь лишь жаловал в качестве жеста доброй воли войско некоторыми вольностями, которые не противоречили принципам и устоям Москвы.

Далее Иловайский пишет: *«В происходивших затем беседах гетмана с послами он высказывал пожелания, которые просил довести до государя. А именно: во-первых, чтобы всякий оставался в своём чину, шляхтич шляхтичем, казак казак, а мещанин мещанином, а по смерти его маетность не отнимать у жены и детей, как то делали поляки, которые эти маетности отбирали на себя; во-вторых, учинить войско Запорожское в 60.000 человек, да хотя бы и больше того, тем лучше, потому что «жалованья они Царского Величества на тех казаков не просят».* Послы обнадёжили гетмана царским

согласием на эти пожелания. Все же имена королевские, панские, католических церквей и монастырей условлено было отобрать на государя».

Бутурлин отправил своих людей для принятия присяги на верность царю в 17 малороссийских полков, а сам 16 января прибыл в Киев. Здесь он был торжественно встречен казаками и духовенством во главе с митрополитом Сильвестром Коссовым и Печерским архимандритом Иосифом. Процессия прибыла в Софийский собор. Здесь Бутурлин обратился к Киевскому митрополиту. Упомянув о неоднократных челобитьях государю гетмана и всего войска Запорожского с просьбой принять их под государеву высокую руку, боярин сказал, что митрополит Сильвестр ни разу в этих челобитьях не участвовал и «царской милости себе не поискал». Бутурлин прямо при народе спросил иерарха о причине такой холодности. Митрополит Сильвестр, смутившись, заявил, будто не знал о тех челобитьях. Ещё два дня митрополит Киевский, архимандрит Печерский со служившей при их дворах шляхтой отказывались присягать царю, однако упорство их было сломлено настойчивостью московских послов. Объяснялось же оно опасением митрополита утратить связь с епархиями, что оставались в составе Речи Посполитой.

В марте 1654 года в Москву прибыло посольство от Запорожского войска с челобитной, где были изложены просьбы о всяких вольностях, которые были удовлетворены, за исключением ходатайства о царском жаловании для шестидесяти тысяч реестровых казаков и права сноситься с иностранными государствами.

23 февраля 1654 года в Киев прибыли с войском московские воеводы князья Фёдор Куракин и Фёдор Волконский. Осмотрев город, они первым делом решили построить крепость. Выбрали наилучшее для этого место. Земля здесь оказалась церковной. И хотя митрополиту для компенсации предлагалось обменять её на другой, равноценный, участок земли, он наотрез отказался, добавив, что готов вооружённой силой защищать свою землю. При этом митрополит пришёл в раздражение, отчего переходил в своих речах с русского языка на польский. Наконец, он открыто заявил о своём нежелании быть под властью Москвы. А воеводам предрёк несчастье словами: «Почекайте (то есть ждите) себе конца вскоре». Однако московские воеводы были непреклонны. Они послали представителей Запорожского войска и киевских бурмистров переубеждать архиерея. Тем удалось это сделать, да так, что тот стал просить прощения и молил, чтобы его прежние слова не передавали царю. На просьбу о прощ-

нии воеводы ответили: «Бог простит», а что касается передачи его слов царю, заявили: «утаити (этого) никоими мерами нельзя».

Летом того года приезжал в Москву через Украину Антиохийский патриарх Макарий. В его свите был архидиакон Павел Алеппский, оставивший записки о путешествии. Из его слов следует, что православные иерархи Украины и настоятели богатых монастырей совершали торжественные выезды в каретах в окружении богато одетой вооружённой шляхты. Этот обычай был перенят у папистов. Видимо, зная о куда более скромном жительстве иерархов Московского государства, митрополит Сильвестр не очень-то желал оказаться одним из них.

Весной 1654 года царское войско выступило в поход против Речи Посполитой. На протяжении этого и следующего года были захвачены Смоленск, Белоруссия и отчасти Литва, Подолия, Волынь. Осада Львова не принесла успеха, в том числе по той причине, что представители львовского гарнизона в ходе переговоров искусно возбуждали взаимное неудовольствие между царским войском и казаками.

Отчаянным положением соседнего государства воспользовался шведский король Карл X. В июне 1655 года он захватил Польшу и часть Литвы, не входя в соприкосновение с русскими войсками. Ян Казимир вынужден был спасаться в Австрии (его мать была австрийской принцессой). Польский король не терял здесь времени даром, развернув бурную дипломатическую деятельность. Его заветным желанием стало сравнить между собой своих врагов — Швецию и Россию. С этой целью от имени императора Фердинанда III было отправлено в Москву посольство во главе с иезуитом доном Аллегрети де-Аллегретис. Посольство сумело подольститься к царю и патриарху среди прочего и тем, что величало царя самодержцем Великой, Малой и Белой Руси, Подолии, Волыни, великим князем Литовским. Более того: иезуит посулил, что будет добиваться избрания Алексея Михайловича королём Речи Посполитой. Теоретически это было возможно, поскольку король в Польско-Литовском государстве был выборной должностью. Однако на практике при всей ненависти правящего класса (шляхты) ко всему православному и русскому было просто немислимо.

Прибывшее в то же время в Москву шведское посольство отказывалось величать царя новыми титулами. К радости австрийских послов со шведами обошлись холодно. Итогом же переговоров стало объявление Россией войны Швеции.

Весной 1656 года царь двинул войска на Ливонию, где были захвачены Дерпт, Динабург, Кокенгаузен, Нейгаузен и Мариенбург. Были достигнуты успехи и в Ингерманландии. Осада же Риги стоила больших потерь, но не увенчалась победой. Война продолжалась два года, закончившись трёхлетним перемирием, чем обе стороны пока остались довольны. Потому что Речь Посполитая к тому времени открыла военные действия против Москвы, а Швеция объявила войну Дания.

Между тем, Хмельницкий и его казачье войско остались крайне недовольны прекращением военных действий против поляков, равно как и мечтами Алексея Михайловича о польской короне. Гетман учтиво писал царю, что полякам нельзя верить, что они лишь тянут время, дабы собраться с силами для удара по русским. Однако увещания Богдана не имели силы.

Гетман, не спрашиваясь царя, завязал переговоры с другими государствами. При этом сообщал Алексею Михайловичу, что намечается союз Речи Посполитой, Австрии, Турции, Крыма против Москвы. В преддверии витка тяжёлых испытаний в июле 1657 года Богдан Хмельницкий умер.

В последующие тридцать лет Украина неуклонно погружалась в хаос, и если бы не дружеское плечо России, народ её расплескало бы по окрестным странам подобно тому, как сильный ветер расплёскивает воду из широкой, но мелкой посуды.

Митрополит Сильвестр Коссов, поначалу выказавший строптивость, впоследствии примирился с подданством Москве. А вот Иван Выговский, бывший при Хмельницком войсковым писарем и вполне себя обеспечивший материально, более симпатизировал олигархическому строю Речи Посполитой. Добившись гетманской булавы, он завязал тайные сношения с поляками. Митрополит Сильвестр преставился незадолго до Богдана Хмельницкого. И теперь стараниями Выговского в митрополиты был избран пропольски настроенный епископ Луцкий Дионисий Балабан. Так составилась пародия на симфонию властей, когда гетман с митрополитом стали втайне готовить измену Москве и своему народу (который дал добровольную присягу на верность царю).

Во главе прорусской партии в Запорожском войске выступил тогда Полтавский полковник Пушкарь. Чтобы не дать ей усилиться, 1658 году, призвав на помощь крымских татар, Выговский двинул войско на Полтаву. На подступах к городу произошло сражение, в ходе которого Пушкарь погиб. Полтава же была отдана на разграбление татарам.

Когда предательство Выговского сделалось явным, царь назначил в Киев нового воеводу — боярина Василия Борисовича Шереметева и послал подчинённых ему воевод с гарнизонами в главнейшие украинские города: Белую Церковь, Корсунь, Нежин, Чернигов, Полтаву и Миргород. В августе 1658 года Выговский привёл к Киеву двадцатитысячное казачье войско и татар. К ним примкнул со своими людьми и киевский полковник Павел Яненко. Московское войско сделало из осаждённого города вылазку, разгромив табор Выговского, после чего гетманское войско разбежалось. На следующий день был разбит полковник Яненко. Попавшие в плен казаки рассказывали, что их силой повели против царского войска. Вняв их мольбам, Шереметев распустил попавших в плен по домам.

После того Выговский сбросил маску и заключил формальный договор о возвращении Украины в подданство Речи Посполитой. Этот договор льстил его самолюбию, потому что представлял как для казачества, так и для высшего православного духовенства очень выгодные условия. Правда, существовали они лишь на бумаге.

Нужно обратить здесь внимание на то, что, принимая Украину в русское подданство, царские послы добивались присяги от всего народа, тогда как Речи Посполитой, а позднее Турции, достаточно было мнения одного лишь гетмана и казачьей старшины.

Шереметев, видя, что началась открытая со стороны Запорожского войска против Москвы война, требовал подкреплений, но их не было, потому что царские войска были на войне против шведов. Пользуясь этим, Выговский в октябре 1658 года привёл под Киев пятидесятитысячное казачье войско и татар. У Шереметева же было лишь семь с половиной тысяч вооружённых людей. Тем не менее, все приступы казаков и орды были отбиты.

В октябре того же года, добившись своих целей, сняли с себя маску благодушия поляки: переговоры об избрании Алексея Михайловича на польский престол превратились в требование очистить от русского присутствия Литву, Белоруссию и Украину. В Литве были возобновлены военные действия. Лишь весной 1659 года, когда русские со шведами стали предпринимать взаимные усилия для заключения мира, царь смог послать войско на Украину под предводительством князя Трубецкого. Выговский вместе с союзными татарами заманил его в ловушку и нанёс поражение, так что Трубецкой должен был убраться и зализывать раны в Путивле.

Ощувив, что руки у него развязаны, Выговский принялся добиваться покорности себе Украйны террором. Те города, что добровольно не открывали ему ворота, он отдавал на разграбление. А те, что открывали ворота, облагались контрибуцией и должны были выдавать заложников. Такие порядки оказались хуже польских. Поэтому началось повсеместное восстание против Выговского. Одновременно поощряемые Москвой вновь избранный запорожский атаман Иван Серко и донские казаки напали на Крым с целью отвлечь татар от поддержки войск Выговского.

Цель была достигнута: после убийства орды восстание стало разрастаться, так что казаки с мещанами вновь массово приносили присягу на верность Московскому царю. Выговский предпринял ещё одну попытку захватить Киев, но был отбит. Тогда он ушёл к Белой Церкви, где стоял польский гарнизон, потому что своим казакам гетман не доверял. В сентябре 1659 года составила рада, низложившая Выговского и избравшего в гетманы младшего сына Хмельницкого Юрия.

1660 год начался неудачами для России в Литве и Белоруссии. После подписания мира со шведами Ян Сигизмунд бросил сюда освободившиеся войска. Русским воеводам пришлось с боями отступать на восток. Не оставляли поляки своим вниманием и Малороссии. Здесь их усилия сосредоточились на фигуре юного гетмана.

Впервые увидев Юрия, воевода Шереметев сказал своим людям: «Этому гетманишке впору гусей пасти, а не гетманствовать». Если царь Алексей Михайлович поддастся хитростям польской дипломатии, что говорить об окружённом своекорыстными людьми молодом Хмельницком!

Увы, царский воевода, уже натерпевшийся от казацких измен, защищая Киев, доверился Юрию с его окружением! В августе 1660 года Шереметев повёл пятнадцатитысячное московское войско на Львов, присоединив к нему двадцать тысяч казаков. Юрий с другой частью казаков должен был следовать ко Львову иной дорогой. Польское тридцатитысячное войско стояло в Межибоже на берегу Буга. К нему присоединились сорок тысяч татар. А Юрий Хмельницкий со своей частью войска просто пропал и не подавал о себе вестей.

4 сентября произошло сражение. Видя превосходство врага в коннице, Шереметев приказал соорудить из возов крепость, укрепил её валом и рвом. После двенадцати дней осады под проливным дождём из-за недостатка провианта Шереметев решил организованно отступить. Возы были скреплены между собой, на них поставлены пушки, а между воза-

ми двигалось войско. Впереди этой движущейся крепости шли рабочие, прорубавшие в лесу просеку. Поляки предприняли попытку атаковать крепость с фронта, но с большими потерями были отбиты. Потом на пути русского войска оказалось болото. Пока его преодолевали, неприятель сумел вклиниться в подвижную крепость и отсечь третью часть. Шереметев продолжил движение с основными силами до города Чуднова, где расположился укрепленным лагерем, послал к оставшимся в лесу для прорыва окружения сильный отряд. Между тем, Юрий Хмельницкий со своим войском уже стоял в пятнадцати верстах от Чуднова, но бездействовал. Гетман говорил через посланцев, будто ему мешают приблизиться к Шереметеву татары.

Всё еще веря Хмельницкому, царский воевода решил сам двигаться в его сторону, потому что войско уже страдало от голода, а лошади умирали от бескормицы. 4 октября Шереметев направил передвижную крепость в сторону Хмельницкого. Но враг через казаков-предателей уже знал о времени выдвижения и маршруте. Поэтому встретил передвижную крепость в подходящем месте мощным артиллерийским огнём. Пока русское войско изнемогало от постоянных стычек с врагом и голода, Юрий Хмельницкий 8 октября подписал с польскими гетманами договор о подданстве Запорожского войска Речи Посполитой.

Казакам, бывшим в войске Шереметева, об этом было сообщено, и часть их во главе с полковником Цецурой решила отделиться от прежних товарищей по оружию. Несколько их тысяч вышли из укрепленного лагеря, однако татары, которым не сообщили о переходе казаков на польскую сторону, принялись их истреблять, порубив несколько сотен. Часть казаков разбежалась, часть вернулась в русский лагерь. В итоге Цецура со всего лишь двумя тысячами казаков оказался на стороне поляков.

Шереметев просил помощи из Киева у своего товарища князя Бяратинского. Тот с трудом сумел собрать только три тысячи войска и выдвинулся с ним в поход. Однако узнав об измене Хмельницкого и переходе Запорожского войска на сторону поляков, вернулся в Киев, чтобы оборонять его.

Шереметев, люди которого медленно умирали от голода, 15 октября вступил в переговоры о мире. Он согласился вывести царские гарнизоны из украинских городов в обмен на жизнь своего войска. Сам он и высшие начальники должны были остаться заложниками до тех пор, пока условия мира московской стороной не будут выполнены. Подписание мирного договора состоялось 23 октября.

Стоило русским сложить оружие, поляки тотчас нарушили мирный договор. Вся военная сила, включавшая в себя около десяти тысяч казаков и примерно столько же московского войска, была отдана в неволю татарам. Самого Шереметева они отвезли в Крым, где воевода провёл в плену двадцать один год, до заключения Москвой мира с татарами, когда его позволили выкупить за сорок тысяч рублей.

Победы, достигнутые не в честном бою, а с помощью обмана и измены, не бывают прочными. И счастье, построенное на предательстве, недолговечно. Левобережная часть Украины и Запорожье предпочли власть царя власти казацкой старшины, со стороны которой вполне уже обнаружилось стремление укрепить крепостям, чтобы встать на одну ногу с польской шляхтой.

В 1661 году Москва подписала мирный договор со Швецией, по которому должна была уступить все завоёванные недавно территории, вернувшись к условиям Столбовского мира 1617 года. На протяжении 1661—1662 годов поляки отвоёвали у Москвы Литву и Белоруссию при деятельной поддержке местной шляхты.

Юрий Хмельницкий пытался заигрывать то с Польшей, то с Москвой, добившись этим только всеобщего к себе недоверия. В 1662 году он предпринял попытку военной экспедиции на Левобережную Украину, однако неудачно. Итогом стало его не вполне добровольное пострижение в монахи.

Украина тогда разделилась на две части — Правобережную, где опять начали хозяйничать поляки, и Левобережную, остававшуюся в русском подданстве. Гетманом Правобережной Украины стал полковник Павел Тетеря, Левобережной — Иван Брюховецкий, к тому времени сумевший подольститься к Москве. Своих политических соперников полковников Золотаренко и Самко он оклеветал в измене и добился их смертной казни с санкции Москвы. Выговский начал было плести интриги против Павла Тетери, но был пойман и по приказу гетмана расстрелян.

В ноябре 1663 года начал поход на Левобережную Украину король Ян Казимир с сорокатысячным коронным войском и татарами. Однако успехов не добился, поскольку местное население относилось теперь к полякам и татарам с крайним раздражением и не давало захватчикам покоя.

На Правобережной Украине велись военные действия с переменным успехом. Однако видя, что население здешнее склоняется более в сторону Москвы, нежели Речи Посполитой, гетман Тетеря сложил с себя полномочия и убрался в Польшу. Новым гетманом Правобережья провозгласил себя

некий Стефан Опара. Воспользовавшись смутой, объявил себя гетманом и Пётр Дорошенко. Он сумел схватить Опару и отправил его в Польшу.

Левобережный гетман Брюховецкий, на которого поступали жалобы в Москву от городов и духовенства, делал немало для того, чтобы угодить царю и его приближённым. Апогеем его славы стал приезд в Москву со свитой. Здесь он был пожалован саном боярина, взял в жёны девицу княжну Долгорукову, его приближённые были пожалованы дворянством. Столь явными движениями, нацеленными на то, чтобы выделиться из казацкого общества, Брюховецкий и без того нелюбимый за своё сребролюбие, стал для некоторых просто ненавистен.

Последним обстоятельством воспользовался правобережный гетман Дорошенко. Перетягивая левобережных казаков, недовольных Брюховецким, он значительно преуспел в своём деле, так что возмечтал составить собственное государство наподобие Молдавии с Валахией, как несколько ранее пытался это сделать Богдан Хмельницкий.

Заручившись поддержкой султана и получив от него помощь татарской конницей, осенью 1666 года Дорошенко напал на польское войско, разбил его и принялся вместе с татарами грабить Подолию с Галицией. Этот набег сделал Речь Посполитую сговорчивее в мирных с Москвой переговорах. Тогда было заключено Андрусовское перемирие на 13 лет, по которому Левобережная Украина оставалась за Москвой, Правобережная — за Речью Посполитой. При этом Москва обязалась оставить Киев к 1669 году.

Между тем, Дорошенко продолжал сеять смуту, распространяя слухи, будто Москва с Речью Посполитой совместными усилиями хотят уничтожить Запорожское казачество.

О нравственной, если можно так выразиться, физиономии тогдашних гетманов и казацкой старшины лучше всего даёт представление расправа, обставленная в качестве какой-то игры без правил, с царскими и крымскими послами. В 1667 году царь вёл переговоры о мире с ханом Аадиль-Гирем. Ради этого в Крым был направлен послом Лодыженский. По Украине его сопровождали запорожские казаки. Внезапно они напали на ехавших с Лодыженским татарских послов и перерезали их, а Лодыженского взяли в плен и привезли в Запорожье. О задержании царского посла было сообщено Брюховецкому, но тот не спешил с распоряжениями. Лишь через месяц после приказа из Москвы он принялся настаивать, чтобы Лодыженского запорожцы препроводили в Крым. Когда распоряжение собрался исполнить запорожский кошевой атаман Ждан Рог, его свергли, избрав атаманом Ва-

сютенко. Тот посадил посольство в лодки, и они начали движение по Днепру. Однако около пятисот казаков поскакали вдоль берега и потребовали сопровождавших пристать. Здесь посольство заставили раздеться донага и прыгать в воду. Казаки начали стрелять по плывущим из пищалей, в числе прочих был убит и Лодыженский.

Дорошенко добивался власти над левобережным казачеством, а через него — над всей левобережной Украиной. Брюховецкий видел, что в Москве перестают ему доверять, и в отместку решил встать на сторону Дорошенко. В январе 1668 года левобережный гетман собрал на тайную раду казацких полковников. Здесь, скрепив себя клятвой, они договорились умертвить во всех украинских городах московских ратных людей. Почин в этом деле положил сам Брюховецкий. В городе Гадяче казаки внезапно напали на московский гарнизон из двухсот человек и перерезали его, взяв в плен воеводу. Подобный «подвиг» удался в ряде других городов. Однако там, где города были укреплены, а гарнизоны достаточно многочисленны, погромщиков ждало разочарование. В это время подошло царское войско во главе с князьями Константином Щербатовым и Григорием Ромодановским. Они стали отвоёвывать захваченные казаками-клятвопреступниками города.

Дорошенко, не желая делить гетманскую власть с Брюховецким, потребовал от него знаки гетманской власти. Тот обратился за покровительством к султану. По распоряжению последнего на помощь Брюховецкому пришли татары, и тот со значительной воинской силой стал приближаться к войску Дорошенко. В самый решительный момент ближайшее окружение левобережному гетману изменило и передалось Дорошенко. А тот позволил разъярённой толпе недовольных забить своего соперника насмерть.

После этого провозгласил себя гетманом Левобережья Демьян Многогрешный. Он поставил целью возобновить московское подданство Украины. Его помощником и вдохновителем стал архиепископ Черниговский Лазарь Баранович. Они завязали с Москвой переговоры, поначалу требуя всяких казацких вольностей и чтобы московские гарнизоны не стояли по украинским городам. Однако сравнивая поведение московских войск, пусть не всегда безупречное, с дикой анархией казаков и татар, города сами слёзно просили о защите их московскими ратными людьми от всевозможных разбойных нападений.

На Правобережной Украине тоже объявился новый гетман — писарь Суховеенко из Запорожья. Он вступил в пере-

говоры с ханом и получил от него в помощь войско, с помощью которого стал теснить гетмана Дорошенко. К тому времени последний принёс присягу на верность Речи Посполитой, тут же начав переговоры с Москвой. Суховеенко сложил с себя гетманские полномочия, передав их Ханенко. Тот присягнул на верность Речи Посполитой. Когда Дорошенко стал брать верх, Суховеенко с Ханенко отправились в Запорожье. Снявший с себя к тому времени монашество Юрий Хмельницкий пристал к Суховеенко и Ханенко, но попал в плен к татарам, и был отправлен в Константинополь.

Дорошенко решил проверить с левобережным гетманом Многогрешным примерно ту же операцию, что и с Брюховецким. Принялся льстить и выставлять выгоды общего подданства султану. Многогрешный повёлся на эту уловку. Известно: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Как-то в марте 1672 года Многогрешный в пьяном виде принял публично хулить московские власти, а на пытавшихся его урезонить бросался с обнажённой саблей. Не желая повторять истории с бунтом Брюховецкого, казачья старшина схватила гетмана и отправила его вместе с братом Василием под конвоем в Москву. Здесь Многогрешных пытали и приговорили обоих к отсечению головы. Перед самой плахой им было объявлено о помиловании. Вместе с семьями братья Многогрешные отправились на поселение в Сибирь.

В июне 1672 года была созвана в поле между Путивлем и Конотопом рада, на которой в левобережные гетманы был избран Иван Самойлович, сын священника. На раде присутствовал архиепископ Черниговский Лазарь Баранович. После избрания был отслужен благодарственный молебен, а затем архиепископ тотчас привёл Самойловича и казацкую старшину к присяге на верность царю. В этом случае мы видим пример подлинного единства двух властей — духовной и государственной. Было живо в русском народе Украины понимание, что присяга перед святым Крестом и Евангелием приносится не ради сиюминутных политических выгод, а раз и навсегда и что нарушение присяги — великий грех перед Богом. И нужно было дать ответ народной совести возобновлением ранее данной присяги — что она не пустой звук, но дело, требующее каждодневного подвига.

В том же году султан Магомет IV пошёл на Речь Посполитую с двухсоттысячной армией, в состав которой входили войска крымского хана, господарей Валахии с Молдавией и казаки Дорошенко. На берегах Буга их встретило польско-казацкое войско под предводительством кастеляна Лужецкого и гетмана Ханенко. Первая битва была ими выиграна.

Лужецкий погнался за отступившими татарами, был окружён и едва спасся, а его конница подверглась истреблению. Султан захватил город Каменец.

Затем он осадил Львов. Сюда прибыли польские комиссары для заключения мира. Согласно договору, к Турции отходила Подолия и Украина; кроме того, ежегодная дань султану от Речи Посполитой должна была составлять 220000 червонцев, а Львов за снятие с него осады должен был выплатить 80000 талеров.

В 1673 году гетман Дорошенко стал проситься в московское подданство, но предлагал такие условия, которые позволили бы ему иметь лишь номинальную зависимость от Москвы. При этом он требовал, чтобы казаки стали на Украине чем-то вроде шляхты в Речи Посполитой. Одновременно с переговорами Дорошенко посылал на Левобережье поджигателей, которые жгли города и селенья.

Тогда же стал проситься в русское подданство гетман Ханенко. Для проверки искренности его намерений ему было приказано начать военные действия против Дорошенко, приводя к присяге на верность царю всё правобережное казачество. Ханенко действительно начал против Дорошенко войну. В 1674 году к нему присоединились левобережный гетман Самойлович и царский воевода князь Ромодановский. Они вошли на Правобережье с восьмидесятитысячным войском и начали захватывать один город за другим. В большинстве города переходили в московское подданство добровольно. Дорошенко убрался в Чигирин, откуда послал за помощью к татарам и туркам.

17 августа того же 1674 года в Переяславе для избрания правобережного гетмана составила рада. Однако казаки не желали дробить войска и стали избирать общего гетмана для Правобережья и Левобережья. Им стал Самойлович. Ханенко сложил здесь с себя гетманские полномочия, после чего был назначен Уманским полковником.

Дорошенко, чтобы выиграть время, послал Самойловичу свои поздравления. Когда же ему на помощь пришли турки с татарами, переменил тон, вновь открыв враждебные действия. Измученное постоянными набегами татар, турок и казаков население правобережной Украины массово переселялось за Днепр, переходя в русское подданство. А правобережье всё более превращалось в пустыню.

Удивительное непостоянство Дорошенко вконец утомило Москву. Уже при царе Фёдоре Алексеевиче в 1676 году князь Ромодановский и гетман Самойлович подошли к Чигирину и начали осаду города. Из него вышли мещане с духовен-

ством и присягнули на верность царю. Лишь после этого Дорошенко согласился сдать город. Он сложил с себя гетманские полномочия и дал присягу на верность царю. Бывший гетман был доставлен в Москву, получил царские милости, одно время служил воеводой в Вятке, умер же в Москве в 1698 году.

Тем временем султан Магомет IV, уже почитавший Малороссию своей собственностью, направил сюда доселе содержавшегося в Константинополе Юрия Хмельницкого, наделив его званием гетмана и саном князя Малороссийского. В 1677 году вместе с турками и татарами Юрий осадил Чигирин, но все попытки взять город были отбиты московским гарнизоном.

В 1678 году турки с татарами вновь осадили Чигирин. Ему на помощь выступило русское войско во главе с князем Ромодановским и гетманом Самойловичем. Произошло кровопролитное сражение, в ходе которого мусульманское войско было обращено в бегство. Несколько позднее турки снова подошли к Чигирину и взяли его приступом. Русские, покидая город, устроили взрыв такой силы, что число погибших турок исчислялось тысячами, а потому и радость от победы была для них сомнительной.

Русское войско ушло за Днепр, а на Правобережье стал хозяйничать турецкий подданный Юрий Хмельницкий. Своими жестокостями над населением монах-расстрига настолько превзошёл своих предшественников, что даже для турок это стало неприемлемо. Хмельницкий был отозван в Константинополь, где и сгинул, а на его место в качестве гетмана был поставлен Молдавский господарь Иоанн Дука.

Он действовал осмотрительнее и, ввиду запустения Правобережной Украины, принялся переманивать посулами всяких льгот русских подданных в турецкое подданство. Тогда московское правительство занялось обустройством Слободской Украины, передвинув полосу укреплений с цепью крепостей на юг. Ещё ранее здесь были организованы казацкие полки Харьковской, Ахтырской, Сумской, Острогожской, не входившие в Запорожское войско и подчинявшиеся напрямую Москве. На Слободской Украине стали обустроиваться для постоянного жительства новые переселенцы с правого берега Днепра.

В 1682 году с турками было заключено Бахчисарайское перемирие, согласно которому Левобережная Украина, Киев и Запорожье признавались принадлежащими Московскому государству, а Правобережная Украина — Турции.

Когда обстановка на левобережье успокоилась, гетман Самойлович решил заняться церковными делами, потому что

митрополита Киевского практически не было — имелся лишь местоблюститель митрополичьего престола архиепископ Черниговский Лазарь Баранович. Выбор Самойловича пал на епископа Луцкого Гедона, бывшего родом из князей Четвертинских. 8 июня 1685 года в киевском Софийском соборе состоялось избрание митрополита, им был назван Гедон. Для своего посвящения он отправился не в Константинополь, а в Москву. 8 ноября патриарх Иоаким посвятил его в митрополиты, при этом Киевская митрополия заняла первое место в иерархии Московского патриархата, сохранив за собой некоторую автономию — право по внутренним судебным делам не ссылаться с патриархом. На такой шаг Московский патриарх не пошёл бы, не будь на то предварительного согласия Константинополя. После щедрых раздач подарков греческим иерархам и турецким властям в 1686 году присоединение Киевской митрополии к Московскому патриархату было узаконено формальным образом. Туркам после их поражения под Веной в 1683 году нужен был мир с Москвой, и они пошли на уступку в вопросе Киевской митрополии.

В 1686 году в Москве был заключён мир с Речью Посполитой. По нему Левобережная Украина признавалась собственностью Российского государства, включая Киев, за который полякам было уплачено 146 тысяч рублей серебром. Власти Речи Посполитой вновь взяли на себя обязательство обеспечить в своих владениях свободу исповедания православной веры. Москва же обещала начать военные действия против Крыма.

Гетман Самойлович открыто высказал своё недовольство условиями мира, делая особенный упор на вероломство поляков, подкрепляемое Римской курией, потому что любой папа готов отменить всякую клятву, всякий договор своих подданных, если он не соответствует его интересам.

В соответствии с договором, Московское войско весной 1687 года во главе с князем Василием Голицыным выдвинулось в сторону Крыма. По пути к нему присоединилось войско Запорожское. Татары подожгли степь, вследствие чего движение на Крым стало невозможным. Преданный Москве гетман Самойлович был оклеветан казацкой старшиной во главе с Иваном Мазепой и на основании доноса сослан в Сибирь. Его старший сын Григорий подвергся казни. Гетманом же избрали при деятельной поддержке Голицына Мазепу.

Выше, быть может, слишком подробно представлена история превращения Украины в руину и вместе с тем трудное, медленное встраивание её населения в жизнь Русского госу-

дарства. Сколько крови, слёз, трудов, надежд и разочарований стоила эта интеграция!

Не отдавал Богдан Хмельницкий никакой «незалежной» Украины Москве! Он смиренно просил о подданстве, отвечая глубинному запросу своего народа. Отдавали Украину, точно разменную монету, ради личных амбиций — то Речи Посполитой, то Турции — Иван Выговский, Пётр Дорошенко, Юрий Хмельницкий. Так что стихотворение Чубинского, часть которого стала гимном нынешней Украины, является не только экстремистским, но и в корне лживым.

Выбор у малороссов был не между «незалежной» Украиной и Россией (этим общим домом великорусской, белорусской и малороссийской народностей), а между Речью Посполитой, Турцией и Россией. Народ Малороссии сделал этот выбор, если выразиться образно, головой и ногами. Головой — принеся добровольную присягу русскому самодержцу, и ногами — массово переселяясь от взбесившихся от «незалежности» гетманов на восток, под высокую и крепкую руку царя православного.

Москва же к концу XVII века получила после подписания соответствующих мирных договоров с Речью Посполитой и Турцией не цветущий край, а разорённую десятилетиями беспрерывных войн руину вместе с головной болью о её благоустройстве.

п. Каменники Рыбинской епархии

ПОСЛЕ КОЛХОЗА

Отрывок из новой книги «Муниципальные люди»

1

Всё проходит.

На последнем собрании колхоза «Гривенный» пьяненький сторож Прошка сказал, показывая пальцем на президиум:

— И осталась у них одна корова. Председатель Кайло и правленцы гуртом гонялись за ней. Поймали, повалили, зарезали..., — голос Прошки дрогнул, он вытер рукавом глаза, сорвался на фальцет. — Зарезали и съели! И нема колхоза!

Бывший председатель Кайло маялся в конторе в ожидании новых хозяев. От нечего делать стал стрелять голубей на току и варить в полевом казане шулюм. На варево собиралось бывшее товарищество. В конторе накрывали длинный стол и гуляли до утра. Общая беда сближает людей, всем кажется, что умными словами можно поправить дело или оправдаться друг перед другом. По очереди говорили тосты. И, боже, какие речи звучали на застолье товарищества! Любят у нас говорить на торжествах и поминках. Ораторы выступают так забористо и так складно, как никогда не говорят на рабочих собраниях и у себя дома.

ПРОЗА

Секрет заключается в горилке, которую изготавливает бывший бухгалтер Уколович. Он настаивает ее на жерделовых косточках, добавляет индийские пряности и корицу. Такой напиток развязывает язык, человек начинает говорить, как по книжке, как он сроду не говорил. Товарищество же на застольях употребляет горилку исключительно от Уколовича. Никто не удивился поэтому, когда обычно молчаливый хуторской голова Валентин Тарасович Брудастый попросил слова, выпил рюмку и радостно объявил:

— Всем капец!

Поплевал на ладонь и стал загигать толстые пальцы.

— Колхозу, понятно, капец! Администрации и голове односторонне капец! Школе тоже капец! И медпункту капец! Останутся 70 муниципальных душ народонаселения хутора Гривенного, основанного, как и Загряжск, четырьмя с лишним лет назад. Скоро объявится боярин, новый владелец колхозных и хуторских муниципальных земель.

— А как же люди?

— Правильный вопрос. Докладываю по людям. В администрации числятся 70 человек. 40 пенсионеров в периоде дожития. 30 человек живут сами по себе, 15 из них работают в Загряжске. Муниципальным людям разрешено бесплатно пользоваться кладбищем, дорогой на кладбище и дорогой в Загряжск. Все остальные окружающие блага переходят в собственность нового владельца. Функции хуторской администрации передаются в Загряжск. Вместо хутора Гривенного теперь будет улица Заречная. Зачем хутор, администрация и голова, когда мы не можем за бюджет похоронить одинокого старика? Вы помните, как за неимением гроба мы в кульке провожали в последний путь муниципального человека, бывшего тракториста-орденоносца. Давайте, земляки, помянем хутор Гривенный и выпьем за новую жизнь на улице Заречной!

Разговор становился предметнее и содержательнее. Слова попросил ветеринар Лошак. Он был в синем рабочем халате и в темных очках, которые постоянно носил из-за вызывающе цветущего носа. Очки как бы отвлекали внимание. Нос цвел у ветеринара круглый год. В молодости обработал прыщик каким-то раствором из ветаптеки, и, видно, не совсем удачно. Вместо одного прыща выскочило еще несколько штук. А потом кожа навечно покрылась сплошной малиновой коркой и шелушилась.

— Я согласен с Брудастым, — важно сказал Лошак. — Медпункт закрыли из экономии. Но люди не остаются без медицины, и вы прекрасно знаете, кто оказывает помощь. Вы все мои клиенты, бросьте в меня камень, если что не так.

— Так! Так! — неохотно и вразнобой слышались голоса. Лошак вежливо покашлял в кулак и продолжал.

— Я долго не задержу ваше внимание. У нашего головы была шишка на голове, на самой макушке, извиняюсь за совпадение. Валентин Тарасович имеет честь быть лысым, шишка была видна издалека, неприятно. Медицина рекомендовала ему пластическую операцию за большие деньги. Он обратился ко мне, операция была сделана за десять минут. И всего за небольшой магарыч, который мы выпили вместе. Так, Валентин Тарасович?

— Так, — неохотно подтвердил голова.

— Еще пример. У товарища Кайло одно время был, я извиняюсь, пороссячий аппетит...

Товарищество засмеялось, председатель бывшего колхоза одернул ветеринара:

— Не надо про аппетит! Про личности не надо!

Но Лошак был уже в «теме» и, кроме того, принял рюмки три-четыре уколовки. Реплика только подстегнула рассказчика.

— Болезнь распространенная, особенно среди женщин. Но диагноз никто поставить не мог. Товарищ Кайло человек не бедный, и его доили в Загряжске кому не лень. При пороссячем аппетите он худел на глазах и платил деньги шарлатанам. Появилась характерная рассеянная походка, вялость и сыпь по всему телу. А также угрожающая умственной работе задержка мыслительной функции...

— Хватит! — умолял Кайло. — Налейте ему уколовки побольше!

Оратору подали граненый стакан, Лошак с жадностью выпил горилки, пожевал крылышко голубя и заторопился досказать.

— Я вовремя обратил внимание на товарища Кайло и пригласил его в ветаптеку. После пятиминутного опроса сомнений не было: аскаридоз! Это распространенное у свиней заболевание, глисты, не к столу будь сказано.

— Я прошу! Я тебе морду набью!

Кайло в ярости швырнул рюмку в ветеринара. Но нашлись защитники.

— Пусть человек скажет, зачем рот затыкать.

— Дело в том, — продолжал Лошак, торопясь, — что желудочно-кишечные тракты свиньи и человека идентичны. Следовательно, при аскаридозе человеку можно оказывать ветеринарную помощь. Это я говорю моим критикам, умникам, которые гробят людей дорогими лекарствами. А товарищу Кайло грех на меня обижаться, я его вылечил. Нечего рюм-

ками швыряться, я тоже могу стаканом ответить! Налейте, товарищи, я не железный...

Ветеринар укоризненно выпил полный стакан, вытер платком пылающий нос и рассеянной походкой заковылял на выход.

Дискуссия набирала силу. Обсудили много разных вопросов. Особенно близко к сердцу приняли нетерпимость жен к товариществу и ночным застольям. Все обращались почему-то к участковому Бузняку, рыжему дядьке с застенчивой улыбкой. Участковыйпил уколровку, как минеральную воду, ласково поглаживая себя по животу.

— Ты мне скажи, — пытал участкового бухгалтер Уколович, держа бутылку горилки перед его носом. — Что мне положено за это?

Участковый взял бутылку из рук Уколовича, сделал глоток и лениво посоветовал:

— Сиди и не рыпайся.

Бухгалтер был настойчив.

— Скажи, есть статья или нету статьи?

Участковый терпеливо разъяснял:

— Если, к примеру, наливаешь мне бесплатно — нету статьи, за деньги нальешь — найду статью.

— Все вы тут! — Уколович сделал выразительный жест. — Вторую пятилетку всех пою... Спасибо никто не сказал!

Бухгалтер сморщился и заплакал, как ребенок.

К участковому подсел с рюмкой в руке бывший завгар Квач по прозвищу Миленький. Спиртное на него действовало, как психотропное средство, он становился добрым, чувствительным и всех называл миленькими. Завгар попытался обнять участкового за голову, тот отпихнул его от себя, брезгливо отмахиваясь ладонью. Завгар по-собачьи замотал головой, залился смехом.

— Товарищи, миленькие, он меня вчера на расстрел водил!

За столом ехидно посоветовали меньше пить, зная особенность завгара частенько ночевать в полицейской кутузке. Квач недоверчиво посмотрел на товарищей, положил руку на плечо полицейскому:

— Товарищ уполномоченный, миленький, ты стрелял в меня из оружия в песчаном карьере?

Бузняка погладил себя по животу и незлобно подтвердил:

— Стрелял. Расскажи, как было дело.

Квач замялся, боясь подвоха. Участковый подбодрил:

— В воспитательных целях, людям интересно будет...

Неожиданно подал трезвый голос Валентин Тарасович Брудастый:

— Расстрел в мирное время? Это действительно интересно. Говори!

Завгар выпил рюмку, вежливо подышал в сторону и осторожно произнес:

— Миленькие, это правда. Только наш уполномоченный не виноват. Идея принадлежит начальнику полиции полковнику Добробабе. Полковника, конечно, тоже винить нельзя. Такая ответственность, такая должность...

За столом недовольно зашумели.

— Ты про себя говори!

Завгар одним глотком хватил еще одну рюмку, осмелел и понес...

— Я много ездил по России и знаю на личном опыте, как относятся к выпившему человеку в разных городах и селах. Авторитетно докладываю: нигде, ни в одном автономном округе так не бьют выпивших граждан, как бьют дубинками по голове в нашем родном Загряжске! Если ты после работы зашел в пивную и выпил кружку пива, то нет гарантий, что ты благополучно дойдешь до дому. За тобой следят полицейские с того момента, как ты взял в руки кружку пива... Ты культурно выходишь, и за первым углом получаешь дубинкой по темечку. Тебя пхают в уазик, и ты очнешься уже на нарах в кутузке.

Миленькие! Нигде так не поступают с выпившим человеком! Например, в Вышнем Волочке я выпил пива и не мог сразу попасть в гостиницу, по ошибке пошел в другую сторону и оказался в муниципальном поселении Тупые Ножи. Ночь застала меня на окраине, в труднопроходимых местах. Ранним утром местный полицейский на мотоцикле обнаружил меня и пригласил в коляску. Он не бил меня по голове, как в Загряжске, а повез прямо в пивную. Мы выпили...

— Что ты про Тупые Ножи паришь! Про расстрел, про полицию говори!

— Расстрел, миленькие, не объедешь. Полковник Добробаба не фашист. Но что делать полковнику, если кутузка маленькая, а дебоширов с каждым днем все больше. Содют вместе фулиганов и выпивших. Я как на грех в этот день оказался в кутузке. На утреннем обходе полковник увидел большую скученность в камере, возмутился и приказал:

— Всю шайку в воронок!

В сопровождении автоматчиков полковник вывез нас в песчаный карьер. Построили в шеренгу. Добробаба достал бумагу и громко зачитал:

— От имени всех законопослушных граждан Загряжска безжалостно приговариваю этих фулиганов, дебоширов и пьяниц к расстрелу! Огонь!

Автоматчики ударили из всех стволов! Земля летела комьями, пули свистели, люди кричали, дымом заволокло карьер. Я очнулся, полицейские уехали, расстрелянные собирались с разных сторон. Ржали и матюкались, хвалили Добробабу: круто получилось, молодец полковник!

Товарищество высоко оценило воспитательные меры начальника полиции и участкового Бузняка. Выпили на пососок, порассуждали о том, что в Загряжке и не такое бывает, и ближе к утру разошлись восвояси.

2

Коренной житель и гражданин хутора Гривенного, Семён Семёнович Гривенный родился лилипутом.

Ранним утром он как обычно вышел во двор поглядеть на погоду, на облака. На плече у него сидела белая голубка с золотым ободком вокруг глаз и розовым клювиком. Хозяин поднялся по высокой лестнице на смотровую площадку с домиком для голубей. С высоты птичьего полета хорошо был виден хутор, речка Серебрянка в густых камышах и старый дубовый лес за лысыми песчаными буграми.

Он сел на скамеечку и молча смотрел на розовый диск солнца за грядиной леса. Это была его родина. Здесь прошла жизнь с родителями, с дедушками, бабушками, со всеми родичами и жителями хутора Гривенного на окраине Загряжка. Один за другим ушли все родичи. Недавно умерла жена, и Сеня Гривенный остался бобылем в этом глухом краю. Два пристрастия оставались у него: книги и голуби.

На другой день после смерти жены на плечо ему села белая голубка с розовым клювиком. По ее воркующему дыханию, по упругим шажкам беспокойных красных лапок хозяин явственно ощутил: это она, это жена явилась к нему в виде голубки. Он кормил ее с ладони. Голубка пила воду из его губ. Если задрёмывал — она мелко семеняла по комнате и без умолку нежно ворковала.

Одинокому человеку хотелось поделиться тайной. Но кому он мог рассказать? Соседу Антипу, инвалиду фронтовика, глухому после контузии? Соседке учительнице, содержавшей большое стадо коз и ночами проверявшей тетради, а по утрам, спотыкаясь, бежавшей в школу? Соседу самогонщику, что приторговывал горилкой и сам кушал ее с аппетитом, а по вечерам наяривал на гармони, распевая матерные частушки?

Он мог бы, конечно, сходить к старому другу, Кузьме Валерьяновичу, самому культурному человеку в хуторе. Кузьма Валерьянович в молодости учился на конферансье и одно

время работал в Загряжске артистом. Карьера кончилась почти трагически. Студентом Кузьма приторговывал джинсами. Невеста из-за ревности написала донос в партию. Кузьму исключили из комсомола и выгнали из училища. С тех пор уже лет сорок Кузьма Валерьянович живет в хуторе Гривенном. Он, конечно, хороший человек, но Семён не решился и ему рассказать о своей тайне...

Хозяин открыл окно в домике, тоненько свистнул и хлопнул в ладоши. Голуби один за другим взлетали над голубятней и по спирали вертикально взмывали вверх, в высоту. Снял с плеча голубку, поцеловал, мягко подбросил вверх. Птица растаяла в голубизне.

Занятие это не просто нравилось маленькому человеку, он совершал каждодневный ритуал, ведомый ему одному.

Голубиная стая рассыпаласьверху, зависла, и, строго по одному, турманы выходили на вираж. Нырjali вниз, кувыркаясь через голову, через крыло. Скользили по спирали с вытянутыми в полукруг крыльями. Белая стая купалась, чертила в звенящем воздухе фигуры высшего пилотажа. Это было торжество, ликование, голубиная песня. Недоступное никому наслаждение.

Повелитель закрывал глаза и млея, чувствуя кожей неведомые человеку страсти. В эти минуты маленький Сеня, кажется, сам превращался в турмана, растворившегося в свистящих потоках ветра. Вместе со всеми кувыркался, падал в спираль и снова взмывал к солнцу...

После торжественного парада он дожидался, пока голуби возвращались в домик. Последней прилетала голубка и привычно усаживалась на плечо. Сеня целовал подружку, спускался с лестницы и в доме за столом кормил красавицу. Она клевала с ладони просяные и подсолнечные зерна, пила воду из его губ проворным клювиком. Он слышал ее порывистое дыхание.

3

Лет тридцать назад в Загряжск приехал на гастроли известный в Европе театр лилипудов. Маленькие артисты ставили мелодрамы собственного сочинения: «Карлик и великан», «Бедняк и королева», «Маленький Геракл», «Слёзы ангела». Чувствительные загряжцы по нескольку раз ходили на каждый спектакль. Носили в гостиницу угощения: яйца, сметану, вяленую рыбу. А один артист, в клетчатых портках и в красной панамке с помпоном попробовал местный напиток из слив. После этого просил тайком приносить ему горилку в бутылке из-под минеральной воды. Отливал в крошечную

фляжку и носил за пазухой, отхлебывая по надобности в любом месте, даже во время спектакля.

Загрязцы уважительно расспрашивали артистов и делали глубокомысленные выводы. «Играют, как взрослые, а живут, как дети». «Обидчивые, боже упаси пошутить».

Труппа задержалась из-за болезни примадонны Офелии. После простуды у нее случилось осложнение. Бедная девушка худела и слабела на глазах.

Театр ждали в другом городе, Офелию оставили в хуторе Гривенном на попечении родителей Семёна. У двадцатилетнего сына перехватило дыхание от счастья. Он даже не мог мечтать о встрече с такой девушкой. Не представлял увидеть рядом красавицу с фарфоровым личиком и большими голубыми глазами. Ее высокая шея и аккуратная быстрая головка напоминала Сене голубку турмана. А турманов Сеня любил больше всего на свете. Он разводил их с детства, большая стая жила в высокой голубятне, в домике с карнизом и ставеньками, выращенными белой, голубой и красной масляными красками.

Сеня с ложки кормил Офелию, поил отваром целебных трав. В полутемной комнате хорошо пахло полыньком, шалфеем, душицей. Пол был усыпан лепестками роз. В раскрытое окно залетали турманы, важно вышагивали вокруг кровати больной и, надувая зобы, ворковали. Целовались, чистили подкрылки друг у друга. Офелия молча смотрела на турманов, на Сеню и тихо улыбалась. Приходила в себя, спрашивала шепотом:

— Где я? Откуда эти птицы?

Сеня шепотом отвечал, рассказывал всё по порядку. Девушка слушала и засыпала. Проснувшись, просила:

— Расскажи мне еще о Загрязске...

Сеня рассказывал о добрых людях, о колонии лилипутов в Загрязске. Читал вслух книжки о монастыре, о казаках.

Офелия выздоравливала.

Каждое утро выходила с Сеней во двор. Родители Сени, колхозники, не могли наглядеться на маленькую красавицу. Желали ей крепкого здоровья и счастья в личной жизни.

Офелия забиралась по лестнице в голубятню, брала в руки пару голубей, подбрасывала их и смеялась от радости.

Родители, глядя на Офелию и сына, вздыхали:

— Хорошая пара. Дал бы Бог...

Сеня не просто полюбил девушку, он был заморожен, зачарован. Не мог надышаться запахом ее волос, наглядеться ангельским личиком. И Офелия, кажется, благодарно клонила к своему рыцарю.

Целые дни они проводили вместе. Говорили без умолку. Ходили на пойму, держась за руки. Сидели на берегу Серебрянки. Сеня сплетал венки из лиловых колокольчиков и укрывал им голову Офелии.

— Сеня, а откуда наши братья-лилипуты в Загряжке? Ведь они живут в больших городах, и многие идут в артисты.

Сеня как всегда отвечал умно и обстоятельно.

— Тут целая история про наших братьев... Я родился в хуторе Гривенном, мои родители коренные загряжцы. Был у нас чудак, председатель колхоза Иван Иванович Перепечай. Он очень любил маленьких людей. В студенческие годы учился у профессора липипута Богдана Ильича Жемчужникова. Перепечай подружился с профессором, и тот познакомил его со своими братьями из Москвы и других городов. Через много лет, когда студент Перепечай стал председателем колхоза, он пригласил своих знакомых в колхоз. Не просто пригласил, а построил дома поближе к Загряжску, чтобы жить в городских условиях. Человек двадцать, наверное, переехало на новое место жительства. Перепечай дал им работу. Братья-лилипуты плели корзинки, работали на птичнике, разводили цветы, выращивали овощи на плантации. Варили варенье, солили огурцы и капусту. Уголок, где поселилась колония, и сейчас зовут Лилипутовкой, или коммуной Лилипутов. Братья жили очень демократично, и многие ученые люди издалека приезжали поглядеть на их порядки. Замечательный человек был Перепечай! Он гордился коммуной и был отцом и заступником маленьких людей. После Перепечая колония распалась, а колонисты разъехались кто куда...

Офелия внимательно слушала, ее тронула история переселенцев.

— А где сейчас этот человек?

Сеня грустно вздохнул.

— Случилась трагедия от романтической любви... Такое бывает только с хорошими людьми. Перепечай полюбил девушку, студентку, практикантку. Она ответила взаимностью. Они стали тайно встречаться. Перепечай был женат. Не знаю, как долго им удавалось сохранять тайну. Но разве в маленьком хуторе можно спрятаться от людей? Скоро все знали о любви Перепечая. И начальство, и товарищи по работе осуждали его, а девушку прилюдно оскорбляли. Ему пришлось уйти из колхоза, из семьи. Жена Перепечая приходила скандалить в общежитие. Девушку спрятали. Жена била стекла в доме и грозилась переломать руки и ноги всем студенткам. Скандал вышел на телевидение и в газеты.

Бедная девушка отравилась таблетками. А Иван Иванович на следующий день после похорон студентки застрелил-

ся из охотничьего ружья. Его похоронили рядом с возлюбленной. Там, наверно, они соединились.

У Офелии по щекам текли слезы, она по-детски терла глаза кулачком. Слегка заикаясь, попросила:

— Я хочу посмотреть на их могилы.

Молодые люди сходили в Загряжск, на старое кладбище. Положили цветы на два холмика, долго стояли, держась за руки. Покойники смотрели на них с эмали счастливыми улыбками.

— Они, наверно, очень любили друг друга, — сказала Офелия.

— Такую любовь Бог посылает редко, — ответил Сеня.

— Почему большая любовь кончается трагедией?

Сеня, видно, давно размышлял над этим. У него был обдуманный ответ:

— Господь оберегает такую любовь от скверны людской. Он берет к себе чистые сердца...

Офелия неожиданно сказала:

— Я завидую им...

Сеня крепко обнял девушку.

— Мы будем жить долго!

Однажды Сеня встретил у калитки двух важных маленьких людей. Незнакомцы с перстнями на пальцах, в кепочках, в темных очках чинно представились: они из театра, коллеги Офелии, приехали по поручению дирекции за девушкой.

— Кстати, где она и как ее здоровье? — спросил важный гость с тросточкой.

— Мы уполномочены возместить расходы. — Сказал другой гость с кожаным портфельчиком.

Сеня ни жив ни мёртв, повел гостей в свое жилище. Он с ужасом смотрел, как обрадовалась гостям Офелия. Она жадно слушала новости из театра. Угощала гостей чаем и всё спрашивала, кто играл ее роли и как играл. В каких городах был театр и как принимала публика? Не забыли ли ее, примадонну? И какие планы на нынешний сезон?

Гости отдохнули час-другой в прохладной комнате.

— Ну, пора ехать, — сказал человек с тросточкой.

— Собирайся, Офелия, мы вызвали такси. — Сказал человек с портфелем, положил на стол конверт. — Это за уход и лечение.

Девушка улыбнулась и сказала тихо, как о деле решенном:

— Мы с Семёном любим друг друга.

Гости молчали. Отошли в сторонку, посоветовались. Человек с тросточкой сказал:

— Мы не собираемся разлучать вас. Мужу найдется место в театре, мы поедem вместе.

— Мы остаемся здесь, — сказала Офелия.

Гости уехали.

Через год театр опять был в Загряжске. Но Офелия уже жила другой жизнью. Она ходила с Семеном на спектакли. Переживала, волновалась, иногда тайком плакала. Но о возвращении в театр уже не было речи. Офелия была счастлива с Семёном. Счастлива всей жизнью в хуторе. Впервые в жизни видела зиму в первозданном виде. Впервые ходила по сугробам в валенках.

Семен научил Офелию плести из лозы корзинки. Научилась она очень быстро, а в художестве превзошла учителя. Выплетала круглые, овальные, плоские формы. С одной дугообразной ручкой. С двумя откидными. Оплетала разные стеклянные емкости, вплоть до бутылок.

Плетеные изделия быстро раскупали загряжцы, туристы, местные фермеры. Офелия охотно, даже с азартом продавала свой товар, пересчитывала выручку, с гордостью объявляла:

— Сегодня лучше, чем вчера!

Люди дивились бойкости, разумности и простоте маленькой хуторянки.

Офелия любила сидеть в беседке за широким столом и плести лозу тонкими проворными пальцами. Семен выносил ватман и рисовал карандашом девушку с лозой и корзинками.

Тридцать лет прожила Офелия в хуторе Гривенном. Умерла она тихо, во сне, ни на что не жалуясь, на руках мужа. Семён похоронил ее на старом кладбище в Загряжске. Сам установил кованую оградку с запасом еще на одну могилу. Вкопал небольшой столик и скамейку. Люди видели, как маленький старичок подолгу сидел на скамейке. На плече у него неизменно была белая голубка с розовым клювиком.

Станица Старочеркасская Ростовской обл.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ЗА ДОЖДЁМ И ВЕТРОМ

Ему часто снится один и тот же сон. Легковое авто, в котором он едет, поворачивает на перекрёстке. Машина бесконечно вытягивается и не вписывается в поворот. Машина длиной с улицу. Он понимает, что ему не повернуть. Застраивает на повороте. Так и происходит. Мимо него, словно бы он сторонний наблюдатель, проплывает блестящий чёрный борт машины. Здесь сон кончается.

В дальнем конце улицы, на краю сна, Буслаев видит дом, где его ждут. И просыпается с чувством сожаления. Пытается сон удержать, Буслаев обращает его в обрывки...

Долгий тёплый дождь туманит стёкла. Каждое лето они приезжают семьёй в гости к родителям жены.

Буслаев стоит у окна. За окном клубится огородная зелень. Под дождём, сквозь стекло, картофельные кусты кажутся ещё зеленей. На краю огорода в дощатой пристройке к гаражу рядом с японской акацией — мастерская Аристарха Петровича, тещи Буслаева. Когда Аристарху Петровичу надоедает женская болтовня, он тяжело поднимается и уходит в

ПРОЗА

свою мастерскую.

— Папа там пишет стихи, — говорит за спиной Буслаева жена. У неё особенное отношение к отцу. Всматриваясь в зелёные волны огорода, Буслаев слышит стук молотка.

Он как-то зашёл в мастерскую наточить нож и увидел ряды банок на полках. В банках были ржавые гвозди. Аристарх Петрович вытаскивал гвозди из досок, а то и просто поднимал гвоздь на дороге и выпрямлял молотком. Как многие пожилые люди, пережившие трудное военное детство, Аристарх Петрович бережлив.

— Ещё пригодится, — говорит он. И если не пишет стихи, то выпрямляет старые гнутые гвозди, сортирует по размеру и складывает в банки.

Виолетта Григорьевна, тёща Буслаева, к литературным занятиям своего мужа относится неодобрительно. Однажды она спрятала ключ от мастерской.

— Лучше делом займись! — сказала она Аристарху Петровичу. Может быть, тогда он и стал собирать старые гвозди...

После смерти Аристарха Петровича в мастерскую редко кто заходит. Буслаев забежит за инструментом, посмотрит на банки с гвоздями, на истрёпанные общие тетради со стихами, и выйдет.

Буслаев слышит, как стучит молоток. Все привыкли к этому звуку и не спрашивают, кто в мастерской, если хозяйина не стало. В доме как-то спокойнее, когда из мастерской доносится звук молотка, а потом наступает долгая пауза, заполненная шелестом тетрадных листов. Страницы шелестят тихо, но живущим в доме кажется, что они слышат и этот звук. И опять неторопливое постукивание. Гнутый гвоздь можно долго выпрямлять, и всё равно гвоздь будет чуть крив.

Буслаев представляет, как Аристарх Петрович, отложив молоток, садится за свои тетради, черкает и правит. И здесь много работы.

Когда у Аристарха Петровича заболели ноги, он реже стал выходить из дома.

— Надо издать стихи, — сказал как-то Буслаев тестю. Аристарх Петрович заплакал.

Буслаев пошёл в Управление райцентра и попросил денег на книгу. Ему пришлось показать свой членский билет Союза фотохудожников с фотографией и печатью. Это произвело впечатление. Билет был как аргумент.

— Песни вашего земляка поёт весь район, — с упрёком сказал Буслаев. И главному чиновнику нечего было возражать.

Деньги выделили к весне. Сборник стихов «Здесь мой дом» напечатали в городской типографии тиражом пятьдесят экземпляров. Аристарх Петрович готовился к презентации, волновался, подбирал рубашку и галстук. В магазине закупили ящик можжевеловой водки, а в Доме культуры поселковый хор разучивал романс «Клонится черёмуха» на стихи Аристарха Петровича, написанные специально к этому дню.

Когда Аристарх Петрович разносил приглашительные открытки, у него отказала левая сторона. Инсульт — был диагноз поселкового фельдшера. И торжество отменили.

Аристарх Петрович поправлялся медленно.

Майским днём ему захотелось увидеть, как тает снег на сопках. Держась за стенку, Аристарх Петрович вышел во двор. У него кружилась голова. Виолетта Григорьевна заставила мужа вернуться в дом.

— Ты пользуешься моим добрым отношением к тебе, — выговаривала она Аристарху Петровичу. Аристарх Петрович сидел в кресле и молчал.

В июне дороги подсохли.

Когда Виолетта Григорьевна была на работе, Аристарх Петрович вывел из гаража велосипед. Он учил сына ездить на велосипеде, а теперь учился сам. Он крутил педали и распевал:

— Я Чапаем стать хочу, но боюсь лошадки: как я с шашкой поскачу на лошадке шаткой?

Аристарх Петрович упал с велосипеда там, где крутой склон у реки.

Он лежал, смотрел на холодную снеговую воду, текущую с гор, и думал о школе, об учениках, которые выросли и разъехались, и о своей старческой немощи. Лежал, пока не пришла Виолетта Григорьевна и трое крепких мужиков. Виолетта Григорьевна ругалась сквозь слёзы. Мужики подняли грузного Аристарха Петровича и понесли.

Велосипед Виолетта Григорьевна убрала на чердак. И Аристарх Петрович перестал выходить из дома. Он сидел в кресле у окна, смотрел, как меняется за окном цвет природы, как зеленое становится жёлтым, а следом приходит белое. Где-то там, через двор, в мастерской были его стихи и банки с гвоздями.

— Я хочу ходить, — говорил он жене. Виолетта Григорьевна в ответ гремела посудой.

— Хорошо бы отправить Аристарха Петровича на горячие источники, — предложил Буслаев. — Оттуда больные идут своими ногами.

— Некогда мне, — отрезала Виолетта Григорьевна. Предложения Буслаева она считала неудачными.

Весной Буслаев привёз маленькую шестимесячную дочь. Аристарх Петрович был оживлён и весел. В доме радовались, все отвыкли от голоса Аристарха Петровича.

— У неё мои руки, — сказал Аристарх Петрович, показывая на внучку. В молодости он занимался классической борьбой, выигрывал у мастеров и сам стал мастером. Но это было давно. А теперь Виолетта Григорьевна меняет памперсы мужу. Виолетта Григорьевна устала. И на памперсы уходит много денег.

В один из таких дней, поиграв с ребёнком, Аристарх Петрович уснул. А когда проснулся, сказал, что умрёт через неделю. Никто не придавал этому значения. Последнее время дед заговаривался. Его бессвязное пророчество вспомнили, услышав среди ночи звериный рык. Аристарх Петрович видел что-то страшное, чего не видели они, и кричал. Буслаева послали за священником.

Отца Василия он нашёл в храме. Лики святых смотрели со стен, как батюшка ладит собачьи нарты. Утром начиналась традиционная весенняя гонка. Отец Василий надеялся взять приз. У него были лучшие в районе ездовые собаки.

С первыми словами молитвы Аристарх Петрович притих, однако на близких смотрел враждебно. От исповеди он отказался, заявив, что грехов у него нет. И отец Василий ушёл огорчённый. Под утро Аристарх Петрович забылся во сне и умер.

На поминках пили можжевеловую, припасённую к презентации книги Аристарха Петровича. Женщины из поселкового хора негромко исполняли «Клонится черёмуха». Когда по вечерам Буслаев читал Псалтырь, в доме пахло ладаном...

Июльские дожди короткие и частые. От земли идёт пар. Дождевая вода к радости Виолетты Григорьевны доверху заполнила железные бочки во дворе.

В доме больше не слышат стука молотка. Замок на двери мастерской заржавел. Его давно не открывали.

Буслаев смотрит в окно сквозь дождевые разводы. С верёвки забыли снять рубаху. Она надувается на ветру пузырями, раскидывая в стороны рукава. Жена Буслаева рассказывает приснившийся накануне сон.

— У нашего дома останавливается чёрная машина. Из машины выходит папа. Я знаю, что он мёртв. И страха нет. Я подхожу к нему, хочу обнять. Папа отстраняет меня, садится в машину и уезжает.

— Он сказал, что мы никогда не любили его... — добавляет через паузу жена. Она расстроена. — Ты сходи в церковь, закажи панихиду.

Ветер путается в картофельных кустах. Буслаев молчит и смотрит, как рукава рубахи опадают.

Он просит найти ключ от мастерской, идёт по мокрым темным доскам среди грядок, возится с замком. Открыв дверь, всматривается в зелёный полумрак. Скользя пальцами по цветным корешкам толстых тетрадей, берёт с полки банку с гвоздями, ищет молоток. Достав из банки гвоздь, укладывает на наковаленку. Гвоздь кривоват. Буслаев неумело постукивает молотком. Но вот он приноравливается. Удары молотка всё увереннее. Буслаев откладывает гвоздь, берёт следующий...

ЖЁЛТЫЙ ВЕЛОСИПЕД

Нет ничего древнее и проще велосипеда.

Старый банщик рассказывал — а городские банщики знают почти всё, — что велосипед изобрели китайцы в эпоху правления династии У. Во всяком случае, когда говорят «не изобретай велосипед», подразумевают нечто очень простое, в том смысле, что это было прежде.

Новый велосипед остро пахнет рифлёной резиной покрышек, смазкой и чем-то неуловимым, может быть, временем. Великолепный никелированный руль. На правой стороне руля блестящий звонок. Когда я был маленьким, трель велосипедного звонка меня завораживала. Я останавливался у обочины и с немим восторгом провожал взглядом велосипедиста.

Велосипед — не машина. Скорее, это образ жизни, мировоззрение, почти религия.

Тише едешь — дальше будешь, — мог бы сказать и Конфуций. Вся суть конфуцианства, которому следуют жители Поднебесной, — здесь, в изогнутом руле, в сверкающих хроме ободьях колёс, в мягком ходе. И я вижу, как полтора миллиарда китайцев согласно крутят педали, щебечут на своём птичьем языке и тихо позванивают велосипедными звончками...

Велосипед — это порыв и покой, и созерцание, и задумчивость, и праздник, и молитва.

У ребёнка обязательно должен быть велосипед. Будь я президентом, я подарил бы велосипед каждому ребёнку. И не подростковый, но взрослый. Дети тянулись бы ногами к пе-

далям и быстрее вырастали. Велосипед подвигает мальчика к раздумью, а девочку — к смирению.

Я помню советские низкорослые «Школьники», «Орлёнки» — я никогда не уважал их. Дамские велосипеды без рамки вызывали у меня протест и отторжение. Сесть на дамский велик — означало вызвать насмешки всего двора. Предметом моей тайной зависти был взрослый «Урал», велосипед старшего брата. И первое время я катался на «Урале» под рамкой, пока не стал доставать педали с седла.

Слово «рамка» нынешнему подростку незнакомо. А между тем, это было важной частью велосипеда. На рамке перед собой можно было прокатить младших. В кольце твоих рук они чувствовали защиту и покровительство.

Если на рамку садилась девчонка, ты едва дышал и, словно бы ненароком, старался коснуться щекой её волос, а коленом — её бедра. Ты имитировал тяжёлый подъём, пыхтел пассажирке в ухо и видел, как ухо розовеет, и твоя спутница молчит. Это было невинно и трогательно!

Теперь другие времена, другие отношения...

Со всеми нами что-то случилось. На велосипедных рамах появились слова чужого языка: «Globos», «Shellendger», «ReegBoss». Они ни о чём мне не говорят. В прежних велосипедах были красота и стать, а нынешние, сделанные по иностранным лицензиям, уродливы и низкорослы, словно выродившиеся табуны мустангов. Многоскоростные, они вводят в заблуждение. Мне жалко смотреть, как на небольшом подъёме подросток яростно работает ногами и едва продвигается. Я вижу, что у него неудобная посадка, слишком низко седло, а поднять — не хватает ума, или просто лень.

Я попробовал сесть на современный велосипед — совсем не то! И я вспомнил свой старый велик с жёлтой рамой и белыми брызгозащитными крыльями.

Однажды я вёз в бидоне молоко. Бидон я держал в правой руке. Можно было не отпускать левую рукоять руля, но я хвалился, ехал без рук, выбражал (компьютер не знает этого слова и подчёркивает красным). У меня сорвалась нога с педали. А я не мог позволить себе разлить и капли. И я аккуратно поставил на дорогу бидон с молоком и с грохотом упал следом. Пусть мой читатель усмехнётся и подчеркнёт этот эпизод.

Я часто вспоминаю один из туманных летних вечеров, какие случаются вблизи холодного моря. В нашем бараке, где мы жили, обитало ещё десяток семей, и семьи немаленькие. Люди умели и любили поговорить. Они не проводили вечеров перед телевизором, потому что телевизоров не было.

В тот вечер барак казался заброшенным. Я помню своё одиночество и сладкий, чуть горьковатый оттенок оставленности, как бывает в позднем детстве.

Я решил семь раз объехать барак на велосипеде без помощи рук. Бросив руль, в долгих сумерках я крутил педали по узким дорожкам вдоль палисадников, где каждый клочок скудной северной земли возделывался с любовью и заботой, вдоль заборов из рыболовных сетей, мимо дремлющих тёмных окон, в которых не было и проблеска огня.

Никто не хлопал дверьми, не гремел цепями, не лаяли дворовые псы, не было слышно детских голосов, и матери не звали домой заигравшихся детей, не сидел на корточках Костя-кореец, покуривая у стены, как он всегда сиживал вечерами, и чёрные рыбацкие сапоги старика Селиванова не стояли на ярко выкрашенном, по обыкновению, крыльце.

Выцветшей и стертой была краска старого крыльца.

Но, может быть, барак действительно был пуст? И если бы ветер с моря разогнал туман, как знать, не увидел бы я над головой иные, непривычные мне созвездия другого неба?

Я не задавал себе этих вопросов. Я крутил педали, чуть наклонял корпус, и велосипед послушно поворачивал и светился жёлтой рамой в тумане...

Когда я вернулся в родные места через несколько лет, я увидел мой дом таким, каким он был в тот далёкий вечер: обветшавший, оставленный жильцами барак.

Я снял велосипед с гвоздя, поменял камеры на колёсах, подтянул спицы, перебрал ступицу и набил подшипники солидолом. И велосипед опять служил мне. Уезжая, я подарил его младшему брату. Он был ещё хорош, велосипед с желтой рамой и белыми крыльями.

ЖИВАЯ ДУША

Кот

Когда я подъезжал к воротам, Кот встречал меня.

Он никогда не выходил через отверстие в двери веранды дома, но вылезал из каких-то углов участка или спрыгивал с крыши пристройки. У него было много врагов. Так он спасался от соседских котов, от собак, которые изредка проходили сквозь ветхий забор. Спасался и от людей. Охотник по природе, он ловил мышей, разрывал грядки. Владельцы дач бросали камни, кричали что-то гневное ему вслед. Если я долго не приезжал, он уходил куда-то в поисках пищи. И я

старался надолго не отлучаться, зная, что Кот ждет меня. Он бежал рядом, путался в ногах, возмущенно мявкал, если я отсутствовал особенно долго. «Ты принес мне молока?» — спрашивал Кот. Я виновато разводил руками или говорил: «Ну конечно, Кот, я привез тебе молока».

Обычно я брал в магазине минтай, нарезал крупными кусками. Прошлой зимой он ел и мороженую рыбу. Этой осенью ему исполнился год с хвостиком. У него было трудное детство. Зимой собаки с легкостью попадали на участок, на веранде был минус, особенно ночью. И Кот, конечно, мерз. В доме было теплее, но дом строился, я закрывал входную дверь. А в город его не брал: он не поладил со старой сиамской кошкой, живущей в нашей квартире.

Я строил дом вот уже седьмое лето. Когда появился Кот, мне стало немного веселей. Если я пилил или строгал, он садился рядом и внимательно смотрел. Работая на высоте, я ставил лестницу, и Кот поднимался ко мне, садился на перекладину. Он просто смотрел: хозяин делает что-то важное и нужное, и я посижу рядом, если ты не против, хозяин.

Кот не надоедал. Он был неприхотлив, немногословен. Всё, что было ему нужно — немного еды, тепла и человеческой ласки. Ему не хватало моего внимания. Когда я наклонялся и гладил его, Кот замирал, вытягивал шею. Звук кошачьего удовольствия шел откуда-то из его груди. И даже когда Кот спал, он тянул свою песенку, но уже чуть тише. Он был оптимист, несмотря ни на что. Оставаясь ночевать в доме, я затапливал печь и брал Кота в дом. Он устраивался в моих ногах и тихо напевал. «Пожалуй, я дострою свой дом», — думал я, засыпая.

Топор

Сегодня я приехал, и Кот не встретил меня. Он и вчера не выбежал к воротам, и позавчера. Мои дети спрашивали, не появился ли Кот. «Нет, но может быть, завтра», — говорил я.

Стояла теплая, сухая осень. Ещё не весь лист упал с деревьев. В лесу было много шиповника. Среди сухой травы ярко-красные плоды хорошо заметны. «Зима придет надолго, и птицам будет не так голодно», — думал я.

Это был лишь повод выбраться за город за иван-чаем. Я хотел еще раз перед снегом, до Покрова, побродить в редколесье, послушать притихшую землю предзимья. Есть старый охотничий способ сбора иван-чая. Прямой стебель нужно лишь прихватить раскрытой ладонью снизу и потянуть вверх. В горсти остаются бурые листья, отлично высушенные ветром и солнцем.

Я пробирался среди сухой травы, набивал пластиковый пакет и поглядывал на снежные шапки близких гор. Синоптики обещали циклон. Небо затягивало. «Как раз успел!» — думал я. Нужно было возвращаться, и я пошел к машине, срезая обратный путь. Метрах в двадцати я увидел топор, воткнутый в ствол поваленной березы. Свет осеннего дня слабел, и желтый цвет топорщика был вызывающе ярким. Что меня тогда смутило — соблазн или возможность близкого присутствия владельца? Словно воткнул человек в березу топор и сейчас вернется. И я оглянулся, и стоял ещё в отдалении. Я и отсюда видел, какая у топора ладная рукоять. Строя дом, я понимал толк в инструменте. Лезвие, должно быть, хорошо наточено, — кто же пойдет рубить дерево тупым топором? И он был совсем небольшой — топор, оставленный в лесу. «Хозяин вряд ли вернется, металл заржавеет и вещь пропадет», — подумал я, подошел и выдернул топор из поверженной березы.

Может, и не нужно было его брать, и тогда колесо причин и следствий повернулось бы по-другому, и последующее не сложилось так, как оно сложилось потом. Всякий соблазн приводит в своем роде к развилке, и мы выбираем следующий шаг по своей слабости или силе.

Встреча

«Есть топор, — рассудил я, — можно привезти с собой дров». На окраине дачного поселка много сухих берез. Я поехал по узкой проселочной дороге. День кончался, но дорогу было ещё видно, и я не включал фары.

Оставив машину, я шел через березняк, пока не увидел подходящее дерево. Ветер повалил небольшую березу, и мне оставалось только нарубить комли, чтобы они поместились в салоне машины. Нужно было вернуться, подогнать машину и загрузить дрова. Я отправился по дороге. Дачники сюда вывозили мусор. Это было запрещено, но запрет обходили, везли сюда всякий хлам. Я шел мимо изношенного и ненужного. Здесь обреталось всё прожитое человеком и потерявшее своё имя. И сумерки это окончательно подчеркивали, но и скрашивали, и утешали.

И я увидел своего Кота. Он лежал на дорожной колее, вытянувшись в оборванном последнем своем прыжке. Я стоял и смотрел, как Кот смотрел на меня, когда я работал. Потом я подумал: «Вот мы и встретились, дружок. Кто же тебя убил и бросил, словно вещь?» На теле не было крови и следов побоев. Лишь оскал боли и ярости подтверждал, что Кот боролся и

совсем не хотел умирать. Скорее всего, его отравили. И я подумал, как всё плохо, и как это часто скверно кончается: жить среди людей. Я наклонился, потрогал густую рыжую шерсть Кота. У него был особенный, редкий узор желтых цветов по бокам. Мертвая плоть быстро костенеет. Я погладил его бок, ещё мягкий. И сегодня Кот мог бы меня встретить.

Я положил его на обочине, подогнал машину и загрузил дрова. Быстро стемнело. Неожиданно пошел дождь, редкий и крупный. В свете фар косой проблеск падающих капель был хорошо виден. Под дождем я вырыл топором ямку и положил в ямку Кота. «Прости, Котишка, у тебя был никчемный хозяин», — бормотал я. И дождь падал и падал, не переставая.

Дом

Вернувшись назад, я выгрузил дрова. Я ещё собирался поработать в доме, гвоздь забить, доску отрезать, но был словно пробитое автомобильное колесо — воздух вышел, и машину вынесло на обочину. Глубокий старик, я равнодушно смотрел на черную громаду дома. Он был слепым, не было в окнах огня, дым не шел из трубы. Мертвый дом без хозяина...

Когда дождь закончился, я всё же заставил себя распилить березовые комли в подходящий размер и растопить печь. Поставил на огонь вариться картошку, сходил в ларек за водкой. Смотрел на мятущийся рыжий огонь за стеклом печной дверцы, пил и думал о найденном в лесу топоре, который привел меня к моему зверю. Я думал, как мало мы знаем о них. Вспомнилась строчка о первых днях Творения мира, о том, как Бог создал всякую тварь и дал ей душу живую, и ещё я подумал, что для них страх, ужас и тоска — огромны в своей безмянности. Всё для зверя значительнее, крупнее, ярче. Мы смотрим на мир через перевернутый бинокль, сквозь заглушки и фильтры. А что же любовь? Узнав человека, прирученный зверь всегда идет к нему, ищет и находит либо радость, либо свою гибель. Я вспомнил, как Кот принес мышь в зубах и, по-особенному урча, положил добычу к моим ногам. «Хозяин, взгляни, что я тебе принес!» — говорил Кот. «Ты хороший охотник, Кот», — сказал тогда я ему.

Пройдя на веранду, я увидел плошки Кота с кормом и водой. Это было всё равно, что смотреть на игрушки умершего ребенка. «Не братья наши, но дети», — сказал я вслух неизвестно кому. Потом вернулся в дом, подкидывал в печь дрова, ужинал и смотрел в черноту ночи за окнами. Почему-то вспомнил близких, свою мать и как я приехал к ней незадолго до её смерти, и как мы отправились в гости к родственни-

кам, и я шел впереди, а мать не успевала, и я останавливался, поджидал её и опять шел вперед, молодой, здоровый, — я ведь быстро хожу, пусть люди и стареют, а весна была, дорога — скверная, раскисшая дорога, и мать всё не поспевала за мной, не попевала... Она и не просила подождать или идти медленнее. Она просто терпеливо сносила мою слепую молодость. Я вспомнил это и молча, неумело заплакал. «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» — так, кажется, в Писании? А кто ж тебя помилует...

Многое припомнишь в такие минуты, и по-иному всё увидится.

Ты долго не уснёшь, и будешь ворочаться, всматриваться — в темноту, в себя, прислушиваться к чьим-то мягким шагам; не был ты в лесу и топора не брал чужого, а завтра праздник Покрова, и в окнах будет молочный свет первого снега, которому обрадуются дети, а взрослые смирятся в этой особенной белой тишине и посмотрят чуть дальше, где бледнеющая синька неба над крышами, где новый день и, может быть, милосердие и защита.

ДИМКА

Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете, как дети, не войдёте в Царство Небесное.

Евангелие от Матфея. 18: 3

Всякий раз, вспоминая тебя, мне приходит на ум «пробычка» — мелочь, невразумительная деталь, ни о чём не говорящая чужому слуху, забавная ошибка в произношении, на которые так горазды дети. Но, увидев тебя, Апостол Пётр, верно, вспомнил это слово, которое ты придумал совсем ещё маленьким, улыбнулся и отворил Небесные врата.

Через бездну десяти лет я возвращаюсь к тому дню, когда тебе нестерпимо захотелось разуться, размотать надоевшие бинты, влажные от сукровицы, почувствовать кульями стоп колкую сосновую хвою, перепревшие прошлогодние листья майской земли. Я возвращаюсь туда, где ты неловко идёшь, как ты всегда ходил, вперевалку, через «нельзя», где ты улыбаешься, шуришься от весеннего солнца.

— Мама, хорошо, мама...

И Алевтина в ответ улыбается глазами.

— Осторожно, сынок.

И ты слёг после этого и больше не вставал. Началось заражение крови. Твои почки устали. Не справились, отказали

почки. И тебя подключили к аппарату. Это в постперестро-
ечную пору, когда человеческая жизнь потеряла цену, когда
нужно было платить за всё: за койку в больнице, за каждый
укол, сейчас кажется — и за право дышать. Сутки работы
искусственной почки стоили больших денег. Не было таких
денег у Алевтины. Через две недели аппарат отключили...

И надо бы вернуться совсем уж к началам, в тот дом, где
жила Алевтина с мужем, в полуподвал, откуда из окна видны
только ноги прохожих, где тебя зачали, пусть и в тесноте од-
нокомнатного угла, заставленного потёртой мебелью, но, вер-
но, в любви и согласии, где за несколько месяцев до твоего
рождения, поздно вечером, Алевтина увидела двух крыс, иду-
щих на задних лапах, под ручку, по-другому не скажешь.
Крысы, к ужасу Алевтины, мирно беседовали о своём и так
же мирно исчезли, сворачивая за печной угол, волоча хвос-
ты. «К беде», — подумала тогда Алевтина.

Роды были неудачные, всё пошло не так. И тебя тянули
каким-то стальным инструментом и повредили позвоночник.

— Отдайте ребёнка, — просил Алевтину хирург, — не жи-
лец, а у меня диссертация. Случай интересный.

— Нет! — отрезала Алевтина.

И тебя грубо заштопали и вернули матери.

Алевтина выходила, сберегла. И ты прижился, прилепил-
ся и потянулся к этому грязному, нелепому миру, где много
тягот, суеты и корысти. Ты был непохож на других, ковыля-
ющий на изуродованных ногах, с катетером и баночкой у
паха: мочевого пузырь не работал. Ты не узнаешь женской
любви. Но у тебя будет неистребимый оптимизм и любопыт-
ство к цветущему рядом с тобой, и твоя безмятежная улыбка,
заставляющая задуматься о том, что же оно такое, челове-
ческое счастье.

Нужно было выбираться из полуподвала. Вся семья рабо-
тала на кооператив. И ты помогал, чем мог. Что-то мыл, скрёб
в городских банях.

Потом появился «Запорожец» с инвалидным знаком на
заднем стекле. Ты научился лихо водить. Помню, как ты с
торжеством, на повороте, обогнал чёрный «Мерседес». Доро-
гой лимузин обошёл твою машину, встал у обочины, и води-
тель, такой же чёрный изнутри, как и снаружи, поднял ка-
мень и с руганью бросил в твою «инвалидку».

Твоя больная плоть всегда была барьером. Неосознанная
брезгливость взрослых преследовала тебя. И только близкие
люди: Алевтина, отец, бабушка, твоя сестра — они любили
тебя. Друзья по двору, вместе с которыми ты рос, не замечали
твоей особенности и принимали тебя со всем, что было. Ты

научился бегать. «И я такой же, как они», — думал ты. В груди у ангелов — детское сердце.

Вспоминая годы, когда мы вдруг стали россиянами, я думаю о том вечно пьяном «дирижёре», под музыку которого ловкие люди сколотили свои капиталы. Придут и другие. Они назовут «дирижёра» лучшим сыном Отечества. А для меня лучший сын — Дима Агеев.

Ты прожил двадцать три года. У тебя ещё оставалось право на смертельную прогулку в сосновом лесу и достоинство принять приговор врачей.

— Мама, хорошо...

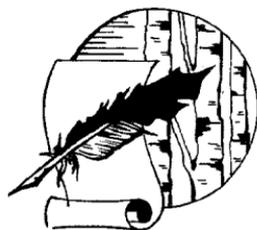
Ты лежал в похоронных цветах, умиротворённый, забрав с собой тот майский день и тёплую землю под ногами.

— Со святыми упокой... раба Твоего... ни печаль, ни воздыхания... жизнь бесконечная, — взмахивал курящимся кадилом грузный одышливый батюшка. Кадило позвякивало, сладковатый дымок мешался с горькими запахами молодой травы, влажной глины и с тем, что начинало жить рядом тихо и незаметно.

В один из безоблачных периодов нашей семейной жизни моя девятилетняя дочь, проснувшись среди ночи, слышала, как кто-то напевал и насвистывал за комнатной дверью.

— Это Димка, — сказала жена. — Он всегда так свистел.

г. Петропавловск-Камчатский

СТИХИ О ВОЙНЕ ЗА РОССИЮ

Алексей ШОРОХОВ

НОВОРОССИЯ

Сны стали яркие сниться,
Детские вещие сны.
Где-то пылают зарницы
Близкой по крови войны.
Где-то становится летом
Парень, сгоревший в броне.
Только ведь я не об этом,
Я не о том совсем... Не
Понимая, откуда
В нас эта вечность течёт,
Наспех прощаемся с чудом,
Свой не жалея живот.
Что же нас встретит на древнем
И бесконечном мосту?
Домик над речкой в деревне?
В детстве уроненный стул?
Жизни мелькнувшей начало?
Тёмные волны извне?
...Старый отец у причала
С парнем, сгоревшим в броне.

Доцветает в одоньях багульник,
Май звенит — белозубый охальник.
Свежий мох на седой караульне
Зеленеет острой и печальной.

Где-то стонет кукушка, и в сердце
Отдаётся тревожно и глухо.
Вдоль болотин прохлюпают берцы,
И отыщешь, где вольно и сухо...
Так и брёл ты — к себе да сторонкой:
В тот подъезд, где — на время забытый —
Безутешно заплакал ребёнком,
Одиночеством враз не убитый;
В детство то, в то последнее лето,
В звоны ос над цветущим затоном,
Где заснул, в одночасье согретый,
В мире том, золотом и влюблённом.

ПАМЯТИ «БАРС-19»

Не из Голливуда, не с Марса,
Со Ржева и Махачкалы
Встают добровольцы из «Барса»,
Рывком отодвинув столы.

Их ждут полковые «Уралы»,
«Камазы» с едой и БК.
Семь-восемь минут — слишком мало
Стихам до конца, до рывка!

Что знаешь о смерти, о «Ветре»?
Стрелковка, разрывы вдали...
О том девятнадцатом метре
Двадцатой последней зари?

Боюсь, что не смог, что не сдюжил
Сказать, подойти, приобнять...
Тушёнка и гречка на ужин,
На завтрак — последняя пядь!

Вот так и останемся вместе
Мы целую вечность стоять:
Живые и те, что «груз двести»,
В расчёте — четыре на пять...

Донбасс. Август 2022

Елизавета ХАПЛАНОВА

ОТКРЫТАЯ РАНА

Убитый, убитый, убитый. И снова — убитый.
Устали считать мы...

Устали читать мы молитвы.

Убиты на лавочке, в сквере, в дороге и дома
Родные, знакомые... Или родные знакомых...

На детских качелях кровавые пятна застыли.
Здесь Маша и Владик кататься когда-то любили...
Вчера улыбались — назло постоянным обстрелам,
Сегодня ушли по ступеням пушистым и белым.

И снова: убиты, убиты, убиты, убиты...
Донецкий бассейн стал огромною раной открытой!
И это уже никогда не восполнить словами,
ни казнью виновных, ни даже благими делами.

Убитый... Убитый... Убитый... И снова — убитый...

КАК ПОЕДЕТ ДЕВИЦА НА ВОЙНУ

Как поедет девица на войну,
Да в единый станет с бойцами ряд.
Кто посмеет ей приписать вину,
Если стынет кровь и дома горят?

Не хватает здесь, на земле, тепла,
Но она собой её защитит...
Ягода июльская отцвела,
А душа девичья за всех болит.

Но земельки родненькой будет час —
И она очистится от врага.
Бьются, бьются молодцы там за нас...
Да дождутся ль Чистого четверга?

Не светло на душеньке, как в плену:
Где-то сиротинушки ждут любви.
Как поедет девица на войну,
Ты вослед её уже не зови...

РЕШАЮЩИЙ ЧАС

Россия, принимай своих детей!
В эпоху небывалых скоростей,
В эпоху непредвиденных потерь
Положено держать открытой дверь...

Россия, принимай себя саму.
Тебе ль не знать тюрьму или суму?!
Мы за тобой — на бой, на эшафот.
Но лишь вперёд, всегда идём вперёд.

Россия, ты на каждого одна.
И матушка, и дева, и жена...
Ты и ведёшь, и прикрываешь тыл.
И куполом сияешь золотым.

И отблеск боя — в русских куполах...
Идём к тебе, Россия, не за страх,
А потому, что глас родной земли
У каждого и в сердце, и в крови.

Мы в этот час стоим сплошной стеной —
И ты, страна, за каждую спиной
Врачей, шахтеров и учителей...
Россия, принимай своих детей!

г. Макеевка, ДНР

Иван НЕЧИПОРУК

ЕСЛИ МЫ ВЫЖИВЕМ

Если мы выживем в этом огне,
В этом густом удушающем дыме
И, вспоминая о стылой весне,
Сможем ли мы укротить этот гнев?
Если Господь нас оставит живыми...

Сколько в сердцах накопили мы зла
В списках потерь без конца и без края?
Нас угнетали тревога и мгла,
Мы выгорали от боли дотла.
Рок выл над нами, как псина дурная.

Как это всё обнулить и забыть?
Нам говорили, что нужно быть выше.
Только обиды, как тонкую нить,
Не оборвать, но и страшно хранить...
Если мы выживем, если мы выжи...

ГОРОД ЖИВ!

Канонада гудит без умолку,
Словно в сердце вбиваются сваи!
Город жив! Его вера живая
Отгоняет от нас кривотолки.
Пусть звенят дребезжаще трамваи
И хрустят под ногами осколки.

Но щебечут небесные птицы,
Что-то шепчут влюблённые клёны.
В этот город июньски-зелёный
Каждой клеткой торопишься влиться.
Светлый город, бедой опалённый,
Как лампада стоит у божницы...

г. Горловка, Донбасс

Анатолий АВРУТИН

* * *

*Памяти Ивана Лукина, геройски
погибшего в боях под Мариуполем,
сына московского поэта Бориса Лукина*

Грызём конфеты... Борис прислал.
От сладкого сердцу горько.
Посылка целая, вес немал,
А в глотку не лезут, Борька...

Конечно, в Минске конфет полно —
Не лучше в Москве, простите!
«Ты Ваньку нашего знал давно,
Хоть этим, да помяните...»

Он был морпехом... И всё строчил
Полсуток из пулемёта,
Когда строчить не осталось сил,
И рота давно не рота...

Строчил... И было почти не жаль
Тех строк, что в душе пропали.
Строчил... Вот так закалялась сталь
На бешеной «Азовстали!»

Не встанет, не позвонит: «Привет!»
«Я — воин» — не скажет гордо.
Остались орден да горсть конфет,
Что так обжигают горло.

* * *

Тётя Наташа плачет и злится —
В Харьков племяннице не дозвониться.
Пусть и в подвале — были бы живы!..
В трубке гудки, как глухие разрывы.
Верит Наташа, что натиск неистов —
В клочья бандеровских укронацистов!

Львовская тетушка загоревала —
«У Харкові дівчинка наша пропала,
Не дозвонитесь... Звісток не маємо...
Ми москоляків перемагаємо...»
Ноют у тетушки старые ноги,
Трудно дотопать им до «перемоги».

Враз растрезвонились два телефона,
Страшно в округе от этого звона.
А телефоны — только вещдоки,
Для их владелицы кончились сроки.
Зря из России и зря с Украины
Тётки звонят... Не ищите дивчины.
И не подскажут гневливые боги,
Что ни победы здесь, ни «перемоги»...

г. Минск

Нина ПОПОВА

БИТВА

Вóроны слетаются на пир...
На полях былинной русской славы
Снова мы встаём за целый мир
Против чёрной нечисти кровавой.

Каркают... Вестимо — их черёд
Осквернять могилы и молитвы.
Но грозой вскипает небосвод,
Словно продолженье грозной битвы.

Не кружи напрасно, вороньё,
Чтобы сердце выклевать герою.
Бьётся за него теперь моё,
Наполняясь грозовой кровью.

И течёт она по венам строк,
Закаляясь в огненной стремнине,
Чтобы знал и Запад, и Восток —
Мы за Русь стоим на Украине!

ПИСЬМО БРАТУ

Далеко-далече, на краю отчизны,
Где давно по правде отзвенели тризны,
Где родник усталый задремал в колодце,
Брата позовёшь ты — брат не отзовется...

Мухами засижен злат-оклад иконы,
Хата покосилась, кривде бьёт поклоны,
Царское корыто просит дура-баба,
Видно, аппетиты выросли не слабо!

На пороге осень — урожая нету:
Колос пуст да горек, не налился к лету.
Хоть и похвалялся пахарь горделивый,
Были изначально семена червивы.

Лютые морозы заждались атаки,
Бурею вскипает небо цвета хаки.
Кутаешься зябко ты в жупан соседский,
Выкинув на свалку ватничек советский.

Наплевал в колодец — вот и пей водицу.
А пошёл на брата — гнишь под заграницу!
Позабыв, что вырос ты в славянской зыбке,
Дьявольскую цену платишь за ошибки...

Эх, судьба-судьбина, не журысь угрюмо,
Підманули думки — время думать думу!

г. Москва

Марк НЕКРАСОВСКИЙ

* * *

Эта пыль под ногами. Кровавая пыль.
Это всё, что осталось от нас после боя.
Кем я был — я забыл, что любил — я забыл.
Не осталось тревог, не осталось покоя.

Время пыль разметёт. Мы травой прорастём.
Станем облаком, лесом, цветком зверобоя.
И на землю прольёмся весенним дождём,
Чтобы смыть все следы от смертельного боя.

Сколько нас полегло в безымянность могил,
Каждый ветром кричит: я ведь жил, я ведь жил...
Ветер гонит волной серебристый ковыль,
Что не век — то война и кровавая пыль.

г. Луганск, ЛНР

Татьяна ГРИБАНОВА

* * *

Да, притча во языцех мы для всех Европ.
Да, нынче «за бугром» опасно русским зваться.
Но нам ли привыкать?! С фашистом наш народ
и за себя умел, и за весь мир сражаться.

«Громим по всем фронтам!» — враги пустили слух,
мол, дрогнут москали, погодь, настанет осень.
Нет, это ты погодь, Бандеры верный друг,
трезубец твой сразит копьём Победоносца.

Во весь двурогий лоб, фашист любых кровей,
не свастику набей, а истину из истин:
медведя русского будить ни-ни! Не смей!
Забыл, о чём просил когда-то канцлер Бисмарк?

г. Орёл

Григорий БЛЕХМАН

Добро должно быть с кулаками.
Вот и сейчас в который раз
мы убедились в этом сами,
хоть слишком долго зрел наш час.

И наконец пришла пора
всем ощутить — нельзя иначе:
несложно знать, что будет значить,
если вернёмся во вчера.

И дай нам Бог не буксовать
И не миндальничать с врагами,
иначе нам несдобровать.
Добро должно быть с кулаками!

Поэтому наш путь — вперёд,
как и тогда — в сороковые,
когда единым был народ
в своём служении России.

Когда не только на фронтах,
но и в тылу шёл труд на совесть,
так было в душах, на устах
у всех, как пламенная повесть.

Добро — Россия и Донбасс,
а наша вера — наше знамя
и нашей прочности запас.
Добро должно быть с кулаками!

г. Москва

Татьяна МАКСИМЕНКО

Чем трудней наша жизнь,
Тем полней православные храмы.
И чем легче земля,
Тем небес неподъёмнее свод.
Мы к Победе идём,
Но она всё равно за горами.
Душу засуха гложет,
Хотя и живём средь болот.

Обелисков — не счесть!
Оторваться от почвы в России
Невозможно — на политотой
Воинской кровью земле.
Провожая детей на войну,
Мы в садах, как цветы их растили,
Как же горько терять их,
В свинцовой исчезнувших мгле.

Я из плакальщиц местных:
В молитве свой страх растворяю.
Я радею о ближних,
Желая их видеть в кругу.
Ненасытна война,
И опять на слуху Миротая...
Возвращайтесь, родимые,
Мы перед вами в долгу...

г. Жуковский Московской обл.

ПРАВДА СЕРДЦА

*К 90-летию со дня рождения и 10-летию со дня смерти
классика русской литературы*

Среди болотных хлябей Вологодчины немало затерялось деревенок, через которые в годы Великой Отечественной войны шло большое количество людей с котомками за плечами, иногда они просились на ночлег.

И никому из беженцев здесь не отказывали: кормили, отдавали последний кусок хлеба, укладывали спать. Одна за другой приходили матерям, жёнам солдат похоронки, но не хотелось верить казённым бумагам, потому что жила в их душе «правда сердца», которая была связана с последней надеждой, с мыслью о том, что, возможно, жив солдат. Именно эта правда и помогала людям выстоять в это суровое время.

Рассказы Василия Белова в яркой художественной форме отражают эту правду, идущую от сердца. Среди таких рассказов можно назвать и рассказы: «На Росстанном холме» и «Такая война». Героиня рассказа «На Росстанном холме» Мария ждала мужа двадцать пять лет с войны, не веря, что он пропал без вести, а героиня рассказа «Такая война» Дарья Румянцева решила, что бумага о том, что погиб на фронте больше года назад её сын Ваня, — «фальшивая,

подделанная каким-то недобрым человеком», поэтому она «ходила по всем дворам с одним разговором, что жив её Ванюшко».

Василия Ивановича Белова нельзя отнести к числу философствующих писателей, но у него был уникальный дар — наполнять рассказы до краёв правдой жизни, философией жизни, идущей не столько от разума человека, сколько от его сердечного чувства, которое помогает ему выстоять даже тогда, когда он стоит у последней черты, когда уже не остаётся для него никакого выбора. Но до этой последней черты он молчаливо и терпеливо несёт свой крест, не упрекая никого за все утраты и безысходность, зная, что до самой смертной минуты он должен делать своё привычное для крестьянина дело — долг перед землёй, в которую, прежде чем лечь самому, нужно бросить зерно, потому что от этого будет зависеть судьба его близких и родных, судьба деревни, судьба матери-Родины.

Своеобразие прозы Василия Белова состоит в том, что он смотрит на жизнь русского крестьянина как на духовную основу существования человека на земле, считая его главным связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим. Ему интересен человек, воспитанный в труде, потому что именно он готов в минуту испытаний понимать других людей, прощать им их ошибки. Писатель создаёт немало интересных характеров, которые можно считать народными характеристиками, несущими в себе своё особое осмысление мира. Герои его рассказов немногословны, и думы их не такие уж мудрые; незамысловат их быт и круг обязанностей, но их сердца открыты для мира, полны сочувствия ко всему живому

В рассказах Василия Белова господствует стихия живого народного слова, что делает человека близким, видимым, осязаемым, а прозу писателя — жизненной, правдивой настолько, что она иногда кажется документальной, потому что скупое, но вместе с тем очень ёмко он описывает детали крестьянского быта, атмосферу его многотрудной жизни, но самое главное — его духовный мир, его особое мироощущение, желание посмотреть на себя немного со стороны, собирая воедино свою память о прошлом, чтобы понять настоящее и будущее не только своего, но и всего крестьянского мира. Иногда кажется, что весь мир Василия Белова может вмещаться в одной только деревне, в одной крестьянской избе, потому что его характеры так глу-

боки, так жизненно достоверны и своим отношением к крестьянскому труду, и необыкновенным отношением к жизни и к людям, что до краёв наполняют мироощущение одного человека вселенской глубиной, соединяя словом частное и вселенское воедино, отражая при этом несгибаемую мощь народного духа.

Судьба самого писателя сложилась так, что с раннего детства он черпал впечатления для своих будущих рассказов из своей собственной жизни: родился он в крестьянской семье на Вологодчине; отец, в прошлом колхозник, с войны не вернулся; мать работала в колхозе, да и сам Василий Белов работал в совхозе, учился в школе ФЗО, после окончания которой приходилось познавать труд столяра, электротехника. Тяга к родному краю постепенно становилась главной силой, которая направляла и его судьбу, и его творчество к крестьянской жизненной правде. Зная глубоко историческую правду жизни своего народа, он знал правду жизни многих конкретных людей. Но самое главное — в нём глубоко жила стихия народного слова, позволяющая делать каждого героя почти осязаемым человеком с его душевностью, открытостью и совестью, с его скрытым трагизмом существования, особенно тогда, когда начиналось отчуждение человека от земли, превращающееся, в конце концов, в «ремесло отчуждения». В одной из публицистических статей Василий Белов с болью пишет о том, к чему приводит это «отчуждение»: люди, привыкшие ходить по асфальту московских улиц, землю, где бьёт чудотворный родник, где есть зелёные тропинки, ведущие к старинному храму Рождества Пресвятой Богородицы, утопающему в зелени деревьев (в районе Крылатских холмов), называют «грязью», от которой хотелось бы поскорее им избавиться.

Человек не существует сам по себе, вне природы, вне родственной цепи предков и истоков. В нём продолжается жизнь многих поколений, поэтому он отвечает и перед предками, и перед потомками за всё, что происходит на земле. Да и сам он — начало, исток будущего. Может умереть человек или дерево, но древо жизни вечно зеленеет, потому что собрало все соки земли, все душевные силы многих поколений людей, их веру в Бога, в бессмертие души человеческой — вот главное суждение писателя Василия Белова, которое содержится в самой системе его художественного мышления, в самом его слове. Это и делает его творчество жизненно и духовно необходимым и для современного человека, и для человека будущего.

Василий БЕЛОВ
(1932 — 2012)

ТАКАЯ ВОЙНА

РАССКАЗ

Ваню — сына Дарьи Румянцевой — убило на фронте в сорок втором году, а бумага пришла только весной сорок третьего. Она, эта бумага, с печатью и непонятной, уж больно подозрительной подписью шла к Дарье больше года. И оттого, что бумага шла так долго, а главное, что подпись-то была непонятная (один крючок с петелькой), Дарья решила, что бумага фальшивая, подделанная каким-то недобрым человеком.

Когда через деревню проезжали цыгане, Дарья каждый раз ходила гадать на Ваню. И каждый раз выходило на то, что бумага ненастоящая. Карты раскидывались как нельзя лучше: ей, Дарье, выпадало всегда семеренье, а к червонному королю ложился то туз бубей, означающий казенный дом, то крестовая шестерка. А король с шестеркой — не иначе была Ивану дорога. Дорога то в казенный дом, то из казенного дома. Правда, всё время крутился около и винновый король, этот чёрный антихрист с острым мечом в поганой руке. Так ведь что сделаешь, не на гулянку Иван ушел, на войну. Зато ни разу не пала рядом ни десятка виной (больная постеля), ни винновый туз, означающий смертельный удар.

Карты ложились веселые, все почти красные. Дарья уходила от цыганки радостная, просветленная, не жалея ни козьей сметаны, ни последней напойки еще довоенного китайского чаю.

Сердце ее успокаивалось, и она ходила по всем домам с одним разговором: «Жив у меня Ванюшко, жив, пустая эта бумага, неверная...»

И все люди, особенно бабы, шумно, с искренней готовностью подтверждали Дарьины мысли, а она, придя домой, ставила самовар и долго, отрадно пила кипяток с вяленой репой вместо сахара.

Самовар празднично выпевал на столе, насквозь по нему шли веселые звоны. Под белым сосновым полом кротко шуршала нехитрая мышка, часы на стене постукивали, как раньше, при сыне Иване. И Дарья терпеливо дожидалась конца войны.

По вечерам, зимой и осенью, она вдевала в пробой ворот недействующий замок, ровесник медному самовару, втыкала в скобу березовый батожок и шла на конюшню стеречь лошадей.

В конюшенной теплушке топились трескучая печка, пахло кожей и паром от потных войлочных хомутов. Упряжь висела рядами на деревянных штырях. Дарья вслух ее пересчитывала, зажигала фонарь и обходила конюшню.

Длинный сухой коридор с двумя рядами стойл был чист и уютен. Кони дружно хрупали сено: этот хруст сливался в один мерный бесконечный звук, похожий на шум тихого грибного дождя. Дарья любила слушать, как едят кони. Пока она шла длинным коридором, в ней светилось чувство покоя и удовлетворения, но она не знала, что это была всего лишь радость за измученных за день и теперь утолявших голод лошадей. Там и тут не жадно, по-крестьянски неторопливо кони выбирали мягкими губами волоти корма. Они провожали свет фонаря глубокими всхрапами.

Дарья проходила по конюшне из конца в конец и, довольная сама собой, всю ночь засыпала в теплушке, думала про сына Ивана.

С рассветом она возвращалась домой, волоча по пути какую-нибудь ломину, брошенный колышек либо гнилую тесину. Дрова маяли Дарью, особенно в зимнюю пору. Летом она топила в избе через день, чтобы сберечь поленце-другое, картошку же выдумала варить в самоваре. Это было и проще и выгоднее; картошки, если помельче, варились быстро, да и кипяток для питья выходил вроде бы чем-то позанятнее.

Первые два года войны Дарья держала в хозяйстве козу. «Не было скотины, не скотина и это», — говаривала Дарья, выгоняя козу из чужих огородов.

Коза была блудня чистая. Она всё время то залезала каким-то способом на крышу, бляла и бегала по князьку, не знала, как слезть обратно, и перепуганной Дарье приходилось звать на помощь старика Мишу. То забиралась коза в колхозный хлеб, и тогда Дарью, как, впрочем, и других, штрафовали на пять-десять трудодней. Да и молоко от козы Дарья есть не могла: оно воняло чем-то срамным, невзаправдашним. Из-за всего этого и называла Дарья свою «корову» разными кличками: то Валькой, то Щепоткой, но всегда без особого зла, и в общем-то жалела животину.

Как-то ранней весной коза неожиданно для Дарьи огулялась и потом на подножном корму осуягчилась двумя пушистыми и лобастыми козлятами. Козочку Дарья вскоре променяла соседке Сурганихе, променяла на три фунта овечьей шерсти, чтобы свалить валенки. Козел же незаметно вырос, превратился в лобастого похотливого остолопа, он прыгал даже на людей, фыркал, бесстыже оттягивая губу и юля хвостом. Борода у него была не борода, а свалывшийся ком репейных липучек, рога всё время в крови, потому что ребятишки приучили его бодаться. И Дарья не особенно тужила,

когда лишилась козла, хотя ей и показалось обидно, что не успела сдать его в счет мясопоставок. Сдала бы вовремя, теперь бы и не числилась за ней хоть эта недоимка...

Дарья еще не вышла из возраста. С нее брали полный налог: яйца, мясо, шерсть, картошку. Всё это она сдала, кое прикупив, кое заменив одно другим, и только по мясу числилась недоимка, да денежный налог был еще весь целехонек, не говоря уже о страховке, займе и самообложении. По этим статьям у нее было не выплачено еще и за прошлый сорок второй год, а Пашка Неуступов, по прозвищу Куверик, по здоровью не взятый в армию, Ванин одногодок, уже в январе принес Дарье новые обязательства.

Тогда Дарья бережно положила зеленые и розовые бумажки в коробочку из-под чая, а Пашка застегнул свою сумку с бумагами, начал Дарью отчитывать:

— Да как, товарищ Румянцева? Давай не будем ругаться, надо с государством рассчитываться.

— Знамо, Пашенька, надо, — сказала Дарья. — Как, батюшко, не надо, надо.

И завывставляла самовар, от души радуясь гостю. До войны Пашка ходил на гулянки вместе с Ваней, они даже гостились, и Дарья глядела на Пашку, как на родного.

Ей хотелось угостить его чем-нибудь, поговорить, но Куверик ушел в другой дом, и Дарья глядела ему вслед, вспоминая опять же сына Ивана.

И вот зимою, когда козел вырос, Дарья хотела сдать животину в счет мясопоставки, но не успела.

Дело получилось так, что однажды заведующий фермой приехал в деревню и поставил мерина на конюшне в свободное стойло. Дарья хотела снять с мерина седло и узду, а пьяный заведующий сказал ей, чтобы ничего не трогала, поскольку он скоро поедет обратно в контору. Дарья ушла домой: днем сторожить на конюшне нечего. И мерин-то был с другой конюшни. Он ел сено, будучи взнузданным, и от этого прикусил язык, довел себя, и его пришлось прирезать, а на правлении колхоза вместе с заведующим притянули в виновники и Дарью.

Заведующий выплатил свой штраф наличными, продал что-то и выплатил; у Дарьи же денег не было, это знали все, и в протоколе правления записали такое решение:

«Ввиду халатной порчи колхозного мерина изъять из хозяйства сторожихи Румянцевой личного козла».

Голод в народе начинался как-то незаметно, понемногу. Наверное, поэтому никто не всплеснул руками, когда в колхозе умерла от истощения первая старуха. Никто не удивился и тому, что двери теперь почти не закрывались от великого изобилия нищих.

По дорогам шли и шли какие-то чужедальные разномастные стариканы с батогамы и котомками. Брели с корзинами

убогонькие старушки и калеки, шли подростки с холщовыми, сшитыми для ходьбы в школу сумками. От деревни к деревне, от дома к дому перебирались дети. Всякие — начиная от еле успевших научиться ходить, кончая теми, что побольше. И бабы спрашивали у них: «Парнек или девушка?» Потому что по одежде было трудно угадать, а бабам надо в любое время знать всё обо всем.

Дети просили милостыню заученными фразами, то на погорелое место, то сказываясь сиротами. Стояли у дверей, равнодушные, не поднимая глаз. Им подавали, а если подать хозяевам было нечего, так же равнодушно поворачивались и уходили куда-то дальше. Старики же появлялись у порога проворно, чтобы не выстудить избу, крестились на угол: «Пошли, Господи, этому дому благодать и покой, сбереги его от огня и мора, сохрани хозяина от меча, от пули и лихого человека, подайте милостыньку ради Христа». Старушки же шептали молитвы, кротко, истово...

Нищие устраивались на ночлег еще засветло, чтобы не отемнеть, и в редком дому им отказывали в крове. Бабы сажали их за стол, делили похлебку, выпрашивали, чей да как зовут, какая семья и есть ли дом, чего слышно в чужих местах. Нищие отогревались у древних лежанок, мастера говорить сказки собирали компании слушателей.

Горела в избе почти бездымная березовая лучина, ветер шумел за окнами, и колдовские осенние ночи становились короче от веселых и жутких бывальщин.

— А вот, матушка, не слыхала, что летось в Дикове-то было? — обращаясь к хозяйке, тихо, умиротворенно начинала нищенка, и все затихали.

— Нет, бабушка, не слыхала. А чево?

Такая старушка сперва чисто плотно сморкалась в какую-то свою тряпочку, складывала сухонькие, глянцевитые от старости ручки и словно бы укоризненно качала головой: мол, все знают, что случилось в Дикове.

Хозяйка садилась к огню, ребятишки тыкали друг друга под микитки, чтобы занять место поближе.

— Вот, милая, в Дикове-то жила семья, мужик с бабой да двое ребёночков. Как война-то пошла по земле, мужика-то, ясное дело, в солдаты тут и забрали. Вот баба-то проводила его да и осталась одна с малолетками. А баба-то дородная, в кости широкая, звали Марьютой. Вот живут оне год, другой живут, вдруг, матушка ты моя, народ-от и приметил, что у Марюты по вечерам в погребе то ли собачка скулит, то ли поросенок. Как вечер-то придет, так, родимые, и заповизгивает, так и заплачет...

— В погреббе?

— В погреббе, матушка. А тут и видят люди-то, что у Марюты брюха стало больше, откуда, думают, у нее брюхо-то, ежели и мужик на войне, и никакого греха за бабой не важивалось...

Рассказчица походя, мелкими крестиками крестила узкую грудку, хозяйка ойкала и всплескивала руками, и ребяташки со страхом слушали историю с чёртом.

Из рассказа нищенки они узнавали, что эта Марюта запирала на день чёрта в свое подполье, а вечером он визжал и просился на волю, и она выпускала его по ночам и однажды родила ребеночка. И будто бы, когда мыли ребеночка в бане, то одна старуха видела у него крохотный, не больше наперстка хвостик, а когда собрались люди и обкурили весь дом дымом вереса, то ничего не увидели, только по снегу от погреба пролегли следы от копыт.

Старушка по простоте душевной вовсе и не заметила, что дело по рассказу было летом, в самый сенокос, не замечали летнего снегу и ее слушатели.

По утрам нищие вставали рано, вместе с хозяйками. Они уходили неведомо куда, уходили дальше, а взамен приходили другие, да так и шли волна за волной, и не видно было конца сумеречной голодной поре.

Вскоре стало совсем нечего есть. Небольшие скопленные до войны запасы хлеба были давно съедены, бабы начисто выскребли коробьи и лари тетеревиными крылышками. В тех домах, где коровы были нарушены, выручала картошка, в придачу бабы ходили менять добро в дальний, всё еще хлебный колхоз. Доставали из сундуков праздничные, напоминавшие прежнее платки, косынки, мужнины пиджаки, сапоги, складывали всё на саночки и, поголосив, деловито ехали за горькой добычей. Десять фунтов зерна за новые опойковые сапоги, полпуда картошки за богатую кружевную косынку.. Бабы, сдерживая слезы, не торговались, катились обратно, везли домой эти легкие зернята, эти считанные картошины. Ноши их были легки, и санки не скрипели по снегу от тяжести, и быстро-быстро пустели без того просторные довоенные сундуки.

Правда, и тут не обходилось без смеха: одна в веселом отчаянии променяла яркую, еще девичью фату-кашемировку на две крынки простокваши (хоть раз нахлебаюсь досыта!), другая за двадцать верст, по морозу, привезла домой бутылку шей, третья за пачку хрустких новехоньких облигаций купила хромую курицу... Как говорит пословица, один рот всё делает: и плачет и смеётся.

У Дарьи имелся хороший полушерстяной Иванов костюм. Иван купил его за три недели до войны: не успел даже поно-

сильно вдоволь, как поскакали на лошадях страшные нарочные, запели гармони, заревели на околицах бабы с девками.

Когда Дарья становилось невмоготу, когда начинало уж больно болеть сердце, она приносила из сенника этот костюм, гладила его, ловила далекий, уже забываемый затхлостью сундука Ванюшкин запах.

Однажды она заметила, что на рукаве некрепко сидела пуговица, в другой раз вывернула карманы, увидела копеечку и махорочную пыльцу: Иван привадился к куреву еще на действительной. И Дарья подолгу сидела одна, разволнованная, с облегчающими слезами, прятала копеечку в сахарницу, не торопясь, чтобы растянуть радость, пришивала к рукаву пуговицу. Она не могла осмелиться идти с бабами и тогда, когда начали пухнуть ноги.

На Первое мая соседский дедко, сивый бухтинник Миша, купил у нее козу. Половину цены Дарья взяла с него картошкой, другую деньгами. Деньги, семьдесят пять рублей, Дарья того же дня отдала финагенту, а картошку разделила тоже пополам: корзину на питание да корзину оставила на семена. Чтобы, как и все добрые люди, посадить хоть грядку. Но чтобы не умереть, ей пришлось вскоре варить в самоваре и эту семенную картошку, а когда начали пахать огороды, у Дарьи заболела душа. Надо было посадить хоть грядку, хоть полгрядочки, и она решилась, пошла с бабами...

Она выменяла на Иванов костюм полмешка картошки и обрезками посадила полторы гряды. Корзиной оставшихся обрезанных картофелин да лепешками из клеверных куколок Дарья и питалась, считай, до самой казанской.

Отрадное, теплое пришло на деревню лето.

Дарья каждый день ходила с бабами косить: в куче и время шло быстрее, и есть меньше хотелось, и тоска как будто стихала.

На привалах Дарья садилась около баб, грела на солнышке опухшие ноги. Ее все время тянуло в сон. Она редко вступала в разговоры и порой не слышала комариных укусов.

— Шла бы домой, Дарьюшка, да полежала, — обращались к ней иногда, а она встряхивалась и, стыдясь своей слабости, ласково, с нежностью говорила:

— А головушка-то кружится, девушки, так уже она у меня кружится, так кружится...

Облака чередой проходили в небе. В горячих травах неустанно всесветно звенели кузнечики, их звон сливался с нестихающим, по-угарному тоненьким звоном в ушах.

Дарья опять дремотно клонила голову, улыбалась, когда ветер ласкал цепенеющий лоб, и с трудом поднималась на ноги, брала грабли.

В первые минуты работы ей казалось, что она вот-вот упадет. Но понемногу опять появлялись какие-то новые силы, удивлявшие своим появлением и ее самою, и Дарья уходила домой только вместе со всеми. По пути она тоже рвала под кустами сочные сладкие трубки дягиля, обдираала полосками верхнюю грубую кожуру и ела хрустящую мякоть, собирала усыхающий щавель.

Солнце увеличивалось, краснело и сходило за горизонт. Коровы шли с выгона, у речки пробовал свой голос дергач, будто и не было нигде никакой войны.

Дома Дарье становилось легче, она ставила самовар, клала в него три-четыре картофельных обрезка. Самовар у нее вскипал очень быстро, она даже не носила его на стол, а оставляла у шестка и, пока ела картошку, всё оглядывалась на него, разговаривала с ним:

— Вот ты у меня еще побулькай, вот у меня побулькай. Ишь он разбулькался.

Дарья так же вот разговаривала раньше с козой, разговаривала с подпольной мышкой. Но козу давно купил и зарезал сосед Миша, да и мышка под полом теперь не жила, и Дарья разговаривала с самоваром:

— И нечего. Я вот тебе сейчас! Возьму да трубу-то и закрою, ты и остановишься.

Самовар успокаивался и переходил на тихий, похожий на церковное пение звон, потом в нем что-то тихонько потрескивало, и, пискнув последний раз, он затухал у шестка.

К Дарье часто по одной, а то и по две приходили погулять бабы, заглядывала сгорбленная, словно пополам переломленная Сурганиха. Они приносили иной раз то крыночку не выпоенной скотине сыворотки, то недоеденную в блюде хлебку, а Сурганиха угощала ее клеверной лепешкой, пробовала и хвалила Дарьино печенье, выпивала чашку-другую кипятку. Они подолгу сидели за самоваром, рассказывая друг дружке свои сны и жалуясь каждая на свои немочи.

Раза два-три за лето прихаживал и сивый, с апостольской головой старик Миша, однажды он насадил ухват, в другой раз перевязал разошедшееся косьевище.

И каждый раз все спрашивали, нет ли от Ивана письма, а когда узнавали, что письма нет, сокрушенно и участливо чмокали языками, утешали Дарью:

— Придет письмо, Дарьюшка, как не придет, должно прийти. Ведь сама посуди, какая ныне война идет, все люди, свои и чужие, перемешались. Да и почта, она ведь тоже иной раз не успевает.

— Да, милая, да... — Дарья радостно поддакивала и промокала передником глаза.

— Опять же эти вот бомбёжки возьми. Ведь сколько этих ашелонов-то почтовых до своего места не дошло, поди и не сосчитать. А и ему-то тоже, Ивану-то. Может, иной раз и написать-то нечем, ни карандаша, ни грамотки, ведь это, матушка, не дома.

— Не дома, не дома, милая.

— Ежели их в самой большой огошек увезли, им, ребятам-то, может, и похлебать-то времечка нету, не то что письмо написать.

Сама Дарья по другим избам не ходила.

А однажды, когда еще с утра собирался грозовой дождь и надо было метать стоги, она испугалась, что оставила самовар незакрытым.

Молнии метались уже над самой деревней, туча давила на побелевшие крыши. И Дарья, теряя силы, побежала домой. Она крестилась при каждом ударе грома и всё ругала себя, что не закрыла самовар скатертью, что печная вьюшка тоже осталась не задвинута...

Дарья еле успела добежать до избы, когда обрушился на деревню тяжелый сплошной дождь. Небо гремело тоже всё сплошь, в потемневшей избе углы озарились дымно-желтыми сполохами молний. Дарья, слабея от страха, задвинула вьюшку, плотно укрыла самовар холщовой скатертью, и в это время грохнуло так, что она, не успев перекреститься, бессильно упала на пол и потеряла память.

Но гроза прошла так же быстро, как и накатилась. Гром еще медленно уползал за лесной гребень, и золотые капли еще летели с неба, когда выглянуло солнышко. Дарья еле выбралась на крылечко, голова у нее кружилась и ноги не слушались. Она ласково глядела на свежую, умытую дождем траву, слушала чирикание белогрудых касаток и опять ругала себя: за то, что не догадалась поставить бадью под застрех. Слабость и глухая боль в темени не могли заглушить этой обиды на самую себя. И вдруг она тихонько, беззвучно зашептала что-то сама про себя, и ей было странно, что она стала будто бы и не она, а другая, и что эта, другая Дарья, выговаривала ей, Дарье, за непоставленную бадью. Ей стало приятно, от-радно, она как бы смотрела и слушала сама себя, будто ее тело отделялось от нее, и теперь она стала легонькая и радостная.

А гром совсем затихал вдалеке. От ясной чистой травы поднимался теплый ясный пар, крутая ясная радуга была высока и почти ошутима. Широкая, чистая в своем многоцветье полоса, опоясав громадное полукружье, падала в зеленое поле, а заслоненные той полосой, светились жемчужно-розовые ивняки. Дарья как будто вспоминала что-то и не

могла вспомнить. На глаза ей попала давнишняя корзина-боковушка, висевшая в сенях на деревянном гвоздике, и вот Дарья, глядя на эту корзину, долго и трудно что-то вспоминала.

Она поднялась на ноги и, как во сне, сняла эту корзину, тихонько держась за стену хлева, пошла в огород. Открыла отводок, подошла к грядке. Картошка уже кустилась. Дарье было приятно глядеть на мясистые, сочные стебельки, на широкий шершавый лист, готовый вырядиться в бело-желтые цветы.

Дарья опустила на колени, дрожащими пальцами разрыла землю, нащупала и оторвала от корней матку-картофелину, которая дала жизнь этим зеленым стеблям. Зародышей молодой картошки еще не было на белых хрупких корешках, это Дарья видела.

Она разрыла еще кустик, потом еще, складывая в боковушку черные, вялые, высаженные в землю картофелины-обрезки. Дарья насчитала десять картофелин, оберла их о траву и тихая, довольная вернулась в избу.

Самовар стоял у шестка веселый, светлый, как перед праздником.

Дарья потихоньку принесла с колодца бадейку воды, отщипнула от полена с полдюжата лучинок, но разжечь не успела: в избу шумно вошел Куверик.

— Дома хозяйка?

— Дома, батюшко, дома, проходи, Пашенька, да садись.

Дарья поставила ему скамеечку. Но Пашка Куверик на поставленную скамейку не сел, а сел на лавку, за стол. Расстегнул полевую сумку, не глядя на Дарью, начал листать бумаги.

Дарья с почтением глядела, как он листал бумаги. Потом Пашка ножичком ловко очинил карандаш.

— Дак как, товарищ Румянцева? Будем деньги платить или не будем? Одна ты во всей деревне злоупорничаешь, придется, видно, принимать меры.

— Беда, Пашенька, денег-то у меня сейчас нету, ты бы подождал хоть немного.

— Нет, я больше ждать не намерен.

— Не намерен?

— Нет, ни в коем случае.

Дарья замолчала и, вздохнув, зачем-то поскребла пальцем столешницу, а Пашка деловито оглядел избу, сказал:

— Буду описывать...

— Дак ведь что уж... Ежели... Уж твое дело, батюшко...

Пашка долго под копирку писал какую-то бумагу, и Дарья терпеливо ждала его.

После они оба пошли по дому.

Пашка сам отпер чулан и, пока Дарья стояла у дверей, открыл осиновою коробью, заглянул под лавочку. В чулане было темно, он то и дело чиркал спички.

— Так, коробья, старое решето. Это не пойдет. Бёрда ткацкие... Не годится. Есть еще что?

— Есть, Пашенька, есть. Вот бутыль из-под карасину да корья девять мотушек.

— Я не про это спрашиваю. — Пашка чихнул. — Одежа какая-либо, холсты.

— Нету, батюшко. Вон только шерсти два фунта с четвертью, обутку хотела к зиме...

— Где?

— Вот, батюшко, вот. — Дарья подала ему шерсть, набитую в старую ситцевую наволочку.

Больше ничего Пашку не заинтересовало, ни в чулане, ни на повети, ни в темном, пахнущем гнилью подвале.

Он вернулся в избу, открыл шкаф, оглядел полати с залавком, откинул за колечко крышку западни, но ничего нигде не было.

— Вот, товарищ Румянцева, подпишись в акте и в описи.

— Неученая ведь я, Пашенька.

Пашка знал и без этого, что Дарья расписываться не умеет. Он поочередно подтянул за ушки голенищ свои хромовые сапоги, сложил бумаги в сумку и опять же, не глядя на Дарью, строго сказал:

— Так, товарищ Румянцева!

Дарья налила воды в самовар и хотела разжечь лучинки от Пашкиной спички, но Пашка отвел спичку, прикурил и загасил огонь. Дарья ничего не поняла. И только тогда, когда Пашка взял самовар и пошел выливать воду, Дарья заплакала, заговорила, забегая перед Пашкой:

— Пашенька... Милый, как я без самовара-то, возьми шерсть-то, оставь самовар-от... Век буду Бога за тебя молить, Пашенька.

Но Пашка унес и шерсть и самовар, а Дарья в слезах села на лавку. Голова у нее опять закружилась, заломило темя. В избе без самовара стало совсем неприятно и пусто. Дарья плакала, но слезы в глазах тоже кончились.

День долго светился в окошке. Далеко за лесами до ночи урчали тревожные громы. В избу залетали оводы и, погудев, улетали обратно, иные тыкались в окна, подолгу точили лбами стекла рам и устало затихали.

Дарья ничего этого не слышала. Она изгрызла мягкую, изросшую в земле картофелину, изгрызла еще одну и улезла

на печь. Не зная, день на улице или ночь, утро или вечер, она лежала на печи, чувствовала, как слабеют руки и ноги.

Она всё пыталась отделить явь от сна и никак не могла, и далекие громы казались ей шумом широкой, идущей двумя полосами войны. Война представлялась Дарье двумя бесконечными рядами солдат с ружьями. И будто бы солдаты стояли рядами, друг перед другом, свои и немецкие, поочередно стреляли друг в друга, а между своими и чужими рядом лежала ровная зеленая трава. Эти ряды солдат терялись далеко на горизонте, и будто бы солдаты то и дело поочередно падали друг в друга. А Иван, ее сын, стоял на самом виду, на горушке, и у него почему-то не было в руках ружья. Дарье было страшно, ей казалось, что его сейчас убьют, потому что он стоял без ружья, и мучительно хотелось окрикнуть его, чтобы он поскорее взял ружье, но крика не получалось. И Дарья побежала к нему, вся в жестокой тревоге. Ей хотелось бежать быстрее, а ноги ее не слушались, и что-то тяжелое, всеильное не давало ей бежать к сыну. И ряды солдат неотвратимо, медленно удалялись от Дарьи все дальше и дальше...

На третий или четвертый день Сурганиха ходила в магазин, чтобы купить оселок для наставки кос, и увидела на прилавке Дарьин самовар. Она в изумлении даже повертела кран: самовар взаправду был Дарьин.

«Ой, ой, ведь отняли, — подумала Сурганиха, — бес этот Куверик, самовар отнял у старухи».

Сурганиха на покосе рассказала бабам, что видела на прилавке Дарьин самовар.

Бабы заохали, жалеючи Дарью. Тут же выяснилось, что Дарья уже третий день не выходит в поле, и все всполошились еще больше.

— Да сколько стоит-то?

— Жива ли уж она, девушки, Дарья-то?

— Куверик дак Куверик и есть.

— Пёс, не парень, пёс...

— Выкупить бы самовар-от ей, — заметил кто-то, и бабы притихли, испугались этого предложения. Но потом опять одна за другой заохали, заговорили, и как-то само так получилось, что делать было нечего, надо собраться всей деревней и выкупить самовар.

Магазин по случаю сенокоса работал по вечерам. Бабы собрали кто сколько мог, выкупили самовар и, довольные, всем гуртом пошли к Дарьиной избе.

Однако изба была на замке, который не запирался, а в скобе торчал берёзовый батожок.

— Ушла, видно, сердешная, по миру ушла, — сказала Сурганиха.

Открыли ворота, обошли пустой дом. Все было подметено, шкаф закрыт, ухваты у печки стояли в порядке. Сурганиха сразу заметила, что корзины-боковушки ни в избе, ни в коридорчике не было.

Бабы поставили самовар на обычное место, повздыхали и вышли, заперев избу тем же замком.

— Пошла по белому свету..

— Может, и не оставят крещеные.

— Одна голова не бедна, а бедна — так одна.

— Истинно.

— Говорят, от сумы да от тюрьмы не зарекайся, — сказала Сурганиха, втыкая в скобу Дарьиных ворот всё тот же березовый батожок. — Даст Бог, война кончится, жизнь наладится.

Сенокос шел своим чередом.

За лето через деревню прошли сотни нищих: стариков, детей, старушек. Но Дарью ни разу никто не видел. Изба ее стояла одна. Отцвела грядка картошки за этой избой, с крыши двора оползло с десяток подгнивших тесин. А Дарья так и не вернулась в деревню.

Бабы выпрашивали у нищих, не видали ли они Дарью, не встречали ли где, но никто не видел, никто не встречал.

Только однажды уже зимой до деревни дошел слух, что километрах в десяти отсюда, в сеновале на лесной пустоши нашли какую-то мертвую старуху. Ездили за сеном и нашли, она лежала на сеновале, видать, с самой осени, потому что кусочки в ее корзине уже высохли, и одежда на ней была летняя. Бабы единогласно решили, что это обязательно и есть ихняя Дарья, больше, мол, быть некому, кроме нее. Но старик Миша только подсмеивался над бабами: «Да, угадали, как в лужу дунули, — говорил он, — обязательно и есть эта старуха наша Дарья. Да разве мало таких старух по матушке Расее? Ежели считать этих старух, дак, поди, и цифров не хватит, а вы — Дарья, Дарья! Их, старух-то этих...»

Бабы махали на Мишу руками, отстаивая свое твердое и ясное мнение: мол, ты, Михайло, сиди и не спорь, Дарья была в сеновале, больше некому. Миша отмахивался:

«А ну вас к богу в рай, вы сороки, вас не переспоришь».

И правда, спорить с бабами одному старику было бесполезно.

А может, и правы они были, эти бабы, кто знает? Они, бабы, почти всегда бывают правы, особенно когда на земле такая война...

1960 г.

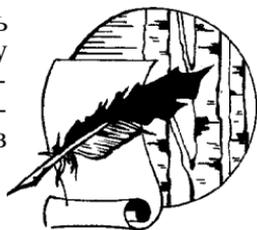
Елена СУХОВА,
кандидат филологических наук

РУССКАЯ СУДЬБА

*«Молодая гвардия» в поэтической судьбе Фёдора Сухова.
К 100-летию юбилею поэта*

6 апреля 1944 года в газете «Красная армия» было опубликовано стихотворение «Великий путь» командира взвода противотанковых орудий старшего лейтенанта Фёдора Григорьевича Сухова. Позднее в своей автобиографической повести «Буреполом» поэт так объяснит, почему он начал писать: *«Сколько песен, сколько шуток-прибауток — уму непостижимо! — услышал я из уст своих односельчан, потому, наверное, и занемог ревностной любовью к красно сказанному слову, к его песенности... упоая не столько на свои способности, сколько на свой природный, как говорил Аввакум Петров, русский язык, полученный мною в безраздельное наследство от деда моего Петра Матвеевича, от бабушки, от отца, от матери, от всех жителей Красного Осёлка...»*

Подростком он подражал Алексею Кольцову, Сергею Есенину (книгу его стихов, случайно к нему попавшую, переписал и выучил наизусть), Николаю Клюеву. Именно стихи помогали ему выстоять в смертельных боях, они давали надежду на то, что смерть обойдёт стороной. Возвратившись из Германии в родной колхоз села Красный Осёлк, Фёдор Сухов

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

пытается опубликовать свои стихи в газете «Горьковская коммуна». В 1947 году были опубликованы в ней два его стихотворения, в 1948 году — 4. Поэт верит в свою судьбу, в свою удачу. Ездит в город, а иногда и ходит туда пешком, ночует на пристанях, но никак не может устроиться в Горьком хоть на какую-то работу: город не принимает не прописанного в нём офицера, а в колхозе для него работа только в поле.

Однако появились знакомые пишущие, такие же неприка-
янные и не обласканные печатными изданиями поэты — Ми-
хаил Тимонин, работавший сторожем в музее, домике Каши-
рина, часто дававший приют бездомному собрату по перу в
своей каморке. Случайно познакомившись в коридорах «Горь-
ковской коммуны» со студентом Литинститута, земляком Се-
мёном Шуртаковым, Ф. Сухов увязался в сентябре 1949 года
за ним в Москву. С. Шуртаков в Литинституте был в профко-
ме студентов и посоветовал Фёдору обратиться к автору зна-
менитого романа «Молодая гвардия» Александру Фадееву. В
то время он возглавлял Союз писателей СССР. Отправившись
на приём к нему вдвоём. Земляк, уже пообвыкшийся в Моск-
ве, привёл стесняющегося и себя, и своих стихов, робеющего
Фёдора Сухова в знаменитый на всю Москву кабинет писате-
ля. Фадеев попросил почитать стихи, после чего написал за-
писку ректору Литинститута принять офицера Ф. Сухова в
число студентов, а когда узнал, что тот не ел несколько суток,
да и никакой одежды, кроме той, что на нём, не имеет, прика-
зал выдать денег и на еду, и на тёплую одежду.

Окончил Литинститут Фёдор Сухов блестяще, стал един-
ственным на своём курсе обладателем диплома с отличием, учил-
ся взахлёб, пытаясь наверстать всё, что было отнято войной.
Стал любимейшим студентом профессора А.А. Реформатско-
го, был благодарен ему всю жизнь за привитую любовь к рус-
скому языку, к нашей древнейшей истории, к древнерусской
литературе. За пять лет учёбы в Литинституте (1949—1954) Фе-
дор Сухов стал зрелым мастером, со своим неповторимым голо-
сом, смог подготовить к изданию свою первую книгу стихов
«Родные просторы», вышедшую в Горьковском книжном изда-
тельстве в 1954 году; в неё вошло ставшее затем известным на
всю страну стихотворение «Провожали меня на войну».

Недалеко от Переделкина, где жили студенты Литинсти-
тута, в соседней Бакровке, в 1950 году повстречал поэт свою
любовь, волжанку из Саратовского края, тоже живущую на
птичьих правах в служебном общежитии противотуберкулёз-
ного детского санатория, устроенного в бывшей, когда-то
знаменитой усадьбе Ю.Ф. Самарина. Она работала там мед-
сестрой. Когда молодым оказалось невозможно снять угол

для жилья с ребёнком, пришлось Клавдии Ермолаевне в 1953 году возвратиться с младенцем на руках, первенцем Алёшенькой, в родной дом, в город Энгельс. Там студент Ф. Сухов проводил все каникулы в дружной, многодетной семье Суслыховых, ютившейся в крошечном домике. В 1954 году в молодой семье родилась я.

Окончил Фёдор Сухов Литинститут — и опять бездомность, опять неприкаянность: в родном селе, в Москве, в Горьком, в Саратове не принимали на работу без прописки. Помыкавшись в поисках работы, поэт узнал, что в разрушенном Сталинграде нужен литсотрудник в газету «Сталинградская правда». Оставив жену и детей в Энгельсе, приехал поэт в редакцию газеты, его приняли, но жить предложили в приемной редакции, выделив для ночлега продавленный диван. Несколько месяцев Ф. Сухов жил и работал в редакции газеты, пока ему не выделили крохотную комнатку в рабочем посёлке завода «Баррикады» — как радовалась молодая семья этому углу: Клавдия и Фёдор и их малолетние дети наконец-то получили хоть и в коммунальной квартире, но свою комнату «со всеми удобствами».

На чужбине, вдали от родных мест они задержатся на долгие 20 лет *«не очень-то весёлой жизни»*. В 1956 году в Сталинграде выходит вторая книга стихов молодого поэта — «Поспевают ягоды». В 1957 году журнал «Молодая гвардия» во втором номере поддержал фронтовика заметкой В. Ланиной «Книги поэтов-сверстников», в которой говорилось и о его книге. В этом же году литсотрудник «Сталинградской газеты» Ф.Г. Сухов становится членом Союза писателей СССР.

В 1960 году в шестом номере журнала «Молодая гвардия», появилась подборка его стихов. Благодаря этой публикации голос поэта стал заметен. В 1961 году в №3 «Молодая гвардия» публикует его поэму «Забывтая песня». Эта поэма открыла поэту дорогу в одноимённое издательство, где в том же году выходит пятая книга поэта «Дождь сквозь солнце». Когда Ф. Сухов напишет поэму «Былина о неизвестном солдате», журнал представит фрагменты из неё в 1971 году в №11. Благодаря журналу поэма окажется в списке произведений, заявленных на Всесоюзный конкурс ЦК ВЛКСМ им. А.А. Фадеева, посвященный 25-летию юбилею Великой Победы, на лучшее литературное произведение о Великой Отечественной войне. Журнал «Молодая гвардия» во втором номере 1972 года опубликует «Решение Секретариата ЦК ВЛКСМ, Секретариата Союза писателей СССР о присуждении I премии Всесоюзного литературного конкурса им. А.А. Фадеева Фёдору Сухову. В том же году издательство «Молодая гвардия» выпустило «Былину о неизвестном солдате» отдельной книгой.

Сотрудничество с журналом и издательством «Молодая гвардия» продолжалось. В 1976 году в №5 «МГ» вновь вышла его подборка стихов. А в 1979 году издательство «Молодая гвардия» в сборнике «Ясень» опубликовало его драматическую поэму «Красная палата» об опальном протопопе Аввакуме. В 1983 и в 1985 годах — новые журнальные стихотворные публикации. В 1986 году одноименное издательство выпустило книгу «Песня о Земле и Хлебе: стихи русских и советских поэтов», куда включило стихотворение Ф.Сухова «Бабушкин серп».

В год столетнего юбилея поэта-фронтовика Фёдора Григорьевича Сухова хочется ознакомить нынешних читателей «Молодой гвардии» с его стихами, написанными в разные годы. Время показало, что всё созданное им на ниве поэтического творчества современно и сейчас.

Фёдор СУХОВ
(1922 — 1992)

Я С ВАМИ, МИЛЫЕ МОИ...

В ТО ЛЕТО

Клавдии Суловой

Тебя запомнил я такой,
Какою ты была
В тот самый день, когда с тобой
Я вышел из села.

Мы шли по полю напрямиком,
И путь мой был далёк.
Как слёзы — видел я — тайком
Ты прятала в платок.

И говорила: — Вон верста,
Дойдём до той версты.
И как задумчиво-грустна
Была — я помню — ты.

Но не заметили, как столб
Тот самый, верстовой,
Стал позади, а я всё шёл,
Ты тоже шла со мной...

Потом расстались. Не забыть
Твоих прощальных слёз:
Ведь ты одна могла любить
Меня вот так, всерьёз.

Июньский тёплый ветерок
Играл на большаке.
Как голубь, рвался твой платок
Ко мне в твоей руке...

Четвёртый год меня ты ждёшь
Туда, к себе домой,
Четвёртый год мне письма шлёшь
По почте полевой.

Но знай: чем дольше дни разлук,
Чем больше было мук.
Тем встречи радостней, мой друг,
Мой настоящий друг!

1952

* * *

Провожали меня на войну,
До дороги большой провожали.
На село я прощально взглянул,
И вдруг губы мои задрожали.

Ничего б не случилось со мной,
Если б я невзначай разрыдался, —
Я прощался с родной стороной,
Сам с собою, быть может, прощался.

А какая стояла пора!
Лето в красном цвету медовело.
Собирались косить клевера,
Рожь от жаркого солнышка млела.

Поспевала высокая рожь,
Наливалась густая пшеница,
И овёс, что так быстро подрос,
Прямо в ноги спешил поклониться.

Заиграла, запела гармонь,
Всё сказала своими ладами,

И платок с голубою каймой
Мне уже на прощанье подарен.

В отдалении гром громыхнул,
Был закат весь в зловещем пожаре...
Провожали меня на войну,
До дороги большой провожали.

1954

* * *

Снова дышу я ромашковым летом
Яблочной, милой моей стороны.
Снова я полон свежеющим ветром,
Светом в озёра упавшей луны.

Выйду ли в поле, в луга ли я выйду,
Сразу вскружится моя голова.
Сердце взбодрят неказистые с виду,
Соком берёз налитые слова.

Вызвенит песню мне рожь иль пшеница,
Вышепчет добрую сказку пырей,
А на заре — неужели приснится? —
Чья-то летящая строгость бровей.

Жаркие, знойные губы приснятся,
Встречи в цветущей лесной тишине,
И не чужие — мои восемнадцать
Вёсен опять возвратятся ко мне.

Нету ни тяжких потерь, ни разлуки,
Незабываемо лунно, светло,
Снова я глажу капризные руки,
Чьё-то опять обнимаю тепло.

Льётся молочная пена черёмух,
Буйствуют в ближнем саду соловьи, —
Дескать, друзья, не пора ли до дому,
Дайте нам высказать чувства свои!

Слишком прозрачны весенние зори,
Больно хрупки они и коротки.
Отягощают рососою, как солью,
Девичьи ждущие солнца платки.

Не потому ли неистовей, злее
Буйство пернатого говоруна,
Не оттого ли, бледнея, робея,
С ясного неба скатилась луна.

Больше ни рук, ни тепла, ни беспечной
Встречи в какой-то неведомый год...
Только одна соловьиная песня
Мне ни покоя, ни сна не даёт!

1958

МАЛИНОВЫЙ ЗВОН

Всю-то жизнь я искал красоты,
В красоте — лепестящейся нежности.
Я любил луговые цветы,
А любить-то их вроде бы не за что.

Резеда, череда, зверобой,
Да ромашки, да разные кашки...
Что ж мне делать? Как быть мне с собой?
Как уйти мне от радужной сказки?

Никуда не уйдешь. А уж если
Вдруг забудусь, куда-то уйду,
На давно уготованном месте,
Может, сам превращусь в резеду.

Ну а может, ромашкою стану.
Хорошо б колокольчиком стать!
Чтоб соседним лесам и полянам
Что-то вызвенить, что-то сказать.

Ах, давно оно вызрело, слово,
Но сказать я его не сказал,
То ли время уж слишком сурово,
То ли в чем-то я сам оплошал.

Оплошал я. Я был обезволен.
Был безмолвней поникшей ветлы.
Не с того ль раскрылившийся ворон
На мои раскогтился цветы?..

Но теперь эта черная птица
Там, где луг мой росист и широк,

Никогда она не раскогтится —
Есть всему своё время и срок!

И ничто уж меня не остудит.
Может быть, я наивен, смешон...
Но вы слышите, добрые люди,
Мой певучий малиновый звон?!

1962

* * *

Среди людей ищу я человека,
Среди зернины — яблоко ищу.
А сам я кто? Урод я иль калека,
Бредущий навстречь шумному дождю?

И ничего-то я не понимаю,
Но всё же что-то силюсь разгадать.
Я каждую дождинку принимаю
Как высшую на свете благодать.

Я подойду к речушке невеликой
С великой ношей благодарных чувств,
И ежели случится ежевика,
Я ежевикой этой угощусь.

Смородины отведаю и снова
Подамся по дороге столбовой.
И может статься, набреду на слово,
Повитое целебною травой.

Не слово, так трава меня излечит,
От давнего недуга исцелит,
Она со мною на одном наречье,
На языке понятном говорит.

Воспряну я и телом и душою,
Как бы с самой землей наговорюсь.
Сойдет с меня дымящаяся росой
На сердце солонящая грусть,

Быть может, тут-то я и повстречаю,
Среди зернины яблоко найду
В моем, еще не тронутым печалью,
Зарницами играющем саду.

1967

ВЫЗЫВАЮ НА СЕБЯ ОГОНЬ...

Мне говорят, что я такой-сякой,
Я злюсь, бешусь и, остывая, плачу...
А может, я действительно плохой,
А может, вправду ничего не значу?

Скажи, как быть мне, как мне поступить,
Мой давний друг? Но рядом нету друга.
Какой ценой спокойствие купить,
Что полюбить и что мне разлюбить,
Скажи, мой друг? Но рядом нету друга.

Зову его, далёкого, зову,
Вываю всей испытанной любовью.
Но вижу только пепел да золу
Да серых галок над печной трубою.

Я вижу, как слетелось вороньё
Над полем, изувеченным войною.
Выкаркивая дикое враньё,
Оно уже вскружило надо мною.

А друга нет, его всё нет и нет,
Быть может, никогда его не будет.
Взошла луна, её унылый свет —
Меня он не согреет, не остудит.

Хочу забыться я, заснуть хочу,
Но кто-то вдруг натруженной ладонью
Меня тихонько стукнул по плечу,
Как будто облил ключевой водою.

Я вскакиваю. Кто это? Постой,
Да это... Друг мой, кто это? Постой-ка...
Пилотка с зазелёненной звездой,
Окопная простая гимнастёрка.

Кирзовые большие сапоги,
И весь измокший парус плащ-палатки,
И автомат, и сбоку у ноги
Точёный черен шанцевой лопатки.

Я узнаю, себя я узнаю,
Далёкого, былого, фронтового,
Себе, далёкому, я руку подаю
И говорю приветственное слово.

Потом иду я, сквозь огонь иду,
И падаю, и — снова поднимаюсь.
Несу свою священную звезду
К победному торжественному маю.

Забыт, и сон забыт, забыт покой,
Иду и свято верую в удачу.
Так, значит, я не очень-то плохой,
Так, значит, я чего-нибудь да значу.

А если иноходец мой, мой конь,
А если он споткнулся в самом деле,
Я вызываю на себя огонь,
Тяжелые, гремите, батареи!

И не жалей, мой давний друг, меня,
И не печаль опущенного взгляда, —
Ты сам погиб от своего огня,
От своего тяжёлого снаряда.

1960-е

БАБУШКИН СЕРП

Жила на свете бабушка Анисья,
Она моею бабушкой была.
Дубовые в капусту клала листья,
Вприкуску чай из блюдечка пила.

Была она великой мастерицей,
Слагала песни бабушка моя,
Летала неприкаянной синицей
За дальние, за синие моря.

Она берёзой во поле стояла,
Развесистой кручинилась листвой,
Она у Красного клонилась Яра,
Плакучей убивалась головой.

А как поспеет рожь, а как поспеет,
Как зазвенит серёжками овёс,
Её глаза вдруг делались скупее
На яблоки неудержимых слёз.

«О Господи,
Не гневайся, не надо,
Не омрачай возлюбленной души!»
Она, умаянная до упаду,
Душой к высокой припадала ржи,

Хватала наклонённые колосья,
Вязала их в тяжёлые снопы.
Дохнуло зябкой свежестью колодца,
Взвихрилась пыль с исхоженной тропы.

Сердито выкатился на дорогу,
Прогрохотал неотвратимый гром,
Рассыпался по просу, по гороху,
За отдалённым спрятался бугром.

И нету бабушки моей. И нету
Быллой единоличной полосы.
И только серп...
Я вижу, как по небу
Гуляет он в вечерние часы.

Ольховые оглядывает чаши,
К угрюмым припадает облакам —
Грустит по бабушкиным работающим,
Тоскует по заботливым рукам.

1973

* * *

Я с вами, милые мои
Глашатаи добра и света!
Молись, земля моя, молись, —
Погожее воспрянет лето.

Погожий возродится день
На всей земле, на всей планете.
И никакая холодень
Бодрящий не стреножит ветер.

Ничто не сможет остудить
Разведрившейся благодати, —
Нельзя же солнце закатить,
Когда оно не на закате.

1975

* * *

Как я выжил? Почему я выжил?
Почему не умер я, не сгиб?
Поднимаюсь выше всё и выше,
Вижу взрыва атомного гриб.

Хиросиму вижу, Нагасаки,
Колыму я вижу, Воркуту.
Хриплым лаем давятся собаки,
Рвут кромешной ночи темноту.

К потайному приближают следу,
Обострённый не теряют нюх.
Неуёмно шествует по свету,
Ветер рвётся с севера на юг.

С полночи торопится на полдень
Этот ветер, этот крутовей.
Всё-то ведаёт он, всё-то помнит
Мой неугомонный соловей.

Проволоки ржавое железо,
Неусыпный лагерный конвой,
В хлебрезке — ножик хлебреза,
Парня с оголённой головой.

Арестантскую его одёву
Помнит мой залётный соловей.
Припадаю к ветру-листождёру
Воспалённой памятью своей.

Неутихшею своей обидой
Слышу шорох повзрослевших лип,
Списанный давно, давно убитый...
Почему не умер я, не сгиб?

5 марта 1989

НАСИЛЬНО МИЛ БУДЕШЬ!

Первого сентября в израильском аэропорту «Бен-Гурион» случилось любопытное происшествие. Самолет, летевший из Нью-Йорка и уже готовый совершить посадку, был вынужден резко изменить направление полёта. Борт пересёк береговую линию над Южным Тель-Авивом, пролетел шоссе номер 4, но вдруг резко изменил направление, затем сделал сложный разворот над Раананой и Гершлией, отправился на юго-восток, снова развернулся севернее Модиина и, наконец, благополучно сел на ту же полосу, только с востока, а не с запада. Причиной хитрого «манёвра» оказался... беспилотный летательный аппарат.

Пострадавших в инциденте не было. Спецслужбы принялись выяснять, кто же управлял дроном.

Конечно же, история умалчивает о результатах расследования. Но предположим, что на пути израильского лайнера неожиданно возникла, например, иранская «крылатая ракета для бедных», какой-нибудь нехитрый дрон-камикадзе, прославившийся благодаря йеменским хуситам, которые с помощью самоделок на их основе нанесли многомиллиардный ущерб Саудовской Аравии. А почему нет? Такой поворот событий вполне вероятен. Именно такими методами, собственно, высокая политика и делается. Ну, а потом обычно в прессе появ-

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

ляются заявления «зубастых» и «непреклонных», которые уже и не столь зубасты, и поклониться не прочь.

Это я вообще к чему? А к тому, что, похоже, очень даже неплохо наш главнокомандующий погулял по знаменитому Большому базару в Исфахане во время своего последнего визита в Тегеран. Представляете, тогда сам великий аятолла Ирана Сейед Али Хосейни Хаменеи с барского плеча подарил Путину роскошный персидский ковёр жовто-блакитного колора. Об этом, конечно, в прессе не упоминали, да оно и ни к чему. Кто знает — тот знает. Ну не бывает на Востоке ничего случайного... Упаковал аятолла свой символичный дар в сундук и сказал: «Забирайте, дорогой абу Али Путин!» Оставалось только ждать, и что же будет дальше?

А дальше, как помните, было 9 августа, когда в 7:52 утра с легендарного российского космодрома Байконур ракетой «Союз» торжественно был запущен иранский спутник дистанционной телеметрии «Хайям»... Потом последовали поставки иранских беспилотников в РФ, совместные военные учения... Само собой ужесточение позиции России по Израилю, педалирование дела о «Сохнуте» и т.д., и т.п., а в промежуточном итоге прогнуться-таки пришлось. В украинской прессе всё чаще стали пенять на Израиль.

Украинские руководители не скрывают более своего разочарования позицией израильских лидеров, которая кажется им откровенно пророссийской. Новый виток напряжённости не заставил себя ждать: президент Израиля Ицхак Герцог отказался принять участие в украинском саммите «Крымская платформа» 23 августа, на котором руководители многих стран Запада выразили свою однозначную позицию: Крым, сегодня оккупируемый Россией, принадлежит Украине. И уже на следующий день, 24 августа, в День независимости Украины, президент Зеленский отказался принять телефонный звонок от премьер-министра Яира Лапида, а министру обороны Израиля Бени Ганцу отказал в беседе его украинский коллега Алексей Резников.

На Украине надеялись, что позиция Лапида окажется более проукраинской, нежели Нетаниягу или Беннета, но ошиблись в этом. Дегтя в эту бочку без меда добавляет и фактический отказ в кредите, который Украина просит у Израиля: решение вопроса во многом зависит от министра финансов Израиля Авиغدора Либермана, но он тянет с ответом, а также, возможно, в значительной степени управляет Лапидом во всех вопросах, касающихся контактов с Украиной и Россией.

Всё это заставляет украинских главарей думать, что нет более смысла ждать от Израиля какой-либо помощи. Соот-

ветственно настроениям в Киеве остаётся резкой и риторика посла Украины в Израиле Евгена Корнийчука, который в интервью изданию «Израэль Хайом» 24 августа заявил:

«Израиль не только не оказывает нам военную помощь, но правительство еще и блокирует инициативы частных компаний, готовых продать нам вооружения по полной цене — им не дают соответствующих разрешений на это... Сегодня я слышал, как Бени Ганц сказал, что Израиль является частью Западного блока и разделяет позицию Запада по Украине, но могу сказать, что это просто неправда! В отличие от стран Запада вы отказываетесь поставлять нам оружие, даже оборонительное, которое не может никого убить, но могло бы сохранить жизни многих наших граждан».

«По нашим оценкам, Путин недоволен Израилем», — сказал израильский источник, участвовавший в срочном совещании по ситуации с возможным закрытием Еврейского агентства «Сохнут» в России.

А как может Путин быть доволен, если кроме всего прочего, как сообщают израильские и украинские СМИ, «Моссад помог вычислить российских «кротов» в украинских правительственных структурах»?

Об этом сообщалось в том числе со ссылкой на журналиста Атиллу Шомфалви. В своем твиттере он написал буквально следующее: «...Принимал ли участие «Моссад» в поиске врагов из окружения Зеленского? Согласно израильскому источнику, осведомлённому о происходящем в Киеве, ответ положительный. «Моссад» и сотрудники американских спецслужб помогали украинцам выявлять пособников России, которые действовали вопреки интересам Украины...»

Вскоре после этих разговоров президент Украины неожиданно уволил главу Службы безопасности Украины и своего друга детства Ивана Баканова, генерального прокурора Украины Ирину Венедиктову, заместителя главы СБУ Владимира Горбенко, начальников СБУ в пяти областях, несколько высокопоставленных чиновников в кабинете министров и Торгово-промышленной палате Украины. Украинский сайт ЛІГА предполагает, что необходимую информацию украинская сторона получила от американской разведки и «Моссада». Так что Израиль сам толкает Путина в объятия аятоллы Хаменеи.

Кризис в отношениях с Россией добрался, наконец, до еврейства США: американский Хабад требует остановить передачу Александровского подворья в руки России.

Всемирная еврейская ассоциация хасидов Хабад начала судебное разбирательство против России, в рамках которого

обратилась к юридическому советнику правительства Израиля Гали Бахарав Миаре с требованием заморозить процедуры передачи права собственности на землю и имущество в Израиле, в том числе Александровского подворья, во владение России до тех пор, пока Россия не вернёт коллекции «библиотеки Шнеерсона».

Ассоциация Хабада запустила процесс юридической борьбы с Россией в самый разгар скандала с закрытием Сохнута, существенно повысив градус кипения.

Из последних сил балансируя между стульями и серьёзно рискуя порвать штаны в самом интересном месте, на фоне системных изменений внешнеполитического взаимодействия России и Израиля, всё чаще звучат пророссийские выступления «хороших» евреев в духе легендарного Соловьёва.

Недавно раввин Хабада Михаил Финкель высказался на израильском, а потом и на российском телевидении у Соловьёва о нынешнем Киеве: «Это мрази! Это неонацистский режим... Каковы герои сегодняшние на Украине? Петлюра, на совести которого убийство 200 тысяч евреев, Шухевич — известный эсесовец, а также Бандера и Ярослав Стецько. Все они были антисемитами и выступали «за» уничтожение евреев... Не надо убийц моего народа, моей семьи, героизировать», — завершил Финкель свою речь. Впрочем, всё это не мешает раввину распинать Христа и в православной России вести яркую антихристианскую миссию. Вот такая она, кривая лояльность по-хабадски.

А 5 сентября свою «лояльность» России попытался выказать уже коллективный Хабад. В Московском еврейском общинном центре прошла ежегодная Конференция раввинов ФЕОР, в которой приняли участие 75 «пророссийских» раввинов. Правда, в ФЕОР выбрали «прагматичный» подход к демонстрации своей благонадёжности: критика в адрес Пинхаса Гольдшмидта вместо явной поддержки войны на Украине — с одной стороны, а с другой — пацифистские пустые заявления о мире во всём мире. Интересно, поможет ли это ФЕОР не порвать штаны, или придётся определиться более однозначно?

Тем не менее, в личном выступлении Берл Лазар упомянул раввинов Украины: «И особое спасибо раввинам на Украине, которые остались со своими братьями и сёстрами даже под огнем, и продолжают сейчас делать всё, чтобы люди не чувствовали себя без защиты и помощи».

Напомним, главный раввин Украины хасид Хабада Моше Асман уже не раз обращался к евреям России с просьбой повлиять на Путина, чтобы остановить военные действия на

Украине. Асман сказал, что «точно знает, что такое бывший «парень из КГБ» Путин», а потом пригрозил: «Не надо, пожалуйста, спасти нас от «нацистов», Путин! Нам хорошо в Украине, свободно живётся». Ещё одно публичное заявление Асман записал в Киевской синагоге. В обнимку со свитком Торы, главный раввин Украины на сей раз уже кричал. Он угрожал раввинам России, призывал повлиять на ситуацию, говорил, что тот, кто молчит — соучастник преступления.

А между тем, директор ЦРУ Уильям Бернс сообщил две новости: хорошую и плохую. С одной стороны, «время, необходимое для накопления сырья для создания ядерной бомбы Тегераном, теперь составляет не год с лишним, а несколько недель». А, с другой, «иранцы не возобновляли работы по созданию ядерного оружия с 2004 года».

Глядя на весь этот компот, так и хочется изречь новую версию русской народной мудрости — насильно мил будешь!

Михаил ОДЕССКИЙ

«ПУГАЧЁВСКИЙ БУНТ»

Обращение Аллы Пугачёвой в «Минюст РФ» с просьбой зачислить её «в ряды иноагентов», заостряет вопрос о смене элит на всех направлениях русской жизни.

Десятки лет «системные либералы одной из башен» навязывали Пугачёву русскому народу в качестве «великой певицы» в ущерб многим и многим, сознательно клонировали её эпигонами, создав на телевидении настоящую пугачевскую мафию: «Краше нашей Аллы нету». На эстраде муха не могла прожужжать без её одобрения. Была создана мафия, если и не полностью «голубая», то уж, разумеется, крепко «голубоватая». «Лирические герои» её песен исключительно некие вздорные «арлекины» и «паромщики», выражающие некие «общечеловеческие ценности», в которых нет места ни России, ни Великой Отечественной войне и вообще нет судеб русского народа. Вся её песенная чепуха терабайтами

ополаскивала мозги из года в год, буквально, можно сказать, из века в век. Просто удивительно, что после этой русофобской диверсии, гламурного вздора в России появились воины, вставшие на защиту Донбасса в 2014 году.

При этом заметим, не удивительно, что ни одна дивизия в 1991-м не встала на защиту СССР. А вся пугачёвская мафия в 1996-м призвала «голосовать сердцем» за бухарика Ельцина, спустившего Россию, как нерадивый помещик имение, за пять лет беспробудной кабацкой жизни. Конечно, списывать гибель красной империи по худшему из возможных вариантов на пластмассовых певичек смешно, но вся та гламурная попса — индикатор уровня гнилости политической элитки, трансформировавшейся из «красной» в «демократическую». За что Россия в очередной раз и умылась кровью и в чеченских, и в бандитских войнах девяностых и нулевых. В Новом веке условный «Костик Эрнст» насаждал гламурное безумие на ТВ во всех видах, в том числе и в как бы «интеллектуальном выражении». Начиная от «Смака» раздутого графомана Макаревича, продолжая пошлейшим «Вечерним Ургантом» (допускавшим антиправославные выпады) и кончая «ласковым» любимчиком-хохмачом Галкиным. И вполне было объяснимо: когда коллективный Запад стал выстраивать в мире устойчивый русофобский тренд, вся эта публика с лёгкостью «прогнулась под изменчивый мир». Белоленточные Макар и Алла образца 2011/2012 годов, как и все активисты на прикорме русофобской повестки, после 24.02.2022 переместилась в Израиль.

Они с мгновенной готовностью осудили «агрессора» Путина. И это понятно. Их вполне устраивал ударный плацдарм НАТО на территории бывшей Украины под рёбрами России. Как устраивал майданный проамериканский переворот в Киеве в 2014-м. Как устраивало массовое убийство людей в Одессе 2 мая и многолетние обстрелы Донбасса. Им абсолютно ни к чему спасительное воссоединение русских и возрождение Святой Руси. Более того, их всё это ужасно страшило и страшит. У них было всё — деньги и слава голубых «Новогодних огоньков» и ещё более голубых и дегенеративных «Песен о главном»; были и есть имения на Рублёвке и дворцы в Крыму и где только пожелают.

Самое время всё это прекратить!

Сейчас можно всех этих русофобствующих «пугачих-мармеладзе» мирно, не доводя народ до греха, усадить на «певучий пароход» и отправить в края обетованные, мирно лишив гражданства, наград и дворцов, нажитых непосильным трудом на русофобской ниве. А то ведь потом не на пароход бу-

дут посажены, а на русский пендель. Либералистическая элита перестала быть системной, она выбрала враждебную России сторону баррикад. И должна быть заменена. Пусть и не в мгновение ока, но неотвратно.

Читаем заявление пресс-секретаря президента РФ Дмитрия Пескова: «Кремль не комментирует пост в соцсетях Аллы Пугачевой с просьбой добавить её в список иноагентов».

Ну и ладно. Пугачёва, конечно, брошена своим групповым сислибером на амбразуру «путинского режима» с уверенностью, что столь голосистую и «заслуженную» знаменитость режим не тронет. По мнению Одессы, просьбу стоит удовлетворить и разобраться с её финансовыми делишками, как это заведено в странах «передовой демократии».

«Пугачёвский бунт» осмысленный и грозящий стать беспощадным по отношению к русскому народу, должен быть разгромлен самым изящным образом. Хочется думать, что это тот самый случай, когда известный афоризм: «История проясляется дважды: первый раз в виде трагедии, второй — в виде фарса», наконец-то полностью будет соответствовать истине.

Андрей СОШЕНКО

ЗАСТАВИТЬ СЛУШАТЬ БИЕНИЕ СЕРДЕЦ

Для начала повторю, что говорил прежде: если в России запретить аборт, тогда численность населения России будет прирастать по миллиону в год, в случае сохранения абортов — убывать по миллиону в год.

Недавно журнал Newsweek опубликовал статью, в которой трансгуманистический автор с сожалением и нескрываемым восхищением признает, что Россия опережает весь прогрессивный мир по уровню «защиты репродуктивных прав». В одной из наиболее «отсталых стран», с точки зрения мировой либеральной общественности, женщины наделены са-

мыми широкими правами распоряжаться своим телом. В результате, по данным ООН, Россия занимает первое место по числу аборт в мире на 1000 женщин.

А вот в США, где мы наблюдаем, казалось бы, разгул трансгуманизма, десакрализации человека и «гендерного равенства» десятков полов, в этом важнейшем аспекте — обратная ситуация. Верховный суд США в июне этого года отменил вынесенное 49 лет назад постановление, согласно которому федеральные власти страны гарантировали права на аборт. А в сентябре 2021 года штат Техас принял закон об абортах, известный как «Закон о сердцебиении». Он запрещает делать аборт после того, как у плода обнаружено сердцебиение. Исключения не предусмотрены даже для случаев изнасилования или инцеста.

Кстати, о сердцебиении. В Венгрии вступило в силу постановление, в соответствии с которым женщина, придя на аборт, должна предоставить справку от акушера-гинеколога о том, что она прослужала сердцебиение плода. Теперь в форму заявления, которое женщина подает, желая прервать беременность, включается пункт, гласящий: «Медицинские заключения свидетельствуют, что медицинский работник продемонстрировал беременной фактор функционирования жизненных функций плода в четко идентифицируемом виде».

Да, в Венгрии аборт разрешены. Но делается реальный шаг, в отличие от России, к сокращению аборт. Там хотя бы наблюдается движение к осмыслению проблемы, государство печется о моральном состоянии своих граждан и озабочено демографией. Может, это приведёт в ближайшей перспективе к запрету аборт в Венгрии.

А что в России в этом аспекте? Ничего. Тишь и благодать. Пожалуйста, можете и дальше уничтожать жизни нерождённых детей! Настолько всё хорошо, что можно продолжать легализованное убийство по миллиону невинных душ в год!

Или можно предположить невероятное? Кто-то в российской власти обратит внимание на положительный опыт Венгрии и заставит женщин слушать биение сердец убиваемых душ? Для начала... Но, вообще-то, теперь, когда идет настоящая война, нужен закон о запрете аборт.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2022 год
(Сентябрь)

8 сентября президент Макрон опубликовал телефонный разговор с Зеленским, который состоялся 24 февраля этого года — сразу после начала нашей СВО. Согласно этому телефонному разговору, российские десантники, уже в тот же день находились в Киеве, захватили аэропорт и продвигались к центру города. Зеленский был в панике и истерично уговаривал Макрона связаться с Путиным и потребовать остановки продвижения наших войск и вывода их из Киева. Сам же Зеленский готов был пойти на любые уступки во время российско-украинских переговоров. Через несколько дней наши десантники действительно были отведены от Киева и начались переговоры с представителями нацистско-бандеровской власти. Как мы помним, переговоры эти не привели ни к чему. Но время для захвата украинской столицы было упущено. Уж мы не знаем, что в очередной раз пообещали западные наперсточники нашему президенту, но, как всегда, вновь кинули и за прошедшее с того дня полугодие ввезли на Украину

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

столько тяжелого вооружения, что теперь до Киева мы и впрямь будем двигаться долго, медленно и с большими потерями. И, конечно, неизменно будем слышать, как закливание: «Всё идет по плану».

Но одного кидалола нам оказалось мало. Повелись на другое — позволили западным горлопанам вывезти по морю украинское зерно в Европу, поверив их настойчивым обещаниям, что оно пойдет развивающимся странам Азии и Африки для предотвращения там голода из-за небывалой засухи. Естественно, западные фашиствующие главари боялись, что украинское зерно достанется нам. А наши вожди, как обычно, продолжили свою привычную игру в «жесты доброй воли»...

* * *

В 2012 году Сергей Шойгу был награждён орденом Мальтийского ордена — мальтийским крестом. Как известно, Мальтийский орден — это старейшая масонская ложа. Помимо Шойгу высшей награды Мальтийского ордена были удостоены бывший президент РФ Борис Ельцин, глава его администрации Валентин Юмашев, его пресс-секретари Вячеслав Костиков и Сергей Ястржембский, бывший вице-президент Александр Руцкой, бывший глава правительства РФ Евгений Примаков, олигарх Борис Березовский и даже бывший глава Татарстана Минтимер Шаймиев.

Как знать, не этим ли объяснялось, как поведал нам министр обороны Шойгу, *«сознательно медленное»* движение Российской контрактной армии по территории Украины... И не этим ли объясняется то, что на Украине, несмотря на войну с Россией, работает телевидение, функционируют все министерства и Верховная рада, а также целы все железнодорожные мосты, соединяющие Киев с западной границей?..

И еще одна очень странная деталь. На российской военной технике, прибывшей для участия в СВО, вдруг появилась крупно начертанная символика вместо «Z» и «V»: круг в треугольнике. Откуда она взялась, эта небезобидная символика?.. Каждый грамотный человек легко распознает в ней масонское изображение «всевидающего ока»... Меня давно уже трудно чем-либо удивить. Но увидев этот символ, я был искренне удивлён...

* * *

Эти два сообщения появились 9 сентября в ленте новостей одновременно. Первое: президент Латвии Эгил Левитс внёс в сейм законопроект об изменении статуса Латвийской Пра-

вославленной Церкви с тем чтобы она впредь осуществляла свою деятельность полностью самостоятельно и независимо от Русской Православной Церкви. То есть светская власть Латвии решила вмешаться в жизнь Православной Церкви, чтобы лишний раз нагадить России.

И второе: Россия возобновила подачу газа в Латвию.

Если добавить сюда третье сообщение, которое появилось на несколько дней раньше, о том, что Латвия прекратила выдачу виз для граждан России, то второе сообщение будет выглядеть еще более красноречиво и еще более закономерно.

О четвертом сообщении, согласно которому тот же латвийский сейм принял решение о сносе всех памятников советским воинам-освободителям, скорее всего вспоминать уже излишне.

Правда, пресс-секретарь МИДа М.Захарова что-то нам не так давно обещала... Как в народе говорят: обещать не значит жениться. Пообещала и забыла.

* * *

На седьмом месяце «спецоперации» мирные города Донбасса разрушаются уже американскими ракетно-артиллерийскими установками «хаймерс». 14 сентября шестью снарядами был атакован детский сиротский приют в городе Перевальске Луганской Народной Республики. Погибли двое сирот, шестеро получили тяжелые ранения. Это только один фрагмент общей трагической картины за данный день. Лишь один фрагмент варварства киевских нелюдей.

После нашего отступления на харьковском направлении в город Изюм, вновь занятый укротеррористами, срочно с помпой примчался главный террорист жидобандеровского режима Зеленский, чтобы перед камерами покрасоваться на фоне своих бандитов с желто-синими шевронами. Эти кадры были показаны и по российскому ТВ. Чем в это время занимались наши ВКС — вопрос опять же риторический. Видимо, не прозвучало команды... А почему не прозвучало? Но если он приехал туда, значит был уверен в своей безопасности?..

Почему уже около двухсот дней «военной спецоперации» жидонацистская киевская банда безнаказанно, с каждым днем всё безотвязнее бьет из крупнокалиберных американо-европейских гаубиц по городам Донбасса? Мы ради чего начали «спецоперацию»? Как было многократно заявлено, ради защиты донбасских республик. И отчего же они до сих пор не защищены?! Что за беспомощность такая?! Более того, мы уже не атакуем, а обороняемся... А военное руководство не

знает, как остановить обстрелы мирных городов? Не знает, как остановить доставку и зверскую работу «хаймеров»? Как-то всё это очень и очень странно... Разве невозможно было с самого начала объявить Зеленскому ультиматум: **«Или прекращаешь обстреливать донбасские города, или мы наносим удар по тебе! Срок ультиматума — 24 часа»**. Что, никому это не приходило в голову? А почему не приходило? И не приходит до сих пор! Что мешает это сделать прямо сейчас? Видите ли, наша армия не способна остановить это бесконечное варварство... Вы, господа руководители, хотите, чтобы в это поверил наш народ? Отчего эшелоны с вооружением беспрепятственно идут из Европы на Украину?

Каждым поздним вечером европейские снаряды летят на города Донбасса, превращают в руины жилые дома, школы, детсады, больницы, сиротские приюты... Каждый день там гибнут и получают тяжелые ранения взрослые и дети. А в Москве — салют по случаю дня города... А на Первом канале ТВ в это же самое время — блатные песенки на шоу «Три аккорда» с весёленькими подтанцовками... И на том же канале г-на Эрнста день за днём торчит жидобандеровская мразь Янина Соколовская, оправдывающая восьмилетние зверства укротеррористов... Это разве не измена?

* * *

Всё вооружение из Европы идёт на Украину через Польшу. Но, как это ни удивительно, наш МИД не предъявляет Польше по этому поводу никаких официальных претензий. Большинство мидовских работников, как и вся российская пятая колонна, имеет на Западе особняки, квартиры и счета в банках, все они обладают шенгенскими визами, у всех у них там, на Западе, находятся дети, внуки и другая родня. И все они мечтают о возврате того времени, которое было до 24 февраля. Этот день для многих из них стал самым настоящим чёрным днём. Все они надеются на то, что Путин под ударами американо-европейской военной техники запросит новых переговоров, начнет сворачивать военные действия и пойдет на очередной «компромисс» с Западом ради мира в Европе... И надеются на это не только мидовские работники, но большинство т.н. «бизнесменов» и обладателей привилегированных акций Газпрома, Роснефти, Алроса, Норникеля и других монополий. По-этому какие могут быть претензии к Польше?..

* * *

21 сентября Путин объявил о частичной мобилизации резервистов. Практически все эксперты и ведущие политичес-

ких программ на ТВ восприняли это решение с душевным подъемом. Мол, давно пора, решение правильное, оно давно назрело. Но все они помалкивают о причине мобилизации. А причина ясна, как день: специальная военная операция своих планов не оправдала.

И опять приходится высказывать мнение, не совпадающее с общей тенденцией. Частичная мобилизация, как сказал сразу вслед за выступлением Путина С.Шойгу, коснется трехсот тысяч военнослужащих — рядовых и офицеров, которые должны будут в течение двух месяцев пройти переподготовку. А вот действующую, призывную армию Путин и Шойгу, по их словам, «трогать» не будут.

Во-первых, за два месяца, пока резервисты будут проходить переподготовку, положение на фронтах может резко ухудшиться. И тогда уже придется бросать резервистов в пекло войны неподготовленными.

Во-вторых, остается без ответа вопрос: почему, по какой причине во время настоящих боевых столкновений, длящихся уже семь месяцев, пребывает в бездействии более чем миллионная, подготовленная, призывная армия? Что это за хитрость такая нашего верховного главнокомандующего? Страна фактически воюет со всем блоком НАТО, а ее срочная армия сидит по своим частям и ждёт у моря погоды. И в это же самое время ее прямая функция налагается на контрактников, добровольцев и срочно мобилизованных резервистов... То есть солдат-призывников руководство страны бережёт, а отцов семейств — нет. Но ведь многие из резервистов могут погибнуть, и семьи останутся без мужей и отцов. Отсрочку получают только те из них, у кого более трех детей. (Много ли русских семей, в которых четверо, и более, детей?) А более чем миллионная действительная армия будет оставаться в стороне... Спрашивается, для чего мы ее содержим своими налогами? Как-то странно всё это.

В том же своем выступлении В.В. Путин отозвался на решение донбасских республик, а также Запорожской и Херсонской областей провести на их территориях референдумы о вхождении в состав России. «Если люди проголосуют за это решение, мы их поддержим» — заверил он. Однако и это решение, если вдуматься, выглядит не менее странным. Как ни называй то, что происходит на Украине, Россия участвует в настоящей, жестокой, кровавой войне. Названные области и республики ежедневно со всё более зверским упорством обстреливаются ракетно-артиллерийскими установками, прибывшими к нашим врагам с Запада. И приходится говорить: **референдумы во время войны не проводят.** Территории,

освобожденные нашим государством, становятся нашими **по праву войны**. За них уже заплачено шестью тысячами наших воинов, не считая погибших защитников донбасских республик. Это и есть самый убедительный референдум. Вернее, это выше любого референдума. Шесть тысяч российских солдат уже проголосовали своими жизнями. К ним можно присоединить и погибших в Великую Отечественную за освобождение Украины. Так что референдумов здесь состоялось с переизбытком.

Излишне тратить на референдумы силы и время. Враг начнет прицельно бить по избирательным участкам. Кроме времени, могут быть потеряны и человеческие жизни. Когда есть решения законодательных собраний республик и областей о вхождении в состав России — этого во время военных действий вполне достаточно для утверждения их Госдумой и Совфедом России. И, естественно, — президентом.

* * *

22 сентября на рынке в Донецке от удара украинской артиллерии погибли шесть человек. А за три дня до этого, 19 сентября, в том же Донецке погибли 16 мирных граждан, среди которых двое детей. Что, так и будем каждый день считать погибших от обстрелов в городах Донбасса и проводить референдумы?

Не референдумы надо проводить, а бить по президентской резиденции в Киеве. Или кто-то в Кремле этого очень сильно не хочет?!

Объявили о частичной мобилизации, а на следующий день — обменяли 55 наших на 215 укро-мразей, среди которых — командный состав «Азова» и пять иностранцев, приговоренных к высшей мере наказания, в том числе два англичанина и марокканец. Вот так мы проводим денацификацию... Обмен произошел один к четырем. Это было условие укропов. «Мы» (то есть кремляне) сказали, что согласны. Ну как же — освободили олигарха Медведчука, 56-го по списку... Нетрудно догадаться, **кто** настоял на таком неравноценном обмене, подготовленном втайне от народа. (Как стало известно, в переговорах по обмену с нашей стороны участвовал олигарх Р.Абрамович.)

Почему они диктуют нам свои условия? Потому что знают — мы согласимся. А почему мы согласимся? Потому что у нас нет другого выхода и другого способа спасти своих. Опять же — почему? Потому что кому-то в Кремле или в МИДе очень не хочется объявлять Украине войну, перекрывать газ и бить по структурам киевских властей... Точно так

же в Кремле восемь лет не хотели признавать Донбасс. От кого Украина до сих пор получает топливо для своей военной техники?..

Как всегда, сразу после показа жутких кадров с погибшими дончанами, ящик врубает крикливую рекламу под весёленькую музыку. Это происходит неизменно и безотлагательно. Психическое воздействие работает неукоснительно и безотказно. Рекламодатели — это уже явные медийные соучастники военных преступлений.

* * *

Вот уже восемь с половиной лет бесчисленные «эксперты» на российском ТВ *комментируют* нескончаемые убийства жителей Донбасса украинской нелюдью. Не устали. Не надоело. И будут еще долго комментировать, обсуждать, возмущаться по этому поводу, что-то предлагать, прогнозировать вперемешку с соловьевско-поповско-куликовскими остротами и шуточками. И никто их них даже теперь, во время необъявленной войны, не способен **потребовать** от руководства нашей страны адекватно **ответить** на геноцид дончан — так, чтобы у нелюдей враз пропала охота бить по мирным городам и сёлам. И потребовать не один раз (для проформы), а столько, сколько потребуется, — для того, чтобы это наконец произошло. Этого ждёт вся страна.

* * *

То, что случилось в Ижевске, не могло не произойти. Они, украинские нацисты, готовились, намечали, выискивали, как бы ударить нас побольнее накануне возвращения в Россию наших исконных земель, чтобы испортить, отравить наш праздник воссоединения русского народа. Они, конечно, выпестовали этого отмороженного нацика, подготовили его ментально и практически. Он точно знал, что нужно делать, с чего начать, кого убить в первую очередь, чтобы иметь свободу действий для массового убийства детей. Конечно, и в этом можно не сомневаться, он имел связь со своими наставниками на фашистской Украине.

И вновь это произошло по одному и тому же сценарию, как и при всех подобных прошлых трагедиях, — в провинциальной школе. 34-летний нацистский ублюдок, Артём Казанцев, учившийся в этой самой школе №88 г. Ижевска, знавший все подходы и проходы к ней, вооруженный двумя травматами, переделанными под боевые патроны, сразу застрелил двух охранников, ворвался в школу и стал расстреливать всех, кто попался ему на пути. Погибли 17 человек, из

которых — 11 учеников и четыре преподавателя. 24 человека получили огнестрельные ранения. Затем он, как сообщают СМИ, покончил с собой. Но так ли это? Не было ли у него сообщников, которые его и убрали?.. Уж больно знакомый сценарий! В керченском колледже в октябре 2018 года, когда погиб 21 человек, молодой террорист с помповым ружьем тоже якобы покончил с собой...

Да, конечно, праздник воссоединения русских земель они, живодёрские нацисты, нам испортили. Украинское телевидение, по какой-то странной причине за семь месяцев «спецоперации» не ликвидированное и самодовольно русофобствующее, захлёбывалось от злорадства. У них тоже был праздник, перемога — очередное убийство наших детей. И даже эта злорадная эйфория почему-то не заставляет наше военное руководство прекратить вещание вражеского, бандеровского ТВ. Это еще один вопрос, который повисает в воздухе без ответа.

Да, праздник они нам испортили. Хотя это не означает, что наш праздник не состоится. Праздник пока еще не полноценный. Потому что пока не освобождена полностью ДНР и потому что еще не все русские земли, аннексированные тридцать лет назад бессмысленной Украиной, вернулись в родное лоно. Но наш праздник приходит, и он будет длиться и длиться...

Тем не менее нам нужно задуматься и наконец понять: откуда на нашей земле берутся подобные артёмы казанцевы? Ведь он не один такой. **Что** породило у нас, в России, этих безумных нацистов, **что** их вскормило, **что** толкнуло на путь ненависти и бесчеловечной жестокости к своим же людям, которых они перестали считать своими? Ведь кроме свастики на майке Казанцева, в его кармане была обнаружена записка со словом «ненависть». Ведь не из воздуха они образовались, не от сырости, не от скуки, не на пустом месте... Значит, были для этого какие-то причины, основания, предпосылки... Какие? Об этом никто у нас всерьез не задумывался, никто на официальном уровне не касался этого вопроса, никто по-настоящему не исследовал корней и оснований возникновения радикального нацизма в современной России. (Я подчеркиваю: не национализма, а именно радикального неонацизма, слившегося с не менее радикальным неоязычеством.) Якобы вдруг, откуда ни возьмись, появились такие-сякие артёмы казанцевы, которых, согласно законодательству, надо отправлять в тюрьму и физически уничтожать при совершении ими кровавых преступлений... А откуда они ни с того ни с сего у нас взялись — это уже не важно,

это, мол, не имеет значения, это дело десятое... Главное — чтобы их не было. А что их породило — это не интересно, пусть, мол, никто не заморачивается... Но ведь причины были и остаются. И без названия этих причин, без их искоренения все эти *артёмы казанцевы* будут появляться вновь и вновь.

* * *

За два дня — 29 и 30 сентября — жидоохлы американскими снарядами убили 54 человека, пытавшихся выехать в Херсонскую и Запорожскую области, присоединенные к России. Кто-то может подумать о том, что, мол, этим жидоохлятским вырождакам просто в удовольствие убивать «своих», украинцев, лишь бы нагадить России. Но всё дело в том, что для них все погибшие люди — чужие. Свои для них — только такие же обезчеловеченные жидоохлятские вырождаки, а все остальные — чужие, хоть ты трижды будь украинцем. Это выведенный искусственно **новый вид диких зверей** под названием жидоохлы или жидобандеры типа Зеленского, Порошенко, Турчинова, Яценюка, Яроша, Тимошенко, Кулебы, Фарион, депутатов рады, главарей нацбатов и т.д. Для них уничтожение чужих, хоть трижды украинцев, — самая большая радость, физические издевательства и пытки над пленными — самое большое наслаждение, а убийство чужих детей — это вообще апогей их физического удовлетворения. Новый вид диких зверей, жидоохлов, не имеющих никакого отношения к украинцам и Украине, выведен как раз для убийства в первую очередь русских и для жесточайшей войны с Россией самыми подлыми, самыми бесчеловечными террористическими методами. Причем те, кто их выпестывал и выращивал, западные биотехнологи, сами везде и всюду используют те же самые террористические методы, но им понадобились беспрекословные, прирожденно изощренные особи, готовые на любую мерзость просто из удовольствия. А если за это еще и барыш поиметь...

Этих прирожденных нелюдей надо уничтожать, как бешеных собак, как взбесившихся крокодилов, как голодных скорпионов. Пока они не будут уничтожены полностью, на тех территориях бывшей Украины, которые нам необходимо освободить, мира не будет. А вести с ними переговоры — то же самое, что прикармливать шакалов, имеющих неистребимое, самое возжеленное желание вас сожрать. Причём не оставив даже костей.

* * *

30 сентября Владимир Путин подписал договор с главами ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей о вхожде-

нии этих территорий в состав России. Событие, конечно, эпохальное. Случилось оно только благодаря мужеству, стойкости и жертвенности народа двух донбасских республик. Не будь этой стойкости и жертвенности — сегодняшнего события не произошло бы. Люди в прямом смысле физически выстрадали свою свободу и свое возвращение в лоно большой Родины. Их земля еще не до конца возвращена в родной дом, еще предстоит битва за нее. Но назад, в кабалу выродкам, нелюдям, жидоохлам для них уже дороги нет. И те, что в течение восьми лет пытались с помощью «минских соглашений» оставить их с выродками и нелюдями, это в конце концов тоже поняли. Теперь они после восьми лет уговоров хищных, ехидных, злорадных зверей и поисков компромиссов с ними произносят красивые патриотические речи...

Владимир Путин 30 сентября произнес пламенную речь о колониальных ухищрениях Запада и его желании нас уничтожить. Правильные, точные слова сказал наш президент. Телевизионные эксперты назвали его речь необычайно смелой, откровенной и новой по жестким оценкам агрессивной политики всего Запада. Я слушал его выступление и ловил себя на мысли, что он повторяет всё то, о чём в течение 30 последних лет писал наш журнал... Причем в каждом номере. И за что власти предъявляли нам серьезные претензии. Но, как говорится, припекло. Жареный петух клюнул... И вот слова из тридцатилетних материалов «Молодой гвардии», в том числе и из моих статей, вдруг переключали в уста президента...

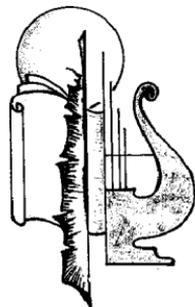
Еще раз хочу повторить: да, мы переживаем эпохальные события и являемся свидетелями расширения российской державы, возврата ее исконных земель, восстановления исторической справедливости. Но вынужден, просто обязан напомнить: мы забыли про еще один референдум. 22 года назад, в сентябре 1990-го, была провозглашена Приднестровская республика. А в 2006 году в ней был проведен референдум о присоединении к Российской Федерации, на котором 98% жителей высказались «за». Нельзя нам об этом забывать. Там тоже живут русские люди, которые вот уже более двадцати лет ждут возвращения на Родину...

ПОЗЫВНЫЕ ВОЙНЫ

Война учит людей очень многому, в том числе — и правдивому, честному литературному слову. Именно война помогла в своё время явиться на свет множеству таких искренних стихов и песен, как известные всем «Вставай, страна огромная», «Бьётся в тесной пещурке огонь», «Артиллеристы, Сталин дал приказ», «Три танкиста», «Дорога на Берлин», «Эх, путь-дорожка, фронтовая», «Синий платочек», а также целый ряд других песен, включая прозвучавший уже спустя долгое время знаменитый «День Победы». Три десятилетия постперестроечных лет почти напрочь вытеснили из русской эстрадной культуры глубокие патриотические песни. Крупные издательства отказались от выпуска серьёзных поэтических книг поэтов этого направления, отдав приоритет стихотворным хохмам Владимира Вишневого, Игоря Губермана, Дмитрия Быкова и другим стихотворцам этого круга.

И вот в феврале 2022 года Россия начала спецоперацию по освобождению Донбасса от неонацистов, и Союз писателей этим будто всколыхнулся, выплеснув перед читателями море современной патриотической поэзии. Нынешней весной вышли из печати сразу три поэтические сборника — «Стихи из огня», «Порохом пропахшие слова» и «Свете Тихий — Защитникам Отечества», а также выпущенная московским издательством «Вече» при поддержке Президентского Фонда культурных инициатив полновесная Антология современной патриотической поэзии «ПоЗыВной — Победа!» (составитель — Виктор Кирюшин). Все эти книги были изданы для моральной поддержки русских бойцов, и вскоре после их издания они стали поступать к воинам на фронт, в госпитали, в библиотеки Донбасса и в Суворовские училища.

Открывая презентацию этих книг, председатель Союза писателей России Николай Фёдорович Иванов рассказал, что по всей России уже подхватывают его инициативу и издают дополнительные тиражи этих книжек.

КРУГ ЧТЕНИЯ

«Мы понимаем, что время дорого, — заявил Иванов. — Поэтому действуем мобильно. Можно говорить о настоящем всплеске патриотической поэзии в связи со спецоперацией России по денацификации Украины. Приходится выбирать лучших из лучших, потому что нам шлют сотни и сотни стихотворений. Наш главный критерий — стихи должны быть талантливы и при этом поддерживать бойцов, мотивировать их на Победу».

Самым значительным вкладом в укрепление духа воинов Российской Армии, а также солдат ДНР, ЛНР и граждан всего Донбасса является Антология «ПоЗыVной — Победа!», в которую включено порядка трёхсот страниц патриотических стихов и карикатур на злобу дня. При этом каждая из карикатур снабжена едким, но справедливым стихотворением, типа: «За оружие, бабло и порошок — всё продаст Зеленский-петушок» или: «Уже давно для мира не фантастика, что в голове у дяди Сэма свастика».

Антология открывается словами из выступления президента В.В. Путина на пресс-конференции 29 июня 2022 года в Ашхабаде о подвиге героев Специальной военной операции: «Ребята, которые выполняют там боевые задачи, воюют, подвергают свою жизнь опасности, некоторые уходят из жизни, они защищают людей, которые живут на Донбассе, они защищают интересы России, обеспечивают безопасность нашей страны... И, конечно, они заслуживают того, чтобы о них говорила страна, знала страна, и я не только поддерживаю вот такие идеи... я думаю, что и песни надо слагать, и стихи писать, и памятники ставить. Они — герои!»

И следом — вступительная статья председателя СП России Николая Фёдоровича Иванова «Точка ноль», которую он завершает словами: «Я, русский офицер и русский писатель, принимаю Z в свой внутренний мир. Внешний мир сложен, переплетён мириадами нитей, но время русской «Земли» уже не замолчать и не предать забвению. Я — не предам!»

И дальше Николай Фёдорович напоминает нам, что ещё в древнерусской азбуке буква Z обозначала с самой древней поры слово «земля».

А далее располагаются высказывания ряда известных граждан России, озаглавленные фразой: «Своих не бросаем». Среди них — кинорежиссёр Никита Михалков, председатель Государственной компании «Российские автомобильные дороги» Вячеслав Петушенко, писатель Александр Проханов, певец Александр Маршал, писатель-фантаст Сергей Лукьяненко и другие. А потом — стихи. Как молитвы о живых и павших.

Одним из таких павших является молодой поэт, студент, пулемётчик и гвардии матрос Иван Лукин, сын известного поэта Бориса Лукина. В этой Антологии — стихи отца о своём погибшем сыне:

*...Знаю, ангелом ты кружишь
над братишками в сей час,
гонишь смерть... Морпехи сдюжат!
Ты их вновь прикрой сейчас.*

*...Над твоей могилой стяги.
И почётный зал звучит.
Так давно была Присяга —
жизнь назад... Чтоб вечно жить!*

Кроме пулемётчика Ивана Лукина, среди погибших за Донбасс воинов значатся Герой Донецкой Народной Республики и Герой России гвардии полковник Владимир Жога, Герой России старший лейтенант Нурмагомед Гаджимагомедов, Герой России полковник Алексей Бернгард, кавалер Ордена Мужества подполковник ВДВ Денис Глебов — а сколько ещё молодых и прекрасных ребят остались здесь не упомянутыми, не отмеченными никакими наградами?.. Дай Бог, чтобы все они оставались живыми, ведь остаться живыми — это намного важнее, чем остаться всего только в чьей-то памяти. Хотя остаться в чьих-то стихах — это тоже продление жизни, так как стихи — это тоже молитва о спасении, что вытекает из стихотворения Евгении Бильченко «Солдатская молитва»:

*История тасует дни и даты.
Истории правдивость не нужна.
А я молюсь за русского солдата,
Пока идёт гражданская война...*

Книга — это тоже своего рода память, и эта память — коллективная, потому что её пишут многие люди, а читают ещё больше. Данную книгу из своих стихов слагают Леонид Корнилов, Борис Лукин, Александр Проханов, Виктор Верстаков, Александр Ананичев, Михаил Ножкин, Илья Резник, Владимир Силкин, Владислав Артёмов, Юрий Поляков, Надежда Мирошниченко, Виктор Кирюшин, Анатолий Пшеничный, Андрей Шацков, Наталья Ахпашева, Алексей Шорохов, Лев Котюков, Валентина Ефимовская, Алексей Полубота, Александр Бобров, Геннадий Иванов, Мария Ватутина, Владимир Скиф, Валерий Латынин, Дмитрий Дарин, Валерий Хатюшин, Владимир Берязев, Анатолий Аврутин, Евгений Артюхов, Иван Нечипорук, Сергей Дмитриев, Иван Щёлоков, Николай Рачков, Сергей Донбай, Владимир Бояринов, Борис Орлов — и так далее, на три сотни страниц настоящей русской поэзии. Когда-то она витала над просторами всего Советского Союза, цвела на страницах множества литературных журналов, звучала с телеэкранов и из радио, а потом её почти отовсюду изгнали, и вот сегодня, кажется, забрезжило, наконец, такое время, когда в жизнь русских людей опять возвращается поэзия.

В Антологии «ПоЗЫВной — Победа!» собраны лучшие стихи и песни современных поэтов, посвященные освободителям Донбасса и всей украинской земли от нацистской нечисти. И мы знаем, что правда — за нами.

К 100-летию «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ»

- Анатолий АВРУТИН. Моя «Молодая гвардия» — 3
Анатолий ВЕРШИНСКИЙ. Первая столичная публикация — 4
Валерий ГАБРУСЕНКО. Русская линия «Молодой гвардии» — 5-6
Виктор КИРЮШИН. Когда слово сближало — 3
Ольга КОЗЛОВЦЕВА. Вместе читаем «Молодую гвардию» — 4
Алина КОСТЮК-СВЕТЛИЦКАЯ. Несущий время в себе — 5-6
Марк ЛЮБОМУДРОВ. Сто лет — цифра молодая — 5-6
Эмма МЕНЬШИКОВА. Всегда молодая и всегда гвардия — 4
Александр НЕСТРУГИН. Поклонное слово — 4
Владимир ПРОНСКИЙ. Вместе с народом — 3
Валентин СОРОКИН. Возвращение в молодость — 1-2
Ирина УШАКОВА. Гвардия русской литературы — 7-8
Валерий ХАТЮШИН. Век «Молодой гвардии» — 5-6

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Павел АГАПОВ. По нацистским заветам — 9
Сергей БЕРЕЖНОЙ. Бои местного значения. И фронтового блокно-
та — 11-12
Владимир БОЛЬШАКОВ. Заново открыть Россию — 3
Владимир БОЛЬШАКОВ. Заново открыть Россию — 4
Владимир БОЛЬШАКОВ. Наше дело правое — 5-6
Владимир БОЛЬШАКОВ. Линия разлома — 7-8
Александр ГАПОНЕНКО. Невыученные уроки — 3
Олег ГУДЫМО. Победа — это не только флаг над Рейхстагом — 5-6
Виталий ДАРЕНСКИЙ. Война за Украину — 5-6
Андрей ЗАВЬЯЛОВ. Русофобия как метод зомбирования и управле-
ния — 10
Константин ЕРОФЕЕВ. Украинский нацизм — 7-8
Андрей КАРПОВ. В этот момент истории — 3
Олег КАССИН. Новый нацистский интернационал — 9
Валентин КАТАСОНОВ. Это мог бы только Сталин — 9
Валентин КАТАСОНОВ. Пути к нашей победе — 11-12
Валерий КИРИЛЛОВ. А воз и ныне там — 3
Валерий КИРИЛЛОВ. О чём грустит моя родина — 4
Андрей КОСТЕРИН. Путь к сохранению Отечества — 4
Светлана МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО. Вторичное одичание в цифро-
вом мире — 1-2
Мария МОНОМЕНОВА. Бильдербергский переполох — 9
Наталья ОСИПОВА. Повторы истории — 11-12
Галина ПЫРХ. Нашествие иноплемённых — 1-2
Галина ПЫРХ. Ювенальные вирусы — 11-12
Александр СЕВАСТЬЯНОВ. Решающий фактор в истории мира — 1-2
Александр СЕВАСТЬЯНОВ. Что произошло в Казахстане — 4
Александр СЕВАСТЬЯНОВ. Враг будет разбит! — 5-6
Александр СЕВАСТЬЯНОВ. Неизбежность демонтажа Украины — 7-8
Александр СКОКОВ. Кто поднимет село Рождество? — 9
Николай СОМИН. Почему мы победили — 5-6
Павел ТУЛАЕВ. Разделённое славянство — 10

Ирина УШАКОВА. Народная школа Рачинского — для современности — 10
Евгений ЦЫБИЗОВ. Экзамен для российской власти — 7-8
Валерий ШАМБАРОВ. Кутузов и британцы — 10
Алексей ШОРОХОВ. Спецоперация и «шестая колонна» — 4

ПРОЗА

Анатолий БАЙБОРОДИН. Сказка. Рассказ — 4
Виктор БОЧЕНКОВ. Снежинка. Рассказ — 10
Владимир ВАСИЛИНЕНКО. На опоре. Рассказ — 1-2
Юрий ВИСЬКИН. Целая жизнь. Рассказ — 5-6
Василий ВОРОНОВ. Сны о Стамбуле. Рассказ — 3
Василий ВОРОНОВ. После колхоза. Отрывок из книги — 11-12
Татьяна ГРИБАНОВА. «Так и жили». Отрывок из повести — 4
Татьяна ГРИБАНОВА. Короткие рассказы — 10
Михаил ГРИШИН. Рассказы — 3
Николай ДОРОШЕНКО. Мои курские древности. Воспоминания — 9
Николай ЗАЙЦЕВ. Старик и голуби. Рассказ — 1-2
Камилъ ЗИГАНШИН. Волчья смерть. Рассказ — 9
Геннадий КАРПУНИН. Рассказы — 4
Геннадий КАРПУНИН. Отец Григорий. Рассказ — 9
Василий КИЛЯКОВ. Дочь Севера. Рассказ — 7-8
Надежда КНЯЗЕВА. Три счастливых дня. Рассказ — 10
Анатолий КОЗЛОВ. Ночной попутчик. Рассказ — 4
Владимир КРУПИН. Семейная сцена. Рассказ — 5-6
Виталий ЛОЗОВИЧ. Волчья кровь. Рассказ — 1-2
Андрей НЕКЛЮДОВ. В глубинке. Рассказ — 7-8
Владимир НЕЧАЕВ. Короткие рассказы — 11-12
Евгений НОВИЧИХИН. Фотография. Рассказ — 7-8
Юрий ПАХОМОВ. Рассказы — 4
Анатолий ПОДОЛЬСКИЙ. Два рассказа — 7-8
Артём ПОПОВ. Два рассказа — 1-2
Артём ПОПОВ. Рассказы — 10
Владимир ПРОНСКИЙ. Уходило спелое лето. Повесть — 5-6
Владимир ПРОНСКИЙ. Гиблое заречье. Повесть — 11-12
Андрей ПУЧКОВ. Удачный выстрел. Рассказ — 11-12
Сергей ПЫЛЁВ. Есть ли жизнь на антресолях? Рассказ — 3
Андрей РАСТВОРЦЕВ. Без главного героя. Рассказ — 1-2
Ольга СЕВОСТЬЯНОВА. Горькие хризантемы. Простые истории — 9
Юрий СЕМЁНОВ. Рассказы — 9
Михаил СМИРНОВ. Покажет время... Рассказ — 7-8
Михаил СМИРНОВ. Листья памяти. Рассказ — 11-12
Юрий ШИПНЕВСКИЙ. За дамбой. Рассказ — 3

ПОЭЗИЯ

Анатолий АВРУТИН. Русь красноречивая. Стихи — 5-6
Николай АЛЕШКОВ. На расстоянье взгляда. Стихи — 11-12
Людмила БАНЦЕРОВА. И затеплится свет... Стихи — 9
Виолетта БАША. Чтобы выжить, чтобы жить. Стихи — 1-2
Елена БЕЗРУКОВА. Прощёная вода. Стихи — 11-12
Анатолий ВЕРШИНСКИЙ. Полночный метроном. Стихи — 7-8

Игорь ВИТЮК. Русский долг. Стихи — 4
Андрей ГРУНТОВСКИЙ. Только любовь. Стихи — 11-12
Анатолий ЗЕЛЕНЦОВ. Зацвели клевера. Стихи — 9
Вилиор ИВАНОВ. И мать, и рожь, и васильки. Стихи — 9
Олег ИГНАТЬЕВ. Надежда на чудо. Стихи — 10
Диана КАН. Вешнему ветру под стать. Стихи — 5-6
Василий КИЛЯКОВ. Всё живое. Стихи — 1-2
Георгий КОЛЬЦОВ. Сила родства. Стихи — 1-2
Валерий КРАВЕЦ. Свет высоты. Стихи — 7-8
Юрий КРАВЦОВ. Где свято всё. Стихи — 5-6
Валерий КРЕМЕР. Вода небесная светла. Стихи — 3
Ольга КОЗЛОВЦЕВА. Чтоб Русь воспряла. Стихи — 7-8
Валентина КОРОСТЕЛЁВА. Искры в траве... Стихи — 9
Александр ЛИСНЯК. Милость и Свет. Стихи — 4
Надежда ЛИСОГОРСКАЯ. Свеча памяти. Стихи — 7-8
Юрий МАНАКОВ. Свидание с родиной. Стихи — 9
Елизавета МАРТЫНОВА. Чувство Родины. Стихи — 1-2
Татьяна МАРУГОВА. Застывшая слеза. Стихи — 4
Эмма МЕНЬШИКОВА. Любовью полнится душа. Стихи — 5-6
Виктор МОСТОВОЙ. Лучезарный обруч. Стихи — 7-8
Иван НЕЧИПОРУК. Города озябшая душа. Стихи — 4
Борис ОРЛОВ. Русский рубеж. Стихи — 1-2
Николай ПИДЛАСКО. На родимом рубеже. Стихи — 9
Нина ПОПОВА. Я посадила сад... Стихи — 3
Олег ПОРТНЯГИН. От любви и печали. Стихи — 3
Николай РАЧКОВ. Если свеча горит... Стихи — 10
Юрий САВЧЕНКО. Сумеречный свет. Стихи — 10
Виктор САЗОНОВ. Река разлуки. Стихи — 3
Леонид САФРОНОВ. Над белой гречихой... Стихи — 10
Евгений СЕМИЧЕВ. Русское солнце. Стихи — 7-8
Валентин СОРОКИН. Свет памяти. Стихи — 5-6
Вадим ТЕРЁХИН. Слово и музыка. Стихи — 1-2
Елизавета ХАПЛАНОВА. Сбереги меня, Россия. Стихи — 4
Валерий ХАТЮШИН. Мой век. Поэма. Стихи — 5-6
Валерий ХАТЮШИН. Русский свет. Стихи — 11-12
Владимир ХОМЯКОВ. Затаённый огонь. Стихи — 11-12
Людмила ЩИПАХИНА. На краю... Стихи — 3
Стихи о войне за Россию — 11-12
Стихи поэтов России — 7-8
Стихи поэтов Сызрани — 3
Стихи лауреатов II Конкурса художественного перевода — 4

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Владимир АНИЩЕНКОВ. Освобождение Европы от шведских захватчиков — 9
Валерий ГАБРУСЕНКО. Почему растет рейтинг Сталина — 3
Валерий ГАБРУСЕНКО. Вершители Русского государства — 4
Валерий ГАБРУСЕНКО. Великие судьбы Победы — 5-6
Валерий ГАБРУСЕНКО. Исконное германское коварство — 10
Сергий КАРАМЫШЕВ. Украина-Руина — 11-12
Геннадий КОЛДАСОВ. О Польше и поляках — 4

Александр ЦЕРКОВНЫЙ. Инструмент неолиберализма — 3
Валерий ШАМБАРОВ. Две Отечественные — 9

УРОКИ ИСТОРИИ

Владимир БОЛЬШАКОВ. Десант мировой закулисы — 1-2
Владимир АНИЩЕНКОВ. Последние дни Союза — 3

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Татьяна ГРИБАНОВА. Прошу слова! — 4

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Лина МКРТЧЯН, Ирина УШАКОВА. Мы живем в эпоху смерти реальности — 1-2
Валерий КИРИЛЛОВ, Константин ИЛЬИН. «Пятая колонна» — тормоз России — 10
Валерий ХАТЮШИН, Диана КАН. Один в поле воин — 4
Виктор ЧАЛМАЕВ, Ирина УШАКОВА. Русский народ — кредитор будущего — 5-6

ДОСЬЕ МГ

Владимир БОЛЬШАКОВ. Вирусы смерти — 7-8
Мария МОНОМЕНОВА. Между Гедерой и Хадерой — 7-8
Евгений ПРОСКУРЯКОВ. История провала — 3
Андрей СОШЕНКО. Борьба с содомией или ее имитация? — 9

СИМВОЛ ВЕРЫ

Павел ДМИТРИЕВ. Карфаген должен быть разрушен — 5-6
Сергий КАРАМЫШЕВ. Люди осени — 3
Сергий КАРАМЫШЕВ. Корни украинской измены — 10
Мария МОНОМЕНОВА. Проглотим всё? — 4
Олег СЫРОМЯТНИКОВ. Обезьяна или Бог — 10
Мария ТОБОЛОВА. Белый ангел Москвы — 1-2

РУССКИЙ ВОПРОС

Валерий ГАБРУСЕНКО. Нужна ли русским империя? — 1-2

РУССКИЙ МИР

Андрей АНТОНОВ. Наше единство проверено веками — 10
Владимир БОЛЬШАКОВ. О чём шумят «спасители России»? — 1-2
Владимир БОЛЬШАКОВ. Время быть с Россией — 9
Лев ГОРЕЛИКОВ. Главная угроза нашему будущему — 9
Андрей ЗЕЛИНСКИЙ. Над Украиной крылья Люцифера — 3
Александр СЕВАСТЬЯНОВ. За что и почему мы воюем с Украиной? — 7-8

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

- Валерий ГАБРУСЕНКО. Настоящий русский губернатор — 1-2
Валерий ГАБРУСЕНКО. Русские гении — 7-8
Лина МКРТЧЯН. «Сокровище сие мы носим в глиняных сосудах» — 10
Юрий УТКИН. Три возраста Сталина — 3

ЛАРЕЦ

- Василий БЕЛОВ. Такая война. Рассказ — 11-12
Любовь ФЕДУНОВА. Правда сердца. К 90-летию Василия Белова — 11-12

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

- Вячеслав БОГДАНОВ. Стихи — 9
Константин СКВОРЦОВ. Пророчество поэта. К 85-летию Вячеслава Богданова — 9
Елена СУХОВА. Русская судьба. К 100-летию Фёдора Сухова — 11-12
Фёдор СУХОВ. Я с вами, милые мои. Стихи — 11-12
Любовь ФЕДУНОВА. «Заповедное» Геннадия Чистякова — 10
Геннадий ЧИСТЯКОВ. Стихи — 10

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

- Владимир БОЛЬШАКОВ. Размышления у «красной черты» — 4
Елена МКРТЧЯН. Мартовские иды — 7-8
Мария МОНОМЕНОВА. Беседа со священником — 3
Александр ШВЕД. Гибель СССР и молчание Крючкова — 1-2

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

- Владимир БОЛЬШАКОВ. Обнуление псевдозвёзд — 9
Сергей КУЛАКОВ. Непотопляемая Лахова — 7-8

ИРОНИЧЕСКИМ ПЕРОМ

- Мария МОНОМЕНОВА. Все секреты рассказал... — 10

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

- Андрей АНТОНОВ. Они нас разделили — 4
Андрей АНТОНОВ. Интересы страны и госчиновники — 9
Альбина ВОЛКОВА. Два фронта России — 10
Проход ВЯЗЕМСКИЙ. Политика руссозамещения — 1-2
Валерий ГАБРУСЕНКО. Болонская система: выходя, остаёмся — 9
Михаил ДЕМУРИН. В чьих руках «традиционные ценности»? — 4
Павел ДМИТРИЕВ. Украина: битва за будущее — 7-8
Павел ДМИТРИЕВ. Запад сходит с ума — 9
Маргарита КАРАНОВА. О флаге и гимне — 7-8
Вадим КУЛИНЧЕНКО. Ползучая агрессия — 1-2
Дмитрий КУНИЦКИЙ. Приговор проекту украинства — 7-8
Вячеслав МАКАРЦЕВ. Опасности принудительной вакцинации — 3

Дмитрий МАМОНОВ. Электронный паспорт — 3
Владимир МАЛЁВАННЫЙ. Сделка с дьяволом — 1-2
Сергей МАТВЕЙЧУК. Геополитический козырь России — 7-8
Геннадий МАТЮШОВ. Постмодернистская мораль — 7-8
Мария МОНОМЕНОВА. Насильно мил будешь! — 11-12
Михаил ОДЕССКИЙ. «Пугачёвский бунт» — 11-12
Алексей ОЩЕПКОВ, Евгений ХОВАНСКИЙ. О феномене «стрелков» — 1-2
Вадим РЫБИН. Договор с нацистами — отложенная война — 9
Александр РУДЕНКО. С кем воюет Русский мир? — 10
Александр СЕВАСТЬЯНОВ. Русский мир и СВО — 10
Андрей СОШЕНКО. Взялись за «Сохнут»... — 10
Андрей СОШЕНКО. Заставить слушать биение сердец — 11-12
Лидия СЫЧЁВА. Кому служит таинственная кубышка? — 3
Александр УФАЕВ. Проекты, далёкие от жизни — 1-2
Анатолий ФИЛАТОВ. О полной ликвидации украинизма — 7-8
Галина ЧУДИНОВА. За новый социализм — 5-6
Роман ЮШКОВ. Доживём ли? — 10

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Ирина ПРИЩЕПОВА. Край чудесных красот — 4

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания — 1-2, 3, 4, 5-6, 7-8, 9, 10, 11-12

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Людмила ВОРОБЬЁВА. Литература как жизнь и судьба. К 100-летию журнала «Молодая гвардия» — 3
Людмила ВОРОБЬЁВА. «Земля берёзовых кровей» — 7-8
Людмила ВОРОБЬЁВА. Заповедная зона души. О книге Эммы Меньшиковой «Мгновения вечного времени» — 10
Сергей ПАНФЁРОВ. В колыбели родных берегов — 7-8
Нина ЧЕРЕПЕННИКОВА. Спасибо, что был (Вспоминая Василия Шукшина) — 4

КРУГ ЧТЕНИЯ

Лидия ДОВЫДЕНКО. Духовный свет Истины — 9
Александр НЕСТРУГИН. Живые глаза. О книге публицистики Ивана Щёлокова «Вечные странники» — 1-2
Николай ПЕРЕЯСЛОВ. Книга без начала и конца — 9
Николай ПЕРЕЯСЛОВ. ПоЗЫВные Войны — 11-12
Нина ПОПОВА. Герои духовного сопротивления. О книге Н.П. Васильевой «Крестьянские заступники» — 1-2